

Э. М. СОЛОДУХО

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИИ

*(на материале языков славянской,
германской и романской групп)*

986307

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1982

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Казанского университета*

Научные редакторы: проф. Э. М. Ахунзянов, доц. Д. Х. Баксва

Монография посвящена изучению актуальных вопросов фразеологической интернационализации. В работе выявляются типы фразеологических интернационализмов, раскрывается значимость каждого типа в общем интернациональном фразеологическом корпусе, исследуются пути фразеологической интернационализации, устанавливаются факторы как способствующие, так и препятствующие формированию межъязыковой фразеологической общности, а также определяются основные закономерности существования интернационализмов. Монографическое изучение интернационализации фразеологии на материале славянских, германских и романских языков проводится впервые.

Книга рассчитана на лингвистов, преподавателей языка, аспирантов и студентов-филологов.

С $\frac{70102 - 049}{075(02) - 82}$ 27-82 4602000000

ГЛАВА

ИЗУЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Состояние разработанности проблем фразеологической интернационализации

В последние десятилетия повышенное внимание лингвистов направлено на изучение проблем межъязыковых отношений и связанных с ними специфических процессов и явлений, определенное место среди которых занимает языковая (как правило, лексическая) интернационализация¹. В немалой степени это объясняется интенсификацией исследований в области теории языковых контактов, двуязычия, в целом в области социолингвистики, а также все большей активизацией типологических и синхронно-сопоставительных штудий, стимулируемых бурным развитием различных форм межнациональных отношений и необходимостью решения прикладных задач современной лингвистики.

Хотя изучение межъязыковых отношений и порождаемых ими процессов и явлений имеет давнюю историю² и является традиционным для науки о языке, до сих пор данная область окончательно не оформилась в самостоятельное направление³. Поэтому, естественно, что еще меньшей определенностью положения в этом отношении характеризуются исследования международных элементов, или, как их еще называют, «интернационализмов» различных языков мира.

Среди отечественных и зарубежных лингвистов не существует единого мнения о происхождении, сущности и границах интернационализмов в языках⁴, хотя все же основным предметом рассмотрения оказывается лексика европейских языков, или более узко, терминология греко-латинского происхождения⁵, характеризующаяся в целом значительной общностью семантических и формальных черт и являющаяся чрезвычайно обширной и популярной группой интернационализмов.

До пятидесятых годов интернационализмы рассматривались в связи с вопросами заимствования и не вычленялись из диахрони-

ческой категории. На рубеже шестидесятых годов наметился поворот во взглядах на интернациональные знаки как на разновидность заимствований (чаще всего заимствованной лексики), приведший к их разделению и даже противопоставлению. Сложилось два направления в изучении интернационализмов, крайние полюса которых представлены, с одной стороны, работами М. М. Маковского, Ю. С. Сорокина, И. В. Арнольд и мн. др., а с другой — Р. А. Будагова, Ю. А. Бельчикова, В. В. Акуленко и др. Первые не выделяют интернационализмы из круга заимствований⁶. Вторые выступают против отождествления этих категорий⁷. Существуют и менее определенные, промежуточные позиции⁸.

Значительным вкладом в развитие теории интернационализаций и своеобразным итогом исследований в этой области явилась монография В. В. Акуленко⁹. Автор рассматриваемой работы выделяет интернациональность как особое явление среди разнообразных типов и форм общности в языках, которая проявляется в сходстве содержания и выражения. В. В. Акуленко выделяет семь типов интернациональной общности, лексических знаков: международные лексические и деривационные морфемы и основы, интернациональные слова, международные фонетические, словообразовательные, семантические и фразеологические аналоги. В терминах теории двуязычия они передаются как омологичные полиморфемы, полилексемы и полифраземы.

Данный автор указывает, что «...качество интернациональности — явление относительное и объективное: оно проявляется в обеих сторонах лексических знаков: во-первых, в сходстве значений разноязычных знаков и, во-вторых, в сходстве их внешних признаков (звучаний и/или написаний и/или мотивировок)»¹⁰. Как это видно, понятие формы (внешние признаки) трактуется широко. Оно охватывает не только звучание и графическую оболочку, но также мотивировку.

В рассматриваемой работе обосновываются три вида мотивировки слов: 1) фонетическая (связь звучания со значением), 2) морфологическая (словообразовательная структура сложных и производных слов), 3) семантическая (переносность значения).

Мотивировка лексикализованных словосочетаний выражается в лексическом значении конstituэнтов и в грамматической форме словосочетания. При этом подчеркивается, что речь идет о мотивированности с позиции синхронии, а не о вскрытии этимологической структуры. Таким образом, «...возможны полилексемы и полифраземы со сходной до степени отождествления мотивировкой, узнаваемые в сопоставляемых языках даже в случае расхождений в их реальном звучании»¹¹.

Степень интернациональности определяется числом сходных аспектов. Совпадение значений в разноязычных элементах констатируется как необходимое условие для признания их соответствующими друг другу. Большая степень сходства наблюдается у морфем, основ и слов, совпадающих по звучанию и графической

оболочке. Как справедливо отмечается в работе, элементы, обладающие указанным сходством, могут быть идентифицированы даже неспециалистами. Попутно отметим, что значительно сложнее бывает идентифицировать фразеологические интернационализмы, основанные только на общности значения и мотивировки. Такая операция часто требует специальной языковой подготовки.

В. В. Акуленко относит интернационализмы к межъязыковой категории синхронии, выявляемой путем применения не типологического, а ареального и синхронно-сопоставительного методов, т. е. не на абстрактном уровне, а на уровне нормы.

По концепции В. В. Акуленко, появление в языке интернационализмов диахронически объясняется различными причинами и ни в коем случае не сводится только к результатам процессов заимствования¹². С другой стороны, подчеркивается, что не любое заимствование приводит к возникновению интернациональных знаков.

Следует все же констатировать, что рассматриваемые данным автором диахронические процессы интернационализации словарного состава языка в своей основной массе так или иначе, в конечном счете или с самого начала, связаны с заимствованием (исключение составляют такие явления, как сходство звукоподражания, фонетическая универсальность некоторых детских слов), а точнее представляют собой различные формы языковой миграции, не все из которых, очевидно, признаются В. В. Акуленко собственно заимствованием (например, различные типы калькирования, фонетическое заимствование, совокупное проявление опосредованных миграционных процессов и др.).

Забегая вперед, отметим большую роль независимого развития параллелизма в интернационализации фразеологического, нежели лексического состава языка. Многообразие и переплетение процессов независимого становления сходных или близких в структурно-типологическом отношении фразеологических единиц (ФЕ) в совокупности с различными формами фразеологической миграции ярко демонстрируют сложность конвергентного развития фразеологии.

* * *

При наличии солидной истории изучения интернациональной лексики вопросам фразеологической интернационализации не уделяется должного внимания. В работах В. В. Акуленко, как и в исследованиях большинства других лингвистов, занимающихся интернационализмами, проблемами фразеологии, вопросы фразеологической интернационализации рассматриваются эпизодически, а фактический материал этой категории интернационализмов практически отсутствует. Наши материалы показывают, что выводы, справедливые для интернациональной лексики, далеко не всегда могут быть равноправно распространены на фразеологические факты. Так, часто наблюдаемые при лексической интерна-

ционализации по линии заимствования явления полигенезиса, множественности этимологических и исторических источников и этимологического материала значительно меньше характерны для фразеологии. Здесь речь может идти скорее о причастности языка-посредника к образованию ФЕ и о соотношении потенциальных и реальных этимологических источников. Язык-посредник может явиться отчасти создателем той или иной ФЕ, если в нем происходит формирование оборота как такового на основе заимствования представлений, образов и т. п., вербальное выражение которых не может быть признано как собственно ФЕ, хотя и отмеченное признаком неоднократной воспроизводимости в языке народа, первоначальным достоянием которого является прежде всего содержание этого фразеологизма. В качестве примера приведем параллели: рус. «глас народа, глас божий» — болг. «глас народен, глас божи» — англ. *the voice of the people is the voice of God* — фр. *la voix du peuple est la voix de Dieu* и т. д. Е. И. Тимошенко отмечает: «Зародыш пословицы находится уже у Гомера, который происхождение народной молвы приписывает Зевсу...»¹³

Ср. отрывок из «Одиссеи»:

...хочу я Спарту и Пилос песчаный посетить, чтоб проведать,
Есть ли там слухи какие о милом отце и какая В людях молва
про него, иль услышать о нем прорицанье Оссы, всегда повторяю-
щей людям Зевесово слово (Гомер, Одиссея, II, 213—217. Перев.
В. А. Жуковского).

Взгляд на молву как на голос бога встречается у Гесиода (Орр. 763), Софокла (Oed. R. 42). Однако данная мысль в этих произведениях не получила постоянную вербальную форму. Далее Е. И. Тимошенко пишет: «Что касается латинской сентенции — *vox populi, vox Dei*, послужившей оригиналом нашей поговорки, то хотя она, без сомнения, и возникла из классических представлений о молве, но сама не принадлежит античной древности»¹⁴. Таким образом, в данном случае копировка формального построения — прямое заимствование из латинского, а содержание — опосредствованное заимствование из греческого через латинский, получившее только в последнем максимальное обобщение. То же самое справедливо по отношению к ФЕ других языков данного ряда.

Сосуществование параллельных иноязычных форм в одном и том же языке, восходящих к общему этимологическому источнику, наблюдается крайне редко. Например, употребление в русском языке итальянского выражения *veder Napoli e poi morì* с латинского *videre Napoli et Mori*¹⁵ и французского оборота *voir Naples et mourir* через итальянский с того же этимологического источника.

Регулярность единичных исторических и этимологических источников подтверждается изучением конкретных межъязыковых отношений и данными словарей¹⁶.

Далее, обращение к этимологии фразеологических единиц, как правило, не ведет к ложным синхроническим связям, нередко наблюдаемым в этом случае на лексическом уровне (для этимологически связанных ФЕ менее характерна полная утрата параллелизма).

Интернациональная лексика по сравнению с интернациональной фразеологией характеризуется несравненно более частым совпадением таких внешних признаков, как звучание и написание, что на фразеологическом уровне регулярно наблюдается лишь у ФЕ, заимствованных в их исконной форме, и у фразеологических интернационализмов (ФИ) с обязательным частичным материальным тождеством. Межъязыковые фразеологические параллели (ФП) с достаточно высокой степенью полного (неоднородного) материального сходства, не принадлежащие исключительно к указанным группам, редки: рус. «колосс родосский» — англ. *colossus of Rhodes* — фр. *colosse de Rhodes* и т. д.

Из всего этого становится несомненным тот факт, что интернациональные слова, в своей общей массе, обладают большей степенью сходства, чем интернациональные ФЕ, а следовательно, характеризуются большей легкостью узнавания. Все это дает возможность говорить о необходимости дифференцированного подхода к выделению и изучению лексических и фразеологических интернационализмов.

Многочисленные эпизодические высказывания об интернациональной фразеологии¹⁷ не являются результатом специальных исследований и поэтому, как правило, оказываются субъективными. Нередко субъективизм усугубляется рассмотрением интернациональной фразеологии с позиции одного языка, что вообще противоречит смыслу интернационального¹⁸.

Обычно к интернациональной фразеологии относят ФЕ, в основе которых заключены образы, взятые из греческой и римской мифологии, истории, литературы, ФЕ библейского происхождения, так называемые крылатые слова, противопоставляя им фразеологическую общность как результат действия факторов иного порядка, например, языкового родства, более поздних культурно-исторических связей, не говоря уже о независимом развитии фразеологического параллелизма¹⁹.

Хотя отношение многих специалистов к ФЕ, функционирующим в их иноязычной форме, продолжает оставаться в значительной степени настороженным или отрицательным, все же не только лингвисты, признающие их законным достоянием заимствующих языков, но и их оппоненты констатируют принадлежность большого числа подобных образований к интернациональному фонду²⁰. Некоторые другие лингвисты относят к ФИ также кальки и полукальки, укоренившиеся в ряде европейских языков²¹. В редких случаях отмечается интернациональный статус фразеологических параллелей, возникших под действием экстралингвистических универсалий²².

Специальные работы, посвященные интернациональной фразеологии, единичны²³, имеют частный характер, и за редким исключением²⁴, выполнены в русле теории лексической интернационализации без учета специфики объекта исследования²⁵.

Наиболее существенными в этой области являются исследования С. Б. Берлизон²⁶. Данный автор правомерно выделяет наряду с традиционно отмечаемыми группами ФИ ряд подгрупп самостоятельно возникших параллелей. Однако при этом в некоторых случаях генетический аспект интернационализации смешивается с вопросом о сфере первоначального употребления ФЕ²⁷. Раскрывая, насколько это позволяют рамки статей, некоторые особенности выделяемых групп интернационализмов, рассматриваемый автор, однако, лишь констатирует признание независимо возникших параллелей интернациональными, не вскрывая процессы их образования и порождающие факторы. Необходимо вообще акцентировать внимание на недостаточной изученности этой стороны дела на современном этапе развития фразеологии. Остановимся на этом более подробно.

Большие успехи, достигнутые в области фразеологической науки, становление новых аспектов, направлений дает возможность все более всесторонне изучать фразеологические факты. Вместе с тем наблюдается неодинаковое, неравномерное развитие даже тесно связанных между собой направлений. Так, если собственно сравнительно-сопоставительные штудии занимают одно из центральных мест в общем корпусе фразеологических исследований, то структурно-типологический подход, на необходимость развития которого указывали еще в шестидесятых годах известные советские лингвисты Л. И. Ройзензон и Ю. Ю. Авалиани, впервые системно обосновав его в статье²⁸, ставшей фактически программной, остается все еще на начальном этапе становления.

Актуальность разработки структурно-типологического подхода к изучению фразеологических материалов²⁹, важность раскрытия механизмов формирования близких в структурно-типологическом отношении ФЕ в разных языках³⁰ подчеркивались позже. Однако в настоящее время специалисты чаще всего ограничиваются частным анализом, фрагментарными экскурсами на узком участке исследования. В немалой степени такое положение вещей объясняется сложностью одновременного изучения обширных материалов многих разнообразных в генетическом и типологическом отношении языков. Достаточно полное собрание и изучение фразеологических материалов в рассматриваемом плане³¹ не только в планетарном масштабе, но и при ограничении крупными ареалами под силу лишь координированным усилиям больших групп исследователей.

Исследования неограниченного генетическим родством языков параллелизма, даже тематически определенных групп ФЕ в совокупности с отражаемыми в них экстралингвистическими моментами, малочисленны³². Факторы, обуславливающие структурно-типологическое сходство ФЕ, рассматриваются чаще всего попутно

в сравнительно-сопоставительных исследованиях, особенно при сравнении фразеологических фактов родственных языков, изучении проблем переводимости или в связи с описанием параллелизма в пределах языкового союза, а также при изучении вопросов калькирования³³.

Узкая, во многом противоречивая трактовка ФИ как с точки зрения их генезиса, так и состава представлена в работе С. Г. Гаврина и Л. А. Крючковой³⁴. Считая критерием интернациональности ФЕ семантическую общность, совпадение структуры, минимальную принадлежность к трем, не входящим в один территориальный ареал языкам, авторы как будто с самого начала ограничивают ФИ преимущественно фразеологическими кальками (что само по себе уже неверно), исключают критерий внешнего сходства, применимый, по их мнению, лишь к интернациональной лексике³⁵, почему-то при этом не определяя свое отношение к многочисленным разновидностям ФЕ, совмещающим иноязычный материал с исконным. Однако на последующих страницах данной работы находим не согласующееся с только что приведенным определением интернационального утверждение: «Значительную часть интернациональной фразеологии составляют ФЕ, употребляющиеся без перевода...»³⁶, для которых, кстати, внешнее сходство является одним из самых существенных признаков отождествления.

В рассматриваемой работе ничего не говорится об интернационализации путем независимого возникновения сходных образований в разных языках, хотя в качестве примеров ФИ в ряде случаев фигурируют подобного рода образования³⁷, которые, вероятно, принимаются за кальки. Вообще сведение обусловленности межъязыковой фразеологической общности к единству источника, который якобы сам по себе свидетельствует об интернациональности, не может не вызывать законных возражений. Ведь, в конце концов, хоть это и не характерно для фразеологии, возможна утрата качества интернационального у этимологически связанных ФЕ.

Нельзя согласиться с определением абсолютности межъязыкового фразеологического тождества вообще, а тем более демонстрируемого такими параллелями, как рус. «не все то золото, что блестит» — англ. *all is not gold that glitters* — фр. *tout ce qui brille n'est pas or*³⁸, расхождения в структурной организации которых бросаются в глаза при первом приближении.

В рассматриваемой работе преувеличивается значимость терминологических ФЕ, которые в действительности составляют не основную, как утверждают данные авторы, а гораздо меньшую, по сравнению с нетерминологическими ФЕ, часть в общем корпусе ФИ.

Несмотря на указанные недостатки работа имеет положительное значение с точки зрения отдельности рассмотрения ФИ без смешения их с интернациональной лексикой.

Изучение литературы показывает, что определение интернациональности ФЕ в подавляющем большинстве случаев происходит

на основе историко-этимологических фактов, этимолого-генетических ассоциаций, осознания иноязычности происхождения данных ФЕ, при этом фактически имеет место ограничение интернациональной фразеологии кругом фразеологических заимствований³⁹, которые, кстати, также далеко недостаточно изучаются в плоскости интернационализации. В связи с этим состав интернациональной фразеологии неправомерно сужается, и вне поля зрения остаются многие явления и процессы, активно участвующие в межъязыковом фразеологическом сближении, хотя и выходящие за пределы собственно миграционных.

Часто, однако, данный подход принимает форму, по нашей терминологии, «генетико-ассоциативного»⁴⁰ определения интернациональной фразеологии, что возможно лишь для некоторой части международных ФЕ. Подобный подход оказывается неудовлетворительным даже для определения интернационализмов-заимствований по происхождению в случае утраты ими признаков иноязычности, т. к. искусственно сокращает интернациональный фразеологический корпус, итак субъективно ограничиваемый, согласно узкой трактовке интернационального, кругом заимствований, общностью как результатом культурно-исторических связей. Особенно это относится к ФЕ, восходящим к общему литературному, культурно-историческому наследию, возникшим на основе художественных произведений, высказываний ученых, политических деятелей и т. п., значительная часть которых, теряя связь со своими истоками и источниками, не несет на себе отпечаток происхождения.

Следует, однако, различать, с одной стороны, выделяемое здесь генетико-ассоциативное установление интернационального как отождествление, основанное на знании исторических фактов (являющихся практически достоянием синхронии), успех которого, таким образом, зависит от полноты знаний отождествляющего, а с другой — историко-этимологический и этимолого-генетический подходы как специальные сопроводительные приемы, позволяющие максимально полно выявлять объективно существующие ФИ, неподвластные только формальной и семантической идентификации.

Установление интернациональной фразеологии и задачи исследования фразеологической интернационализации

Идентификация интернациональной фразеологии осуществляется преимущественно в синхронии и только с межъязыковых позиций. Мы утверждаем возможность преимущественного, а не исключительного синхронического отождествления интернациональной фразеологии⁴¹, учитывая, например, невыводимость значений ФЕ известных групп из значений их компонентов, возможность ложного отождествления, а также неспособность отождествления в ряде случаев при отсутствии знаний определенных фактов из

области истории, литературы, искусства и т. п. как достояний предшествующих этапов развития культуры общества.

Ср., например, возможность ложного отождествления французской ФЕ *boîte à Pandore* — вор. жарг. коробочка с воском, на котором делаются отпечатки ключей — при наличии фразеологизма *boîte de Pandore* (миф.) в ряду мифологизмов: рус. «ящик Пандоры» — англ. *Pandora's box* — ит. *il vaso di Pandora* и др.

Ср. также неспособность соотнести английскую ФЕ *an ass between two bundles of hay*, раскрывающую мотивировку-стимул ФЕ *Buridan's ass*, с иноязычными формами рус. «буриданов осел» — болг. «буриданово магаре» — швед. *Buridans asna* и т. д. в случае незнания этого стимула, что исключает возникновение необходимых ассоциаций.

Само понятие отождествляемости может варьироваться применительно, например, к ФЕ с информационным компонентом, несущим определенные культурно-исторические сведения, знание которых является ключом к расшифровке внутренней формы, мотивирующей значение ФЕ.

Способность отождествления в синхронии одних и тех же языковых фактов неодинакова у людей разных социальных и возрастных групп, зависит от общеобразовательного уровня, специальности, наличия или отсутствия определенных знаний в данной области и т. д.⁴² Основная масса носителей того или иного языка способна идентифицировать лишь некоторую часть интернационализмов, ориентируясь на первом этапе определения на формальные показатели. Более того, разные группы людей могут идентифицировать разные факты, все из которых в действительности являются интернациональными. И от этого неопределяемая часть интернационализмов объективно не меняет своего качества, не утрачивает его.

Если качество и в целом категория интернационального определяются с межъязыковых позиций, то несомненно, что и границы национального становятся более заметными и объективными при межъязыковом рассмотрении. Однако в данном случае особенность интернационального по сравнению с национальным заключается в том, что определенная часть последнего не меняет или почти не меняет своего статуса от метода его рассмотрения, в то время как все интернациональное оказывается таковым лишь с межъязыковых позиций.

Идентификация интернациональной фразеологии является поэтапной процедурой и основывается на учете неодинакового проявления и соотношения сходств и различий у существующих типов межъязыковой фразеологической общности.

К числу внешних показателей интернационального в сфере фразеологии относим совпадение звучания, написания, лексического наполнения, структуры. Содержательная сторона интернационального проявляется прежде всего по линии совпадения семантики и внутренней формы.

Выделенный набор признаков идентификации интернациональной фразеологии является суммарным и варьируется у разных типов ФИ.

Наряду с доминантными наборами признаков идентификации, свойственных каждому типу ФИ, наблюдаются вторичные, характеризующиеся пониженной частотностью. В рядах языков, составляющих определенную изоглоссу, как правило, встречаются разные наборы признаков отождествления.

Нижним пределом числа языков при установлении факта фразеологической интернациональности нами признается минимальная изоглосса, представленная двумя языками независимо от их родства и распространения.

Степень интернационального определяется на основе количественных и качественных показателей соотносительности сопоставляемых единиц. Высокая степень внешнего сходства далеко не всегда сопровождается высокой степенью содержательного сходства, и наоборот. В последнем случае возникает необходимость введения специальных этапов обнаружения скрытых интернациональных характеристик. Вообще нами выделяются следующие этапы идентификации интернациональной фразеологии.

1) Этап формального (внешнего) отождествления. Исходным моментом отождествления обычно оказывается наличие внешнего, звукового и/или графического сходства, а также сходство лексического наполнения ФЕ, установление которых можно рассматривать как ступени одного этапа.

Структурная близость служит дополнительным (сопроводительным) фактором определения интернационального. Наиболее существенную роль данный фактор играет при графической идентификации.

2) Этап семантического отождествления. Недостаточность или полное отсутствие внешнего совпадения делает семантический анализ основным способом отождествления. Наличие определенной межъязыковой семантической соотносительности, ассоциируемой с устанавливаемым внешним сходством, исключает чаще всего последующие стадии идентификации.

3) Этап этимолого-генетического отождествления

Данный этап связан с предметно-логическим, логико-понятийным и семантическим анализом и позволяет вскрывать формы не только реальной, но и потенциальной интернациональности. Главная цель рассматриваемого этапа состоит в раскрытии и сопоставлении внутренней формы предполагаемых ФИ.

4) Этап историко-этимологического отождествления. Историко-этимологический анализ является конечным этапом и применяется как специальный инструмент для установления интернационального прежде всего в случае невозможности вскрытия внутренней формы и ее объективной оценки с позиции синхронии в силу разного рода внутри- и межъязыковой фразеологической сложности.

В заключении поэтапной процедуры идентификации ФИ определяется их стилистическая характеристика и особенности функционирования, что существенно уточняет качество интернационального и место интернационализмов в общей классификационной системе типов интернациональной фразеологии.

Такой подход дает возможность выявить максимальный набор типов ФИ, в том числе смешанные типы.

Попутно отметим, что данная процедура отождествления интернациональной фразеологии при соответствующей ее модификации может получить и методическую направленность и применяться, в частности, в самостоятельной работе изучающих иностранные языки⁴³. Учитывая, что интернациональные элементы являются одной из действенных опор в обучении иностранным языкам посредством сознательно-сопоставительного метода (общесизвестно стремление обучающихся опереться на межъязыковую общность), процедура самостоятельного отождествления будет способствовать, с одной стороны, предотвращению ложной, механической идентификации, а с другой стороны, позволит расширить у изучающих иностранный язык запас истинных интернационализмов, которые легко усваиваются на основе разнообразных ассоциаций и помогают осуществлению коммуникативного намерения.

* * *

В близкородственных языках материальное тождество обычно сопровождается высокой степенью типологического сходства, часто ограниченного теми или иными языками данной группы. Единство материального тождества и типологического сходства обуславливает легкость идентификации ФИ носителями близкородственных языков: рус. „белая ворона“ — болг. „бяла врана“ — серб.-хорв. „бела врана“ — чеш. bílá vrána; рус. „борьба не на живот, а на смерть“ — болг. „борба на живот и (или на) смърт“ — серб.-хорв. „борба на живот и смрт“ — чеш. boj na život a na smrt. Типологически сходными могут оказаться параллельные ФЕ языков других родственных групп, относительная легкость фонеморфологической идентификации которых обеспечивается лишь в пределах этих групп (ср., например: нем. ein Kampf auf Leben und Tod — швед. kamp på liv och död с вышеприведенными славянскими параллелями). Подобная идентификация типологически близких единичных ФЕ языков других родственных групп затруднена (ср., например, нем. ein weißer Rabe с вышеприведенными славянскими параллелями). Далеко не всегда параллелизм представлен всеми языками данной группы.

Другими примерами параллельных ФЕ близкородственных языков, отождествляемых на основе сходства графических и звуковых оболочек, являются: англ. split hairs — нем. Haare spalten; англ. end in the gutter — нем. j-d wird in der Gosse enden;

англ. go to bed — нем. ins Bett gehen; фр. faire bourse commune — ит. far borsa commune; фр. corps à corps (обыкн. употр. с гл. battre, combattre lutter и т. д.) — ит. combattere a corpo a corpo — исп. luchar cuerpo a cuerpo — рум. a lupta corp la corp; фр. prendre l'air — ит. prendere l'aria; фр. faire l'amour — ит. far l'amore; фр. à corps perdu — ит. a corpo perduto и т. д.

Обычно чем отдаленнее оказывается родство соотносимых языков, тем менее различимым становится материальное сходство. Однако не всегда бывает так⁴⁴. Высокая степень материального сходства как результат языковых, культурно-исторических связей может наблюдаться между ФЕ языков, находящихся в разных отношениях родства: рус. „манна небесная“ — болг. „манна небесна“ — чеш. nebeská mánа — нем. Manna vom Himmel — фр. manne céleste — ит. la manna cielo — исп. el maná celestial — рум. mana din cer; англ. pay one's debt to (или the debt of) nature — нем. der Natur seinen (или den) Tribut entrichten (или zollen) — швед. ge sin tribut åt naturen — фр. payer le tribut à la nature — ит. pagare il tributo alla natura — исп. pagare el tributo a la naturaleza (ср. лат. pagare debitum naturae).

В подобных случаях нередко отождествление в пределах близкородственных языков оказывается сложнее, чем в рядах языков с отдаленным родством. Ср., например, с одной стороны, ФЕ чешского языка с ФЕ русского и болгарского языков, а с другой — романо-германские параллели: рус. „запретный плод“ — болг. „забранен плод“ — чеш. zakázané ovoce — англ. forbidden fruit — нем. die verbotene Frucht — швед. förbjuden frukt — ит. frutto proibito — исп. fruto prohibido — рум. fruct oprit. Ср. также ФЕ английского и французского языков и ФЕ французского с параллелями других романских языков: англ. the massacre of the innocents — фр. massacre des innocents — ит. la strage degli innocenti — исп. degollación de los inocentes — рум. ȕalerea pruncilor.

Материально тождественные ФЕ близкородственных языков могут иметь значительные семантические расхождения, нередко ведущие к межъязыковой омонимии, что в целом не только придает тождеству определенную относительность, но и в случаях полного несовпадения значений ФЕ переводит их в разряд неэквивалентных соответствий. Ср. значения следующих пар: ит. battere in breccia — 1) пробить брешь; 2) разбить (или разнести) в пух и прах — фр. battre en brèche — 1) прорвать позиции противника; 2) вести наступление (на...), яростно нападать; 3) подрывать, расшатывать, подкапывать; ит. prendere corpo — 1) затвердеть; 2) осуществиться ≠ фр. prendre corps — оформиться; стать четким, ясным; ит. prendere la mano — 1) понести (о лошади); 2) отбиться от рук ≠ фр. prendre la main — 1) карт. получить первый ход; получить первую сдачу, начать игру; 2) карт. снять колоду; 3) юр. получить согласие договаривающихся сторон; ит. far breccia — произвести впечатление;

убедить ≠ фр. *faire brèche* — пробить брешь в чем.-л.; нанести урон и мн. др.

Аналогичным образом обстоит дело при отождествлении интернациональной фразеологии, характеризующейся лишь структурно-типологическим сходством.

Известная степень общности культурного субстрата, социальных отношений, исторического развития в целом, характерная для носителей европейских, особенно германских, романских и славянских языков, определяет высокую степень их конвергенции, неоднократно отмечаемую лингвистами⁴⁵, некоторые из которых усматривают ее обусловленность даже в существовании определенного общего типа европейского мышления⁴⁶.

Наряду с наблюдаемой принципиальной закономерной зависимостью степени интернациональности в области фразеологии языков европейско-американского ареала как в количественном, так и качественном отношении от территориального, культурно-исторического факторов, генетического родства языков, а также взаимодействия данных факторов, нами отмечаются частные конвергентные „вспышки“, образующие чаще всего минимальные изоглоссы, причины возникновения которых далеко не всегда ясны.

Более того, наши материалы свидетельствуют о возможности асимметричного соотношения лингвистических и экстралингвистических факторов межъязыкового параллелизма. Так, специфический культурный субстрат может стимулировать развитие интернациональной фразеологии.

В качестве примеров ФЕ, характеризующихся закономерным сходством лексического состава, фразеологического образа, могут служить следующие параллели: болг. „пръскам се (или пукам се) от срам“ — рум. *a-i căra obrazul de rușine*; нем. (j-m) *einen Knüppel zwischen die Beine werfen* — чеш. *házet klacky pod nohu*; нем. *in anderen Umständen sein* — чеш. *v jném stavu*; англ. *be pressed for money* — фр. *être pressé d'argent*; англ. *crush in the egg* — фр. *écraser dans l'oeuf*; англ. *before the ink is dry* — фр. *l'encre n'avait pas séché...*; англ. *beat smb black and blue* — нем. (j-n) *braun und blau schlagen*; англ. *wear the breeches* — нем. *die Hosen anhaben*; англ. *hit the nail on the head* — нем. *den Nagel auf den Kopf treffen* — швед. *träffa huvudet på spiken*; англ. *nails in mourning* — фр. *avoir les ongles en deuil* (или *en demi-deuil* — ит. *unghie listate a lutto* (или *bruno*); англ. *to be short of money* — фр. *être à court d'argent* — ит. *esser corto a denari*; фр. *hausser* (или *lever*) *la coude* — ит. *alzare il gomito* — исп. *empinar el codo*; фр. *coup de main* — ит. *coplo di mano* — исп. *golpe de mano* и мн. др. (рис. 1).

Историко-этимологический и этимолого-генетический анализ показывает, что в одну и ту же изоглоссу могут включаться как независимо возникшие образования, так и заимствования.

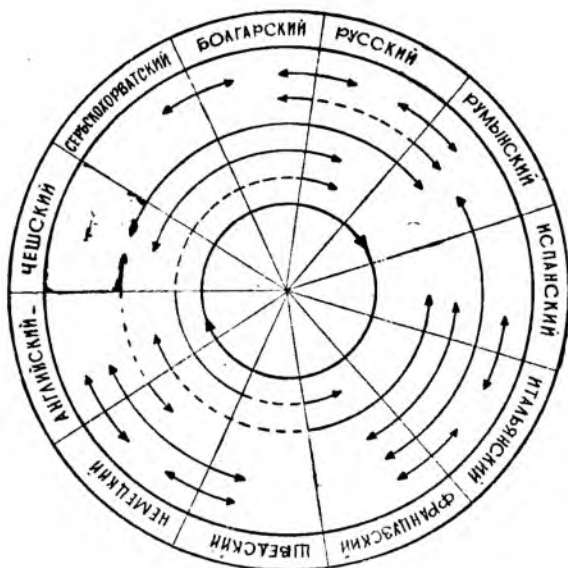

Рис. 1. Схематическое изображение общареального, субареального и ограниченного регулярного изоглоссирования интернациональной фразеологии исследуемых языков.

Ср., например, ряд, в котором калькированной формой является ФЕ английского языка: англ. *white night* с фр. *nuit blanche* — ит. *notte bianca* — серб.-хорв. „беле ноћи“.

Во многих случаях межъязыковые этимолого-генетические отношения не представляются достаточно ясными. Ср., например, следующий ряд: рус. „между четырех глаз“ — чеш. *mezi čtyřma očima* — нем. *unter vier Augen* — фр. *entre quatre yeux* — рум. *între patru ochi*.

Отдельные звенья фразеологических цепей могут быть представлены разнотипными интернационализмами, например: лат. *vox populi* в английском и русском языках — нем. *die Stimme die Volkes* — ит. *voce publica* и т. д.; англ. *put on the buskin* (или *buskins*) — фр. *chausser le cothurne* — ит. *calzare il coturno* и т. д.

Примерами вышеуказанных конвергентных „вспышек“, образующих частные минимальные изоглоссы, могут служить следующие параллели: нем. *aufgewärmter Kohl* — ит. *cavolo riscaldato*; болг. „нощта на ден правя“ — нем. *die Nacht zum Tage machen*; ит. *avere le mani in pasta* — англ. *have a finger in the pie* и др.

Следует подчеркнуть, что особенность данных явлений заключается не столько в ограниченности языковых рядов (ряды могут быть не только предельно малыми), хотя и это обстоятельство весьма существенно, сколько в их языковом составе.

Частные минимальные изоглоссы пересекаются с пучками полных общеареальных и субареальных изоглосс, а также с изоглоссами, имеющими относительно ограниченное, но регулярное распространение, что свидетельствует о возможности возникновения благоприятных условий для новых стабильных межъязыковых сближений.

* * *

В работе проанализирован широкий круг устойчивых словосочетаний (как собственно идиомы, так и устойчивые сочетания нефразеологического характера, образования, не утратившие прямой связи со своими компонентами), характеризующихся установленными признаками интернациональности.

Изучение интернациональной фразеологии проводилось на материале двенадцати языков славянской, германской и романской групп (русский, болгарский, сербскохорватский, чешский, английский, немецкий, шведский, французский, итальянский, испанский, румынский, латинский).

Материальной базой работы явилась картотека, отражающая около 50 тысяч интернационализмов, созданная преимущественно на основе лексикографических источников.

В работе предпринят комплексный подход к изучению интернациональной фразеологии, основанный на привлечении синхронно-сопоставительного, сопоставительно-типологического, структурно-типологического, лингвогеографического методов, сопоставительного историко-этимологического анализа, а также на использовании разработанной нами поэтапной процедуры идентификации.

Такой подход дает возможность глубже проникнуть в сущность категории интернациональной фразеологии, понять форму, содержание, закономерности функционирования ФИ.

Главные задачи данного исследования, связанные с узловыми проблемами разрабатываемой нами концепции фразеологической интернационализации, формулируются как:

1) Выявление типов ФИ и раскрытие значимости каждого типа в общем интернациональном фразеологическом корпусе привлекаемых языков европейско-американского ареала.

2) Изучение путей фразеологической интернационализации.

3) Установление факторов (лингвистических и экстралингвистических) как способствующих, так и препятствующих формированию межъязыковой фразеологической общности. Раскрытие их детерминированности, и определение роли этих факторов в становлении разных типов интернациональной фразеологии.

4) Определение основных общих и частных закономерностей существования ФИ выделяемых типов.

Решение поставленных задач открывает перспективы для прогнозирования и регулирования процессов фразеологической интернационализации, тенденций конвергентного развития фразеологии изучаемых языков.

Исключительная обширность пласта интернациональной фразеологии, представляющей собой неограниченную межъязыковую универсалию, неоднородность состава, многообразие и специфика типов ФИ обуславливают необходимость целого комплекса специальных исследований. Изучение основных вопросов фразеологической интернационализации сопряжено с решением широкого диапазона задач, имеющих прямой выход в теорию и практику не только областей собственно языковых приложений, но и сопредельных сфер. Среди них, например, группа задач по установлению типологии и иерархии фразеологических универсалий и их стимулов, раскрытию симметрических — асимметрических отношений лингвистических и экстралингвистических факторов межъязыкового параллелизма и закономерностей дивергентных явлений в контексте изучения специфики культуры, психологии и др. носителей разных языков, задачи построения вероятностных и статистических моделей процессов и явлений фразеологической интернационализации с учетом закономерностей лингвистической и экстралингвистической детерминированности конвергентного развития и мн. др.

Вышесказанное, а также положение фразеологии как самостоятельной дисциплины дает основание утверждать о необходимости выделения системы изучения проблем фразеологической интернационализации в самостоятельное направление в общем корпусе исследований проблем языковой интернационализации.

ГЛАВА II

ТИПЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОВ

Понятие фразеологической эквивалентности и классификация фразеологических интернационализмов

Межъязыковая фразеологическая эквивалентность рассматривается преимущественно в переводческой литературе в связи с вопросами переводимости ФЕ¹. Рассмотрение межъязыковой фразеологической эквивалентности с общезыковедческих позиций также в конечном итоге принимает переводческую направленность.

При переводе, исходя из задачи максимально адекватной передачи оригинала, установление постоянных внутриуровневых соответствий оказывается не всегда возможным по условиям языка, на который делается перевод. Принимающий язык, находясь в своеобразной „творческой“ зависимости и подчиненности у языка-оригинала, не всегда свободен в выборе средств,

одновременно в формальном и содержательном отношениях тождественных подлиннику. Так, даже при наличии твердых межъязыковых соответствий, языковые единицы в речевых условиях могут семантически частично преобразовываться, что также ведет к появлению контекстуальных речевых эквивалентов, не совпадающих с их иноязычными соответствиями на уровне языка. Соответствия, устанавливаемые при переводе, могут иметь полные формальные расхождения, если этого требует сохранение содержательной и функционально-стилистической ценности подлинника².

Между тем, установление интернациональной фразеологии предполагает наличие одновременно речевого и языкового, как правило, внутриуровневого равенства.

Остановимся на некоторых общетеоретических и частных вопросах эквивалентности, рассмотрение которых необходимо в связи с определением понятия межъязыковой фразеологической эквивалентности.

Понятие эквивалентности, достаточно широко распространенное во всех областях современной лингвистики³, не получило в ней однозначного толкования, что нередко приводит к терминологическому и понятийному смешению. Это прежде всего связано с определением неоднородных языковых фактов и отношений как эквивалентных. Даже в пределах одного и того же направления наблюдается большое разнообразие трактовок этого понятия⁴.

Своеобразным обобщением в области эквивалентности явилась интересная статья И. В. Арнольд⁵. В указанной работе делается попытка доказать возможность обобщения понятия внутриязыковой семантической эквивалентности и применения его на разных уровнях языковой структуры⁶. Понятие эквивалентности широко трактуется в рассматриваемой статье. Так, если отнесение синонимии (по семантическому признаку) к эквивалентности (синонимия как частный случай эквивалентности), а также трансформаций типа *He reported that they had arrived—He reported them to have arrived*, не вызывает сомнений, то с распространением понятия эквивалентности на несинонимичные слова-архаизмы, слова, „эквивалентность“ которых „... создана тождеством ударного гласного (*you = too*)“, а тем более на антонимы, вряд ли можно согласиться из-за невозможности их взаимозамен⁷. Если же акцентируется функциональное совпадение, то, по нашему мнению, необходимо разграничение функций с выделением главной для данных единиц.

В настоящее время понятие эквивалентности используется, например, при изучении соотношения слова и фразеологизма, вокативного предложения и собственно предложения в рамках одного языка, слов, фразеологизмов и других единиц и их отношений в межъязыковом плане. Эквивалентными считаются как синхронические, так и диахронические факты. Более того, в отдельных случаях наблюдается дублирование термина

Таблица 1. Общее понятийно-терминологическое разграничение типов языкового равенства.

Внутриязыковое равенство	Тождественная эквивалентность	Прямая эквивалентность	Синонимическая эквивалентность
	Внутриуровневая		
	др.-англ. midde совр.-англ. middle	англ. flower—blossom—bloom	англ. beautiful fine good-looking
	Межуровневая		
	спаси бог—спасибо	—	дылда коломенская верста
Межязыковое равенство	Внутриуровневая		
	рус. волк, укр. вовк, чеш. vlk рус. бар, англ. bar лат. bona fides англ. bona fides ['bounə' faidi:z] промежуточные явления др.-герм. brūi gomo—невесты муж нем. Bräutigam—жених	серб.-хорв. спасавати своју кожу англ. save one's skin; англ. foresee—рус. предвидеть англ. take one's time—не торопиться фр. prendre son temps— 1) не торопиться 2) воспользоваться моментом	англ. graveyard рус. кладбище
	Межуровневая		
	фр. nouveau riche рус. пувориш	швед. silverbröllop болг. сребърна сватба; рус. кровавая баня нем. Blutbad	англ. burst open рус. распахиваться

„эквивалент“ терминами „синоним“, „тождество“, и они называются взаимозаменяемыми (ср., например, синтаксический эквивалент — синтаксический синоним), несмотря на то что термины „эквивалент“, „тождество“, „синоним“ выражают неидентичные понятия. Такая широкая трактовка эквивалента делает это понятие расплывчатым, аппроксимативным, лишает его научной строгости. Между тем, понятия языкового равенства и их основные типы качественно различаются применительно к внутриязыковому и межъязыковому, к внутриуровневому и межуровневому, к синхроническим и диахроническим явлениям. Целесообразно было бы соответственно проводить и понятийно-терминологическое разграничение.

Нами принимается следующее общее понятийно-терминологическое разграничение типов языкового равенства (табл. 1).

А. Тождественная эквивалентность. Под тождественной эквивалентностью в работе понимается материальная, содержательно-функциональная общность сопоставляемых языковых единиц. Эта общность при внутриязыковых отношениях является результатом языкового родства, а в случаях межъязыковых отношений может быть следствием не только языкового родства, но и языковых, культурно-исторических контактов. Несмотря на то что генетическое и культурно-историческое тождество не одинаковы по своей природе (происхождению), синхроническая оценка равенства характеристик объединяет их в одну группу эквивалентов. Вообще понятие тождества имеет относительный характер⁸. Эта относительность в нашем случае проявляется в необязательном полном материальном и содержательно-функциональном совпадении явлений, что объясняется неповторяемостью в точности закономерностей языкового развития в случае генетического родства и ассимиляцией приобретаемого на новой языковой почве в случае заимствования.

Б. Прямая эквивалентность. Прямая эквивалентность в общелингвистическом значении понимается как сходство структурной организации формы, общность значений и функций соотносимых языковых явлений (часто структурно-типологическое сходство).

В. Синонимическая эквивалентность. Синонимическая эквивалентность определяется как содержательно-функциональное равенство соотносимых единиц языка, не характеризующихся структурно-типологическим сходством.

Прямые и синонимические эквиваленты также могут иметь определенные расхождения не только по линии формы, но и содержания.

Перейдем к определению понятий „фразеологическая эквивалентность“, „фразеологический эквивалент“.

В словаре лингвистических терминов эквивалент определяется как „единица речи, способная выполнять ту же функцию, что другая речевая единица“⁹. Недостаточность использования функционального критерия без выделения определяющей функ-

ции в нашем случае становится очевидной при первом приближении.

Языковые явления, понятия и т. д., также как и неязыковые, по одним параметрам, в том числе функциям, могут оказаться равными в определенном отношении, по другим — различными. Это объясняется сущностью любого языкового явления, представляющего собой сложную совокупность присущих ему сторон и внутренних связей. Существенным обстоятельством, влияющим на равенство, является также условие функционирования языковых единиц. Для определения равноценности соотносимых явлений необходимо создавать идентичные условия испытания действия их главных сторон.

Фразеологический эквивалент как сложное языковое явление должен найти соответствующее понятийное определение, в котором прежде всего учитываются и выделяются его внутренние, ведущие стороны, их связи и действия, проверенные в одинаковых условиях¹⁰. В качестве рабочего приема определения эквивалентности ФЕ принимается межъязыковая фразеологическая субституция.

Рассмотрим вопрос о роли разных сторон фразеологических совпадений для установления границ и степени межъязыковой фразеологической эквивалентности.

Для примера вначале сопоставим ФЕ одинаковых лексико-грамматических разрядов, выделяемых на основе категориальных значений и функций. Так, субстантивные ФЕ рус. „крапивное семя“ — англ. *hot head* — фр. *billet doux* в предложении выполняют определенные синтаксические функции, свойственные существительному. Данные фразеологизмы как единицы речи имеют одинаковые, совпадающие (эквивалентные) синтаксические функции. Но это не дает основания считать их фразеологическими эквивалентами. Совпадение синтаксических функций не главный критерий при определении межъязыковой эквивалентности. Не делает эквивалентными ФЕ и совпадение их категориальных значений.

Не всегда свидетельствует об эквивалентности и одинаковое лексическое наполнение, сходство внутренней формы ФЕ. Нередко значения таких фразеологизмов могут полностью расходиться (межъязыковые фразеологические омонимы), например:

нем. *j-m über den Weg laufen* — (случайно) повстречать кого-л. ≠ рус. „перебегать кому-л. дорогу“ — опережать кого-л. в чем-л., перехватывать то, на что рассчитывал другой.

нем. *die (или seine) Fühler ausstrecken (bei j-m)* — разузнавать, выведывать у кого-л. что-л. ≠ рус. „протягивать щупальцы“ — стремиться завладеть чем-л. и мн. др.

Несомненно, что основным признаком определения межъязыковой фразеологической эквивалентности следует считать совпадение содержательной стороны соотносимых ФЕ (семантическая эквивалентность).

Интересной с точки зрения гибкости и всесторонности охвата представляется классификация эквивалентов, созданная А. В. Куниным¹¹. Он выделяет два типа фразеологических эквивалентов: моноэквиваленты и выборочные фразеологические эквиваленты. К моноэквивалентам относятся единственно возможные соответствия английских фразеологизмов. Под выборочными фразеологическими эквивалентами понимается перевод одним из фразеологических синонимов.

Среди моноэквивалентов А. В. Кунин различает полные и частичные фразеологические эквиваленты. Первые характеризуются совпадением значений, лексических составов, образности, стилистической направленности, грамматических структур. Вторые совпадают семантически и стилистически, но имеют расхождения в лексическом составе, грамматической структуре, образности. Учитывая возможность лексико-грамматических расхождений частичных эквивалентов, А. В. Кунин выделяет отдельно частичные лексические и частичные грамматические эквиваленты.

Иначе классифицируют эквиваленты В. Гак и Я. Рецкер¹². Они делят эквиваленты на две парные группы: полные и частичные, абсолютные и относительные. Причем отдельно фразеологические эквиваленты не выделяются. Определение единиц первой группы основывается на возможности или невозможности передачи всех значений полисемантических ФЕ. Стилистическое совпадение (несовпадение) при смысловой идентичности — показатель абсолютности (относительности) эквивалентов. К абсолютным эквивалентам причисляются и образования, не совпадающие по образу, но равноценные в экспрессивном отношении. Полные эквиваленты, по В. Гаку и Я. Рецкеру, при наличии признака абсолютности близки указанным выше моноэквивалентам.

Неоднозначно решают этот вопрос и другие лингвисты¹³. Изучение литературы по вопросу межъязыковой фразеологической эквивалентности показывает, что большинство фразеологов основывают данное понятие на признаках, характеризующих совпадение ФЕ на лексико-семантическом и грамматическом уровнях, т. е. признают эквивалентными лишь максимально совпадающие ФЕ. В результате этого понятие эквивалентности не распространяется на многие ФЕ, не обладающие полным формальным сходством, но могущие служить адекватными соответствиями в смысловом отношении. Совершенно правильно поступает А. В. Кунин, классифицируя эквиваленты прежде всего на две основные группы. В первую группу включаются ФЕ, характеризующиеся сходством содержания и формы, во вторую — только сходством содержания (хотя частичные формальные совпадения не исключаются).

Основным признаком фразеологической эквивалентности нами признается совпадение содержательной стороны соотносимых ФЕ. Фразеологизмы, совпадающие по значению, а также

значениям (в случае полисемии) и стилистической направленности, назовем полными эквивалентами. ФЕ, имеющие частичные расхождения в семантической структуре и/или не совпадающие стилистически в одном из значений в случае полисемии, будем называть ограниченными эквивалентами. На уровне языка неполнота семантико-стилистических совпадений не нарушает статуса эквивалентности. На уровне речи отношение полноты — неполноты семантико-стилистических совпадений проявляется как константно-переменная эквивалентность, и в речевых условиях ФЕ, имеющие частичные семантико-стилистические расхождения (переменная эквивалентность), могут вообще переходить порог равенства.

Признание совпадающего семантико-стилистического инварианта обязательным показателем межъязыкового фразеологического равенства не исключает полностью участие содержательного критерия в определении степени эквивалентности. Существенным показателем высокой степени фразеологической эквивалентности нами признается совпадение лексического состава и образности соотносимых ФЕ. Если частичные формальные расхождения (неодинаковая структурно-грамматическая оформленность и разный количественный состав элементов, образующих ФЕ) не влияют на внутреннюю сторону, не изменяют смысл и стиль, а также образный рисунок соотносительной ФЕ, то эквивалентность можно признать близкой к максимальной. Количественный состав часто является зависимым от грамматической организации того или иного образования. В свою очередь, наличие определенной грамматической организации у фразеологического эквивалента проистекает из внутренних законов системы языка в целом.

В работе межъязыковые фразеологические эквиваленты определяются как фразеологизмы, обладающие общим семантико-стилистическим инвариантом и характеризующиеся либо материальным совпадением, либо параллелизмом лексического состава (при возможных частичных расхождениях), или соотносительностью логико-образной структуры, с необязательно тождественной грамматической оформленностью.

Основываясь на нашем общем понятийно-терминологическом разграничении типов языкового равенства, на определении фразеологических эквивалентов и учитывая значимость показателей степени их эквивалентности, ниже предлагаем классификацию эквивалентных и неэквивалентных соответствий, отражающую разновидности межъязыковых фразеологических отношений.

1) Эквивалентные фразеологические соответствия:

• Тождественные эквиваленты: ФЕ, характеризующиеся высокой степенью формального, семантического и стилистического сходства (верхний порог эквивалентности).

Прямые эквиваленты: образования, характеризующиеся полным или частичным семантико-стилистическим совпадением, соотносительностью (преимущественно параллелизмом) исклю-

чительно лексического состава или и грамматической структуры (средний порог эквивалентности).

Синонимические эквиваленты: ФЕ с мотивированной логико-семантической основой, характеризующиеся соотносительностью логико-образных и логико-фразеологических идей и стилистической характеристики (нижний порог эквивалентности).

2) Неэквивалентные соответствия (межъязыковые фразеологические омонимы).

Данные разряды соответствий служат основой для установления ФИ. Определение ФИ осуществляется на основе факта соотносительности ФЕ, которая проявляется как по линии их содержания, так и формы. Принадлежность межъязыковых фразеологических соответствий к тому или иному типу ФИ находится в прямой зависимости от количества, качества и соотношения признаков их сходства и различия. Данная зависимость является пороговой и имеет регулярный характер. Предлагаем следующую классификацию типов фразеологических интернационализмов:

✓ Интернационализмы с полным фонографическим (звуковым и графическим) сходством (материально и семантически отождествляемые интернационализмы).

Интернационализмы с частичным фонографическим (звуковым и/или графическим) сходством (материально и семантически отождествляемые интернационализмы).

Промежуточные типы интернационализмов.

Изоморфические интернационализмы (только лексико-семантическое, стилистическое или и структурно-грамматическое отождествление).

Потенциальные интернационализмы (логико-семантическое отождествление)¹⁴.

Формальные интернационализмы (только внешнее отождествление).

Выделенные типы ФИ являют собой формы межъязыковой фразеологической общности, складывающейся под действием лингвистических и экстралингвистических универсалий, как результат генетического языкового единства, языковых, культурно-исторических контактов, особенностей языкового развития.

Интернационализмы с полным фонографическим (звуковым и графическим) сходством

Верхний порог межъязыковой фразеологической эквивалентности представлен пластом материально, семантически и структурно отождествляемых ФИ типа лат. *ad patres, modus vivendi*, фр. *carte blanche, soup de grâce*, получивших наибольшее распространение в европейских языках¹⁵. Это единственная группа международных фразеологизмов, характеризующихся максимальной степенью однородности материального совпадения. Исключительность их фонографического совпадения обеспечивает легкость синхронической идентификации. Совокупное сходство

всех сторон фактически поднимает интернациональность данных ФЕ до степени тождества. Однако их тождество носит относительный характер. Изучение специфики тождества и ее причинной обусловленности переводит рассмотрение ФИ данной группы в сопоставительно-историческую плоскость.

Истоками ФИ рассматриваемой группы являются классические и некоторые современные европейские языки. Рассмотрим первоначально соотношение истоков¹⁶ этих ФИ в русском, английском и французском языках как представителях языков славянской, германской и романской групп.

Источком большинства ФЕ, вошедших в русский язык без перевода, является латинский язык (например: *cum grano salis*; *magister bibendi*; *mutatis mutandis*; *periculum in mora*; *pollice verso* и мн. др.).

Источком многочисленных нетранслитерированных ФЕ является и французский язык (например: *à tout prix*; *embarras de richesses*; *tour de force*; *profession de foi*; *le mieux est l'ennemi du bien* и мн. др.).

Число заимствований из английского, итальянского и немецкого языков также значительно (например, англ.: *fair play*; *happy end*; *high life*; *to have a finger in the pie*; *My bark is on the sea* — *And my boat is on the shore*; *my house is my castle*; *my dear friend*; *last, but not least*; *self-made man*; *the rest is silence* и др.; и т.: *eppur si muove!*; *poco a poco*; *popolo grasso*; *popolo minuto*; *templi passati*; *tutti frutti*; *traduttore-traditore* и др.; нем.: *den Sack schlägt man*, *den Esel meint man*; *der Mohr hat seine Arbeit getan*, *der Mohr kann gehen*; *im Werden*; *Not kennt kein Gebot*; *der langen Rede kurzer Sinn* и др.).

Заимствования рассматриваемого типа из других языков относительно немногочисленны (например, греч.: *oida ouden eidos*; *gnothi seauton*; исп.: *per la bocca de su herida*; польск.: *padam do nog* и др.).

Наряду с иноязычными ФЕ, однородными по своему составу, имеются немногочисленные фразеологические разноразличные соединения, в число которых входят и термины: *ut majeur* (лат. + фр.); *si bemol mineur* (лат. + фр.); *semper excelsior* (лат. + англ.); *my native land, adieu* (англ. + фр.); *logisch conséquent* (нем. + фр.); *lapis lasuli* (лат. + араб.) и др.

Основными истоками ФЕ, вошедших в английский язык в их оригинальной форме, являются латинский и французский языки (например, лат.: *sancta simplicitas*; *sanctum sanctorum*; *pia desideria*; *tangere ulsus*; *homo novus*; *in extremis* и мн. др.; фр.: *coup manqué*; *à la belle étoile*; *à perte de vue*; *en plein jour*; *raison d'être* и мн. др.).

Заимствования данного типа из других языков относительно малочисленны (например, и т.: *fata morgana*; *lingua franca*; *salto mortale*; *sotto voce*; *tutti frutti*; *tutti quanti*; *dolce far niente*; нем.: *Sturm und Drang* и др.).

Подавляющее большинство ФЕ, вошедших во французский язык в иноязычной форме, также как в русский и английский, имеют латинское происхождение (например: *sanctum sanctorum*; *amicus humani generis*; *ex cathedra*; *taedium vitae*; *ultima ratio regum*; *currente calamo* и мн. др.).

Число заимствований из итальянского и английского также велико (например, ит.: *chi va piano, va sano*; *dir l'orazion della bertuccia*; *in bocca chiusa non entrò mai mosca*; *se non è vero, è bene trovato*; *stare sulla corda* и мн. др.; англ.: *walk-over*; *at home*; *god save the king*; *the right man in the right place*; *for ever* и мн. др.).

Заимствования данного типа из других языков немногочисленны (например, нем.: *Mehr Licht*; *Vergiss mein nicht*; греч.: *panta rhei* и др.).

Относительность тождества рассматриваемых ФИ обуславливается их преобразованиями на разных уровнях структуры и, в первую очередь, на уровне формы. В большей степени это касается случаев различия в графике. Материальная неоднородность ФЕ с иной графической оболочкой может быть устранена не только путем калькирования, но и посредством фонографической стилизации (транслитерации). Рассмотрим функционирование иноязычных ФЕ в языках с одинаковой и разной графической системой. Многие иностранные ФЕ, материализуясь в кальки, продолжают сосуществовать с ними. Ср. параллельное существование иноязычных ФЕ и образованных от них калек.

В английском языке

Латинские ФЕ и кальки: *In articulo mortis* — in the article of death; *cum grano salis* (разр. *cum grano*) — receive (или take) smth with a grain of salt; *bona fides* — good faith; *ad calendas Graecas* — at (или on) the Greek calends; *pro et contra* (сокр. *pro et con*) — pro and con (тж. *pros and cons*); *lusus naturae* — freak of nature; *divide et impera* — divide and rule; *tabula rasa* — a blank sheet; *sapienti sat* сокр. от *verbum sat sapienti (est)* — a word to the wise (тж. a word is enough to the wise) и мн. др.

Французские ФЕ и кальки: *Chevalier sans peur et sans reproche* — Knight without Fear and without Reproach; *à tout prix* — at all costs; *coup de grâce* — stroke of grace; *faux pas* — false step; *idée fixe* — a fixed idea; *jeunesse dorée* — gilded youth; *nouveau riche* — the new rich; *revenons à nos moutons* — let us return to our mutons; *homme de lettre* — a man of letters и мн. др.)

Во французском языке

Латинские, итальянские ФЕ и кальки. Ср., например, лат.: *finis coronat opus* — la fin couronne l'oeuvre; *divide ut regnes* — diviser pour régner; *mens sana in corpore sano* — une âme saine dans un corps sain; *ad maiorem Dei gloriam* — pour la plus grande

gloire de Dieu; in articulo mortis — à l'article de la mort (тж. sur le lit de mort; au lit de (la) mort) и мн. др.; ср., например, ит.: *vedi Napoli e poi muoril* — voir Naples et mourir; *lasciate ogni speranza voi ch'entrate!* — abandonnez toute espérance, vous qui entrez (тж. vous qui entrez, abandonnez toute espérance) и др.

В русском языке

Латинские ФЕ и кальки: *sancta simplicitas* — „святая простота“; *status in statu* — „государство в государстве“; *homo homini lupus est* — „человек человеку волк“; *tertium non datur* — „третьего не дано“; *terra incognita* — „неизвестная земля“, *nulla regula sine exceptione* — „нет правила без исключения“; *pro et contra* — „за и против“; *mens sana in corpore sano* — „здоровый дух в здоровом теле“; *aurea mediocritas* — „золотая середина“ и мн. др.

Французские ФЕ и кальки: *mieux vaut tard que jamais* — „лучше поздно, чем никогда“; *secret de polichinelle* — „секрет полишинеля“; *mettre les points sur les i* — „ставить точки над и“; *sans arrière-pensée* — „без задней мысли“; *Le Chevalier sans peur et sans reproche* — „рыцарь без страха и упрека“; *enfant terrible* — „ужасный ребенок“; *tiré par les cheveux* — „притянутый за волосы“; *tirer les marrons du feu* — „таскать (или доставать) каштаны из огня“ и мн. др.

Как показывает материал, новое семантическое целое, заключенное первоначально в ФЕ, заимствованных в оригинале, приобретает дополнительную форму существования. Наблюдаемое параллельное калькирование образует дополнительный тип межъязыковой фразеологической общности и ведет к расширению интернационального фразеологического фонда. Отсутствие же во многих сопоставляемых языках аналогичных калькированных форм сообщает материальному тождеству большую устойчивость.

Укоренение калькированных форм может сопровождаться отпадением их прототипов. Вот несколько примеров английских, французских и русских фразеологических калек, прототипы которых не употребляются в соответствующих языках. В русском языке: „видеть все в черном свете“ с фр. *voir tout en noir*; „ловить рыбу в мутной воде“ с фр. *pêcher en eau trouble*; „держат (свое) слово“ с фр. *tenir (sa) parole* и др.; в английском языке: *a fault confessed is half redressed* с фр. *faute confessée est à demi pardonnée*; *in one's shirt sleeves* (или *shirt-sleeves*) с фр. *en bras de chemise*; *black shirt* с ит. *camicia nera*; *a nail's breadth* с лат. *transversum unguem*; *hunger is the best sauce* с лат. *fames optimum condimentum* и др.; во французском языке: *le chat aime le poisson, mais il n'aime pas à mouiller la patte* с лат. *catus amat piscem, sed non vult tingere plantam*; *ce qui abonde ne vicie* (реже *ne nuit*) *pas* с лат. *quod abundat non vitiat* и др.

В этом случае происходит не только сокращение числа интернациональных форм, но и их качественное преобразование: материально тождественные ФЕ переходят в разряд изоморфических соответствий (средний порог эквивалентности).

Встречающиеся лексические и грамматические расхождения также придают материальному тождеству относительный характер. Передача всего объема лексического наполнения прототипов (этимонов), как правило, происходит в случае отсутствия у них вариантов. Заимствование вариантов прототипов наблюдается редко. Примером принятия прототипов с их вариантами могут служить следующие ФЕ, употребляющиеся в русском языке: лат. *satur* (или *plenus*) *venter non studet libenter*; лат. *sublata causa, tollitur morbus* (или *effectus*); фр. *pas* (или *point*) *de nouvelles — bonnes nouvelles*.

Уменьшение тождественности может возникать в результате:

1) первоначального непринятия или последующего элиминирования вариантов прототипов. Например: в русском языке — *francher dans le vif* с фр. *couper* (*tailler* или *trancher*) *dans le vif*; в английском языке — *beau garçon* с фр. *beau* (или *joli*) *garçon*; во французском языке — *audaces fortuna juvat* с лат. *audaces* (или *audentes*) *fortuna juvat*;

2) деривации (ср. обособление части иноязычных ФЕ, сопровождаемое переосмыслением значения в русском и английском языках): лат. *tertius gaudens* — третье лицо, извлекающее выгоду из борьбы двух противников (букв. „третий радующийся“) — происходит от латинской пословицы *duobus certantibus tertius gaudet* — когда двое дерутся, радуется третий; лат. *vox populi* — глас народа (об общественном мнении) — часть пословицы *vox populi, vox dei* — глас народа, глас божий);

3) редукции (ср. в английском — лат. *cum grano salis* — разг. *сам grano*);

4) несовпадения неполных форм иноязычного источника (ср. англ. *rule, Britannia, the waves* в русском и англ. *rule, Britannia* во французском — начальные слова английского национального гимна, написанного Томсеном, 1700—1748);

5) появления варианта написания оборота через дефис (на пример, в английском языке: фр. *savour vivre*, тж. *savoir-vivre*; фр. *savoir faire*, тж. *savoir-faire*);

6) образования аббревиатуры (например, в английском: лат. *ut infra* — *u. i.*; лат. *ut supra* — *u. s.*; в ряде случаев наблюдается совпадение аббревиатуры, например, в русском и английском языках: лат. *sub voce* — *s. v.*).

Тенденция к сохранению тождества проявляется, например, в образовании в ряде случаев множественного числа по правилам языка-источника. Ср. лат. *ignis fatuus* (мн. ч. *ignes fatui*) и фр. *bel esprit* (мн. ч. *beaux esprits*) в английском языке.

Наблюдаемое синтаксическое приспособление к языку-рецептору свидетельствует о стремлении к ассимиляции. Ср., например, в английском языке фр. *au fait* — на высоте положения

(обыкн. *be au fait at* или *in*; тж. *put smb au fait of* или *with* = фр. *mettre au fait de* — ввести в курс дела).

Транслитерация, возможная в языках с различной графической системой, также создает дополнительный тип межъязыковой общности. Однако следует отметить, что наряду с укоренившимися, полностью ассимилированными образованиями типа „сальто-мортале“ (ит. *salto mortale*), „форс-мажор“ (фр. *force majeure*), „перпетуум мобиле“ (лат. *perpetuum mobile*), „модус вивенди“ (лат. *modus vivendi*) в русском языке, как и в других языках в аналогичном случае, встречаются окказионализмы, отношение к которым должно быть крайне осторожным, а иногда и вовсе нетерпимым¹⁷. Случаи, когда языки прибегают при заимствовании к использованию собственной графики, не единичны. Ср., например, образования русского происхождения *zadnim umom krierok*; *moloko na gubach nie obsochlo*; *zdi u moria pogody* и др. в польском словаре¹⁸, ФЕ французского происхождения „давам картбланш“ (на някого) в болгарско-русском словаре¹⁹ и т. п.

Относительность материального тождества определяется также изменениями звукового оформления ФЕ, заимствованных в их исконной форме. В одних случаях наблюдается стремление к сохранению произношения заимствованного языка (ср., например, следующие образования в английском языке: *hors-d'oeuvre* [ɔ:'dæ:vr]; *idée fixe* [idei'fi:ks]; *coup de grâce* ['ku:də'grɑ:s]; *coup d'état* ['ku:dei'ta:]; *par excellence* [pa:r'eksələ:ns]; *coup de theatre* ['ku: dətet 'a:tr]; *coup de main* [kudə'mə]), а в других — к согласованию с нормами языка заимствующего (ср., например, следующие образования в английском языке: *ex libris* [eks 'laɪbrɪs]; *nota bene* ['nɒtə 'bi:ni]; *ad hoc* [æd 'hɒk]; *bona fides* [bəʊnə'faɪdɪz]. Возможно также и двойное произношение, например: *casus belli* ['ka:sus'beli:] наряду с ['keɪsɪs 'beləɪ].

Сопоставительно-исторический анализ семантических структур иноязычных ФЕ и их источников²⁰, а также синхронно-сопоставительный анализ параллельных ФЕ, использующихся в современных языках, показывает, что ФЕ данного типа не являются застывшими и в семантическом отношении. Рассмотрим семантические отношения, складывающиеся между ФЕ в оригинале и их прототипами. В целом данные ФЕ представляют собой семантически устойчивые образования. Значения большинства ФЕ, употребляющихся в современных языках, либо мотивируются с позиции их прототипов (в случае отсутствия собственно стабилизированного фразеологического образования), либо совпадают со значениями их прототипов (в случае сложившихся ФЕ). Например, следующие нетранслитерированные латинские ФЕ, употребляющиеся в русском языке, и их источники: *maxima debetur puero reverentia* (D. Iunius Iuvenalis, *Saturae*, V, XIV, 47—49); *mens agitat molem* (P. Vergilius Maro, *Aeneis*, VI, 726—727); *non multa, sed multum* (C. Plinius (Caeci-

lius Secundus, Epistulae, VII, 9, 15—16); naturam expelles furca, tamen usque recurret (Q. Horatius Flaccus, Epistulae, I, 10, 25); nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu (J. Lock, Essay concerning Human Understanding); nomina sunt odiosa — латинский фразеологизм; ср. употребление его Марком Туллем Цицероном в речи „В защиту Росция Америо“ (Pro Sexto Roscio Amerino Oratio, XVI, 47); pater familias — латинский фразеологизм; ср. употребление его Плинием Младшим в „Письмах“ (Epistulae, V, 19, 1—2) и мн. др.

Материалы других языков-рецепторов также свидетельствуют о равнозначности или близости значений большинства ФЕ значениям прототипов языков-источников. Так, например, возможна даже точная передача дисемии: *au fond* означает — 1) в сущности, по существу; 2) в тайне, в глубине — как в английском, так и во французском языке.

Вместе с тем нами отмечаются многочисленные случаи частичных семантических расхождений. Семантическое развитие, как правило, происходит в направлении, подсказанном прототипом. Ср., например, значения следующих нетранслитерированных латинских ФЕ, употребляющихся в русском языке, с семантикой их прототипов: *post festum* в русском языке — 1) нечто после происшедшего, 2) задним числом, 3) позже, впоследствии; прототип (фразеологизм) означает — слишком поздно (букв. после праздника); *sapienti sat* в русском языке — 1) выделение важности сообщаемого, 2) подчеркивание понятности сказанного кратко, подразумеваемого, недоговоренного, 3) как завершение текста письма, означающее, что автором сообщено все, что предполагалось сообщить; прототип (P. Terentius Afer, Phormio, III, 3, 539—541) — умному достаточно (сказанного); *memento mori* в русском языке — 1) мысль, напоминание о неизбежной смерти, 2) эмблема смерти, 3) грозное напоминание о неотвратимой опасности, угрозе, гибели и т. п.; прототип представляет собой слова приветствия, которым обменивались члены религиозного ордена траппистов (1148—1636), связанные обетом молчания и мн. др.

Французские заимствования также подвергаются семантическим изменениям на русской почве. В одних случаях возникают новые значения. Например, *par excellence* в языке-источнике означает — 1) преимущественно, 2) в высшей степени. Наряду с указанными значениями выражение *par excellence* в русском языке передает также значения — в истинном смысле слова; самый настоящий, истинный. В других случаях наблюдается уменьшение семантического объема. Например, *perdre la tête* в языке-источнике означает — 1) (рас)теряться, 2) выжить из ума. В русском языке данная ФЕ имеет лишь первое из указанных значений.

Изменение семантического диапазона заимствований наблюдается также и в других языках-рецепторах, например, в английском языке. И здесь отмечается как расширение, так и умень-

шение семантического объема. Ср. семантическое развитие французского заимствования à propos в сторону расширения его значимой стороны на почве английского языка. В языке-источнике: 1) кстати, вовремя; да, кстати; по поводу; 2) между прочим. В языке-рецепторе: 1) кстати, между прочим; 2) кстати, удачно; 3) имеющий прямое отношение к делу; своевременный, подходящий. Примером противоположного явления может служить изменение семантики французского заимствования beau garçon в английском языке. Дисемия в языке-источнике: 1) красивый молодой человек, „красавчик“; 2) ирон. хорош, нечего сказать! Моносемия в языке-рецепторе: красивый мужчина.

Сопоставительно-исторический анализ семантических структур параллельных заимствований со значениями их прототипов показывает неполное совпадение линий семантического развития. Ср., например, значение латинского фразеологизма *pes plus ultra* — высшая степень, крайний предел — со значениями данной ФЕ, использующейся в русском и английском языках. В русском языке: 1) высшая точка, вершина, 2) последняя, крайняя степень чего-л., 3) предел, граница чего-л., 4) самый крайний (о взглядах, направлении и т. п.), 5) в высшей степени, 6) самый лучший; самое высшее качество; непревзойденный, 7) дальше некуда! В английском языке: 1) до крайних пределов, 2) самый лучший, превосходный, непревзойденный.

В целом большинство рассматриваемых параллелей характеризуется единой линией филиации значений.

Сосуществование в разных языках параллельных иноязычных ФЕ и образованных от них калек создает межъязыковую семантическую зависимость, которая способствует сохранению семантического тождества как между иноязычными ФЕ, так и между калками. Несомненно, что эта зависимость является, как минимум, двупланной (внутри- и межъязыковая зависимость между иноязычными ФЕ и их калками).

Материалы свидетельствуют и о наличии стилистических расхождений между многими заимствованиями и их прототипами. В заимствующем языке иностранный фразеологизм нередко приобретает дополнительную стилистическую окраску. При этом калка оказывается стилистически нейтральной. Ср., например, употребления выражения *alter ego* (или *idem*) в исходном языке с использованием этого оборота, а также образованных от него калек в английском и русском языках:

лат. *Ipse enim se quisque diligit, non ut aliquam a se ipse mercedem exigat caritatis suae, sed quod per se sibi quisque carus est. Quod nisi idem in amicitiam transferetur, verus amicus numquam reperietur: est enim is quidem alter idem* (M. Tullius Cicero, Laelius de amicitia, XXI, 80).

Употребление латинского фразеологизма в английском языке со стилистически повышенным звучанием для выражения почтительности:

англ. *These people might not take that high view of you*

which I have always taken, as an alter ego, a right hand (G. Elliot, Middlemarch).

Нейтральность английской кальки:

англ. I ask you... to be my second self, and best earthly companion (Ch. Brontë, Jane Eyre).

Употребление нетранслитерированной ФЕ в русском языке для передачи шутливо-иронического оттенка:

— Ну, что, голубчик, как сегодня... владыка-то? спросит Афанасий Аркадьевич, остановившись на минутку, чтобы побеседовать с alter ego владыки (М. Е. Салтыков-Шчедрин, Мелочи жизни).

Нейтральность русской кальки:

Ведь когда не имеешь около себя своего другого я..., то невольно в душу закрадывается пустота (И. Янжул, Воспоминания).

Синхронно-сопоставительный анализ значимой стороны иноязычных ФЕ, ставших достоянием ряда языков, свидетельствует о том, что большинство из них имеют совпадающие моносемантические структуры. Таковыми являются, например, следующие латинские и французские выражения²¹: *post hoc; ut supra; sanctum sanctorum; more majorum; o tempora, o mores!; pro forma; rara avis; va à tout; tout à fait; tant pis; pas seul; mauvais quart d'heure; mal à propos; malade imaginaire; lettre de cachet; légion d'honneur* и мн. др.

В отдельных случаях наблюдается также совпадение сложных семантических структур. Так, например, латинский оборот *tertium quid* как в русском, так и в английском языке имеет два значения с одинаковой стилистической дифференциацией: 1) некто третий, нечто третье; 2) шутл. друг дома. Равнозначным употреблением в русском и английском языках характеризуются также латинские: *persona grata* — 1) дип. дипломатический представитель, назначение которого одобрено правительством, при котором он аккредитуется; 2) лицо, пользующееся особым вниманием, занимающее особое положение; *facile princeps* — 1) легко одержавший победу, выдвинувшийся на первое место; 2) признанный руководитель и некоторые др.

Наряду с равнозначными ФЕ, существует значительное число оборотов, имеющих определенные семантические расхождения. В первую очередь это касается образований со сложной семантической (дисемантической и полисемантической) структурой. Однако полное расхождение в семантике не характерно для ФЕ рассматриваемой группы. Как правило, стержневое значение совпадает, а семантический результат последующего развития оказывается соотносительным. Вот несколько примеров частичных семантических расхождений латинских и французских оборотов, употребляющихся в русском и английском языках:

фр. *au revoir* — в рус.: до свидания; в англ.: 1) до свидания; 2) прощание;

фр. à la page — в рус.: в курсе (новостей, дела, событий и т. п.); в англ.: 1) в курсе (новостей, дела и т. п.); 2) новомодный;

фр. fin de siècle — в рус.: конец века; в англ.: 1) конец века; 2) характерный для конца XIX в.; 3) декадентский;

фр. à propos — в рус.: 1) кстати; к случаю; 2) между прочим; 3) не всерьез, мимоходом; 4) повод, случай; 5) меткое остроумное замечание; 6) лит. „по поводу“, „на случай“ (о стихотворении, литературном или музыкальном произведении); в англ.: 1) кстати, между прочим; 2) кстати, удачно; 3) имеющий прямое отношение к делу; своевременный, подходящий;

фр. coup de théâtre — в рус.: 1) театр. сценическая неожиданность, создающая эффект; 2) перен. зрелище, оставляющее сильное впечатление; 3) литер. и театр. сценическая развязка; 4) перен. неожиданное и эффектное завершение какого-л. случая, происшествия; 5) ловкая проделка; трюк; в англ.: 1) сценический эффект, неожиданная развязка (в пьесе); 2) сенсационное событие;

лат.: anno Domini — в рус.: в лето господне, т. е. в такой-то год нашего летоисчисления; в англ.: 1) нашей эры; 2) шутол. разг. пожилой возраст; старость;

лат.: ad interim — в рус.: (1,2) = в англ. (1,2) — 1) в течение некоторого времени, тем временем; временно; 2) временный; в рус. (3) — дипл. помета, сопровождающая название должности, показывает временного исполнителя обязанностей;

лат.: bona fide — в рус. (1,2) = в англ. (1,2) — 1) добросовестно, чистосердечно; 2) в роли определения перед существительным: добросовестный, справедливый; в рус. — 3) простодушно, доверчиво; 4) в роли определения перед существительным: простодушный, доверчивый.

Материал показывает, что межъязыковые семантические отношения параллельных иноязычных ФЕ основываются на существовании семантического инварианта, обычно представляющего совпадение стержневых значений. Семантический остаток части несовпадающих смысловых структур оказывается соотносительным. Наблюдаемые расхождения семантических структур связаны с частным проявлением трех основных направлений их развития: 1) возникновение специальных значений, 2) возникновение новых переносных значений, 3) функциональное семантико-грамматическое переоформление, обуславливаемое чаще всего типом используемого переноса и изменением (сужением или расширением) семантического объема.

Представим схематически основные варианты соотношения признаков идентификации международных ФЕ рассмотренного типа в порядке частотности комбинаций этих признаков.

Сопоставительно-исторический и синхронно-сопоставительный анализ иноязычных ФЕ показывает, что, с одной стороны, проявляется тенденция к сохранению тождества, а, с другой — тяготение к рассмотренным преобразованиям. Данное противо-

Признаки	Варианты			
	1	2	3	4
Написание	+	+	+	+
Звучание	+	+	—	+
Структура	+	—	+	+
Значение	+	+	+	—
Лексическое наполнение	+	+	+	+

речие наблюдается на всех уровнях как в языках с одинаковой, так и различной графической системой при возможном несовпадении некоторых способов преобразования вследствие специфики языковых систем (например, возможность транслитерации ФЕ в славянских языках с иной графической системой). В целом количественное и качественное соотношение сходств и различий между укоренившимися фразеологизмами и их этимонами, а также между ФЕ, ставшими достоянием ряда языков, показывает, что тенденция к сохранению тождества, хотя и относительного, оказывается доминирующей и обуславливает высокую степень интернациональности рассмотренных образований.

Интернационализмы с частичным фонографическим (звуковым и/или графическим) сходством

Межъязыковые фразеологические соответствия, характеризующиеся частичным фонографическим сходством, семантическим инвариантом и структурной соотносительностью, также составляют верхний порог эквивалентности. Ср., например, следующие ФЕ: рус. „драконовские (или драконовы) законы“ — болг. „драконовски закони“ — серб.-хорв. „драконски закони“ — англ. Drakonian laws — нем. drakonische Gesetze — швед. drakoniska lagar — фр. lois draconiennes — ит. leggi draconiane — исп. leyes draconianas — рум. legi draconic; рус. „лукуллов(ский) пир“ — чеш. lukulské hody — англ. the feast of Lucullus, Lucullean (или Lucillian) banquet — нем. ein lukullisches Mahl — швед. lukullisk måltid — фр. souper de Lucullus — ит. convito (или pranzo) luculliano — исп. convite de Lúculo — рум. ospățul lui Luculus.

В данном случае материальное тождество часто является достаточным признаком для установления интернационализмов. Относительность тождества ФИ данного типа в отличие от такового у интернационализмов с полным фонографическим сходством прежде всего состоит в его ограниченности частью ФЕ и в материальной неоднородности. Эта материальная неоднородность обычно оказывается менее заметной с позиции близкородственных языков, что способствует в их пределах более легкому отождествлению ФИ, например: рус. „гордиев узел“ — болг. „гордиев възел“ — чеш. gordický uzel — англ. the Gordian

knot — нем. der gordische Knoten — швед. gordisk knut — фр. noeud gordien — ит. nodo gordiano — исп. nudo gordiano — рум. nodul gordian. Однако далеко не всегда возможно отождествление всех компонентов ФЕ близкородственных языков на основе близости их звуковой и/или графической оболочек. Ср., например, ряд, в котором компоненты ФЕ со значением „двуликий“ в романских языках оказываются материально несоотносительными: рус.: „двуликий Янус“ — серб.-хорв. „Јанус са два лица“ — англ. two-faced Janus — нем. doppelköpfiger Janus — фр. Janus à deux visages — ит. Giano bifronte — исп. las dos caras de Jano. Вместе с тем встречаются ФЕ языков неродственных групп с высокой степенью материального сходства. Ср., например, ряд ФЕ со сходством компонента „стена“ до степени отождествления в романо-германских (кроме румынской и английской), а также отдельно в чешской и румынской параллелях: рус. „китайская стена“ — болг. „китайска стена“ — чеш. čínská zed' — англ. the Chinese wall — нем. die chinesische Mauer — швед. kinesiska muren — фр. la muraille de Chine (тж. la grande muraille) — ит. grande muraglia (cinese), Grande muraglia della Cina — исп. mural-la china — рум. zid chinezesc.

Как видно из приведенного материала, графическое и/или звуковое сходство в одних случаях может иметь обязательный характер и с необходимостью проявляется в той или иной степени во всех определяемых ФИ, оказываясь, таким образом, постоянным признаком интернациональности. Материально отождествляемая часть соотносимых ФЕ в этих случаях является универсальной и часто несет основную смысловую нагрузку. В других случаях материальное совпадение оказывается нерегулярным, не характеризуется межъязыковой лексической закрепленностью и не обязательно представляет собой смысловой стержень.

Состав ФИ с обязательным частичным материальным тождеством (ОЧМТ) характеризуется неодинаковым соотношением фонографически сходных и различных частей. Нами выявляются следующие типы этого соотношения.

1) Большая часть состава ФИ представлена ОЧМТ (высокая степень материальной отождествляемости); рус. „альфа и омега“ — болг. „алфа и омега“ — чеш. alf i omega — англ. Alfa and Omega — нем. das Alpha und das Omega — швед. alfa och omega — фр. l'alpha et l'oméga — ит. l'alfa e l'omega — исп. alfa y omega — рум. alfa si omega; рус. „между Сциллой и Харибдой“ — чеш. mezi Scyllou a Charybdou — англ. between Scylla and Charybdis — нем. zwischen Szylla und Charybdis — фр. tomber de Charybde en Scylla — ит. fra Scilla e Cariddi — исп. estar (или encontrarse) entre Escila y Caribdis; рус. „гог и магор“ — англ. Gog and Magog — ит. Oga Magoga; рус. „содом и гоморра“ — чеш. Sodoma a Gomora — англ. Sodom and Gomor-

rah — нем. Sodom und Gomorrha — швед. Sodom och Gomorra — ит. Sodoma e Gomorra и т. д.

2) Примерно равные части состава ФИ представлены ОЧМТ и различием (средняя степень материальной отождествляемости): рус. „Фома неверный (или неверующий)“ — болг. „неверни Тома“ — англ. a doubting Thomas — нем. ungläubiger Thomas — ит. Tommaso incredulo — исп. Santo Tomás — рум. Toma necredinciosul.

Данный тип рассматриваемого соотношения не исключает возможность ложного отождествления. Так, ложно отождествленными могут оказаться, например, следующие ФЕ:

нем. die Mauern Jerichos при наличии нем. FE die Posauen von Jericho в ряду: рус. „иерихонская труба“ — болг. иерихонска тръба — фр. trompette de Jéricho — ит. la tromba di Gerico — исп. la trompeta de Jerico — рум. trompeta Ierihonului;

нем. Herkules am Scheidewege при наличии нем. Herkulessäulen в ряду: рус. „геркулесовы столпы“ — англ. Hercules' Pillars (тж. the Pillars of Hercules) — швед. herkulesstoder — ит. colonne d'Ercole — исп. columnas de Hércules и др.

3) Меньшая часть состава интернационализмов представлена ОЧМТ. При этом типе рассматриваемого соотношения степень материальной отождествляемости практически не снижается, например: рус. „в объятиях Морфея“ — болг. „обятията на Морфей“ — англ. in the arms of Morpheus — нем. in Morpheus Armen ruhen (или liegen) — швед. i Morfeis armar — фр. être dans les bras de Morphée — ит. essere in braccio a Morfeo и др.

Интернациональность рассматриваемых ФЕ проявляется не только в ОЧМТ, но и в структурно-грамматической соотносительности. Последняя обуславливается в первую очередь универсальностью основных лексико-грамматических разрядов и структурных типов, по которым распределяются данные интернационализмы: рус. „гомерический хохот (или смех)“ — болг. „хомеричен смях“ — серб.-хорв. „хомерски смех“ — чеш. homérský smích — англ. Homeric laughter — нем. ein homerisches Gelächter — швед. homerisk skratt (или löje) — фр. rire homérique — ит. riso omerico — исп. risa homérica — рум. ris homeric; рус. „перейти Рубикон“ — болг. „минавам Рубикон“ — англ. cross the Rubicon — нем. den Rubikon überschreiten — фр. franchir (или passer) le Rubicon — ит. passare il Rubicone — исп. pasar el Rubicon — рум. a trece Rubiconul; рус. „стар как Мафусаил“ — англ. (a) old as Methuselah — нем. alt wie Methusalem sein — фр. vieux comme Mathusalem и др.

Отпечаток особенностей грамматических систем, накладывающийся на фразеологические параллели с ОЧМТ, в целом не мешает их отождествлению. Частичные расхождения наблюдаются в пределах совпадающих лексико-грамматических разрядов. Ср., например, возможность взаимозамены посессивной и постпозитивной предложно-именной конструкций-вариантов английской ФЕ при отсутствии структурных грамма-

тических вариантов у параллелей других языков: рус. „ахиллеса пята“ — болг. „ахилесова пета“ — серб.-хорв. „Ахилова пета“ — чеш. *Achilova pata* — англ. *Achilles' heel* (тж. *the heel of Achilles*) — фр. *talon d'Achille* — ит. *tallone d'Achille* — исп. *el talón de Aquiles* — рум. *calcîul lui Ahile*; рус. „прокрустово ложе“ — болг. „прокрустово ложе“ — англ. *the Procrustean* (тж. *Procrustes' bed* (тж. *the bed of Procrustes*) — фр. *lit de Proc(r)uste* — ит. *letto di procuste* — исп. *el lecho de Procusto* — рум. *patul lui Procrust*.

Более серьезным препятствием для отождествления интернационализмов оказываются случаи выражения одинаковых понятий в одних языках фразеологизмами, а в других — сложными словами. Ср., например, немецкие и шведские сложные слова в следующих рядах: рус. „муки Тантала (тж. танталовы муки)“ — болг. „танталови мъки“ — серб.-хорв. „Танталове муке“ — чеш. *Tantalova muka* — англ. *the torments of Tantalus* — нем. *Tantalasqualen* — швед. *tantaluskval* — фр. *le supplice de Tantale* — ит. *supplizi di Tantalò* — исп. *el suplicio de Tantalò* — рум. *supliciul lui Tantal*; рус. „дамоклов меч“ — болг. „дамоклев (или дамоклиев) меч“ — чеш. *Damoklův meč* — англ. *the sword of Damocles* — нем. *Damoklesschwert* — швед. *damoklessvärd* — ит. *la spada di Damocle* — исп. *la espada de Damocles* — рум. *sabia lui Damocle*. Встречаются также случаи двойного оформления понятия. Так, в немецком языке наряду со словом *Ariadnefaden* существует ФЕ *der Faden der Ariadne*.

Менее существенными в этом отношении оказываются морфологические различия, обусловленные как частичной уникализацией (артикли, видовое чередование глагольных компонентов, суффиксальные модификации и некоторые др.), так и частным проявлением общих тенденций морфологического развития (изменение числа имени существительного). Ср. вариацию вида у ФИ русского языка: „идти (пойти) в Каноссу“ — англ. *go to Canossa* — нем. *nach Canossa gehen* — фр. *aller à Canossa* — ит. *andare a Canossa*. Ср. вариацию числа компонента ФЕ английского языка: рус. „авгиевы конюшни“ — болг. „авгиеви обори“ — серб.-хорв. *Аугијеве штале* — чеш. *Augiášův chlív* — англ. *Augean stable* (или *stables*) — нем. *Augiasstal* — швед. *Augiasstall* — фр. *les écuries* (или *les étables*) *d'Augias* — ит. *stalle di Augia* — исп. *cuadras* (или *establos*) *de Augias* — рум. *grajdurile lui Augias*.

Ср. также формальные варианты в следующих рядах у ФИ французского, русского и болгарского языков: рус. „ариаднина нить“ — болг. „пътеводната нишка на Ариадна“ — англ. *the thread of Ariadne* (тж. *Ariadne's thread*) — швед. *ariadnetråd* — фр. *fil d'Aria(d)ne* — исп. *el hilo de Ariadna*; рус. „аннибалова (гантибалова или аннибаловская) клятва“ — болг. „ханибалова (или анибалова) клетва“ — англ. *Hannibal's vow* — фр. *serment d'Anibál*.

Другими примерами подобного рода вариантов, не мешающих отождествлению, могут служить следующие формы: рус. „гог и магог (гога и магога)“; „геркулесовы (геркулесовские) столбы (столпы)“; чеш. Sisyfova (sisyfovsky) práce; англ. Lucullan (Lucullian) banquet; нем. zwischen Scylla (Szylla) und Charybdis; рум. patul lui Proc(r)ust и т. п.

Все эти, а также анализируемые ниже преобразования свидетельствуют о подвижности рассматриваемых ФИ и опровергают укоренившееся среди некоторых лингвистов мнение об их полном межъязыковом совпадении или невозможности отражать характерные свойства языков, в которых они функционируют²². Нельзя также согласиться с выводом, что неодинаковое сходство параллельных ФЕ в разных языках определяется лишь разным воздействием культурно-исторических факторов²³. Неодинаковая степень сходства параллелей, порождаемых одними и теми же культурно-историческими стимулами, объясняется в первую очередь особенностями и характером соотношения рассматриваемых языковых систем.

Многие ФИ обрастают также лексическими вариантами. Общая тенденция к лексическому варьированию ФЕ разрешается исходя из специфики лексических потенциалов, синонимических отношений и др. и находит частные проявления во фразеологических параллелях²⁴. Ср., например, лексические варианты у ФЕ болгарского и французского языков при отсутствии таковых у параллелей других языков: рус. „сизифов труд“ — болг. „сизифовски усилия (или труд)“ — серб.-хорв. „Сизифов посао“ — чеш. Sisyfova práce — англ. a Sisyphian labour — фр. travail (или rocher) de Sisyphe — ит. la fatica di Sisifo — исп. trabajo de Sisifo — рум. munca de Sisif. Интересно отметить здесь, что формы, являющиеся самостоятельными ФЕ в болгарском языке („сизифовски труд“, „сизифовски камък“), оказываются вариантами во французском (travail или rocher de Sisyphe). Наличие определенного параллелизма между ними есть результат действия мотивирующих стимулов (согласно греческому мифу, Сизиф, царь Коринфа, был приговорен „за обман богов“ вечно вкатывать на гору камень, который скатывался вниз).

Распространенной является также тенденция к возникновению фразеологических пар, а иногда и большего числа ФЕ, содержащих свернутую и развернутую формы мотивирующей основы, например: нем. das Fass der Danaiden — eine Danaidearbeit verrichten — das Fass der Danaiden füllen wollen.

Иногда подобное развитие сопровождается значительным переосмыслением: новообразованная ФЕ приобретает смысловую самостоятельность и в ряде случаев полностью порывает семантическую связь с исходными формами. Ср., например: фр. Madeleine repentante (кающаяся Магдалина, кающаяся грешница) — pleurer comme une Madeleine (плакать как кающаяся Магдалина, горько плакать) — suer (или transpirer) comme une

Madeleine (обливаться потом подобно тому, как кающаяся Магдалина обливалась слезами) — faire suer la Madeleine (арго, 1. увеличивать ставку в игре; 2. с трудом выкрутиться при шулерской игре); ит. Oga Magoga: andare in Oga Magoga (уехать на край света); in Oga Magoga (на краю света).

Возникновение межъязыковых параллелей со свернутыми и развернутыми формами мотивирующей основы также наблюдается: рус. „гордиев узел“ — „разрубать (или рассекать) гордиев узел“ — болг. „гордиев възел“ — „разсичам гордиевия възел“ — чеш. gordický uzel — rosetnout gordický uzel — англ. the Gordian knot — cut the Gordian knot — нем. der gordische Knoten — den gordischen Knoten durchhauen (lösen, zerhacken, zerhauen или zerschneiden) — швед. gordisk knut — lösa den gordiska knuten — фр. neud gordien — couper (или trancher) le noeud gordien — ит. nodo gordiano — tagliare (или scogliere) il nodo gordiano — исп. nudo gordiano — cortar (или romper) el nudo gordiano — рум. nodul gordian — a taia nodul gordian; рус. „авгиевы конюшни“ — „чистить авгиевы конюшни“ — англ. Augean stable (или stables) — cleanse the Augean stables — нем. Augiasstall — den Augiasstall reinigen (ausräumen, ausfegen или ausmisten) — швед. Augiasstall — rengöra Augiasstall — фр. les écuries (или les étables) d'Augias — nettoyer les écuries d'Augias.

Возникновение межъязыковых совпадающих квантитативных вариантов как следствие фразеологической редукции — редкое явление: англ. cut the Gordian knot = cut the knot — нем. den gordischen Knoten durchhauen = den Knoten durchhauen — ит. tagliare il nodo gordiano = tagliare il nodo.

Ср. также параллелизм осложненного развития структурно-семантического стержня как пример расширения интернациональной первоосновы: рус. „альфа и омега“ — „от альфы до омеги“ — болг. „алфа и омега“ — от „алфа до омега“ — швед. alfa och omega — från alfa till omega — ит. l'alfa e l'omega — dall'alfa all'omega — исп. alfa y omega — de alfa a omega.

Особенность ФИ рассматриваемого типа состоит в том, что чаще всего ОЧМТ представлено компонентом (компонентами) с ономастической (топонимической или чаще антропонимической) основой, несущей определенную культурно-историческую информацию, нередко достаточную для определения мотивационной основы и выведения значения ФЕ, конечно, при условии, если эта информация, во-первых, достаточно эксплицитна, а во-вторых, известна носителям данных языков. Информационный компонент, как правило, оказывается семантическим центром. Но часто информативность компонента ограничивается лишь общим намеком на истоки и источники ФИ, на некоторые факты (реальные или нереальные), положенные в основу данных образований, обеспечивая, таким образом, только первое приближение к пониманию внутренней формы, вскрыть которую можно лишь прибегнув, после восприятия всего сос-

тава ФЕ, к соответствующим лексикографическим справочникам. Из-за недостаточности разработки определенных фразеологических материалов, отсутствия регистрации словарями фактов, например, не характеризующихся регулярностью употребления, лишь граничащих с фактами национального литературного языка (а нередко и субъективно квалифицируемых как таковые), возникает необходимость в специальной процедуре отождествления.

Историко-этимологический подход к интернационализмам с ОЧМТ показывает, что они связаны с античной и библейской мифологией, преданиями, историческими фактами и в своем подавляющем большинстве составляют группы библеизмов, мифологизмов и семантических фразеологических заимствований. Собственно фразеологические кальки с информационным компонентом малочисленны: нем. *Potemkinsche Dörfe* (ср. рус. „потемкинские деревни“); рус. „буриданов осел“ — болг. „буриданово магаре“ — англ. *Buridan's ass* — швед. *Buridans åsna* (ср. фр. *âne de Buridan*); рус. „последний из могикан“ — болг. „последният Мохикан“ — чеш. *poslední mohykán* — нем. *der Letzte der Mohikaner* — швед. *siste mohikanen* — фр. *le dernier des Mohicans* — исп. *último mohicano* (ср. англ. *the last of the Mohicans*) и некоторые др. Однако не все библеизмы, мифологизмы и семантические фразеологические заимствования являются ФИ с ОЧМТ. Гораздо большая их часть не характеризуется данным тождеством и входит в состав изоморфических интернационализмов, рассмотрение которых осуществляется в соответствующих разделах нашей работы.

В целом относительная доступность вскрытия внутренней формы и идентификации ФИ с ОЧМТ объясняется связью их с культурно-историческим наследием, общим для носителей привлекаемых языков. Действие культурно-исторических стимулов как экстралингвистических универсалий порождает межъязыковой параллелизм, который поддерживается общими тенденциями развития, хотя и часто находящими индивидуальное проявление в системах разных языков.

Наличие информационного компонента, содержащего яркую образную идею, оживляет этимологические ассоциации и реминисценции. Это помогает ФЕ сохранять связь с их источниками, что сдерживает стремление к семантическому развитию. В семантическом отношении интернационализмы с ОЧМТ преимущественно представляют собой совпадающие однозначные ФЕ. В некоторых случаях действие мыслительных универсалий, направляемое этимологическими реминисценциями, находит выражение в закономерных семантических преобразованиях. Синхронно-сопоставительное изучение интернационализмов с ОЧМТ, а также сопоставительно-исторический анализ данных ФИ с их источниками вскрывают одинаковые пути независимого семантического развития ряда ФИ рассматриваемой группы.

В отдельных случаях наблюдается даже совпадение полисемантической структуры, которая сама по себе не характерна для ФИ с ОЧМТ, например: фр. *chausser le colturne* = ит. *calzare il colturno* — 1) писать трагедии, 2) быть трагическим актером, играть в трагедиях; 3) выражаться высокопарно, употреблять ходульный стиль.

Относительная семантическая инертность ФИ данного типа не исключает полностью возможность их индивидуального семантического развития в разных языках. Частичные семантические расхождения обнаруживаются, например, у следующих ФИ: англ. *Balaam's ass* = фр. *ânesse de Balaam* = рус. „валаамова ослица“ (1) — молчаливый, покорный человек, вдруг неожиданно для окружающих выразивший свое мнение, запротестовавший; рус. (2) — бран. глупая, упрямая женщина; англ. *Gog and Magog* = ит. *Oga Magoga* = рус. „гог и магог“ (1) — жестокий, свирепый человек; рус. (2) — влиятельный, всемогущий человек; англ. *Augean stable* (или *stables*) = фр. *les écuries* (или *les étables*) *d'Augias* = рус. „авгиевы конюшни“ (1) — грязное, захламленное помещение, место; рус. (2) — то, что находится в запущенном состоянии, в беспорядке и т. п. (обычно об организации, о неразберихе в ведении дел и т. п.).

В ряде случаев регистрация в словарях подобных ФЕ лишь в одном значении, тесно связанным с исходной этимологической основой, вероятно, может объясняться недостаточной разработкой данных фразеологических материалов, что является также одной из причин невключения в отечественные и зарубежные словари, например, значительного числа библеизмов и мифологизмов, использующихся в современных языках.

Различия могут касаться также степени употребительности рассматриваемых ФЕ в разных языках. Так, А. Ф. Вурм отмечает, что частотность употребления русской ФЕ „между Сциллой и Харибдой“ выше по сравнению с устаревшей чешской параллелью *mezi Scyllou a Charybdou*²⁵.

В редких случаях наблюдаются полные семантические расхождения, например: рус. „иерихонская труба“ = болг. „йерихонска тръба“ — громкий голос \neq фр. *la trompette de Jéricho* — шумовые проявления.

В заключении данного раздела, подводя краткий итог особенностям интернационализмов с ОЧМТ, заострим внимание на действии двух противоположных тенденций, характеризующих их развитие. С одной стороны, наблюдается ярко выраженный параллелизм, стремление к межъязыковому сближению, которое проявляется в выявленных нами тенденциях к сходным преобразованиям. Данная направленность связана не только с языковым универсализмом, но и в значительной степени определяется влиянием культурно-исторического наследия, сообщающего определенную инерционность развитию ФИ рассматриваемого типа. Межъязыковая фразеологическая близость активно поддерживается известным материальным „информационным“

тождеством, способствующим сохранению связи ФИ с их истоками и источниками. Отмеченные особенности параллелей с ОЧМТ не только закрепляют их интернациональные свойства, приобретенные на предшествующих этапах языкового сближения, но и расширяют интернациональную первооснову.

С другой стороны, даже синхроническое обозрение свидетельствует о возможности автономного развития. Несравненно более сильной является первая тенденция, обеспечивающая как сохранение, так и дальнейшее развитие параллелизма этой обширной группы интернационализмов.

По сравнению с ФИ с полным фонографическим сходством интернационализмы с ОЧМТ, благодаря большей степени национальности формы, составляют разряд более активно функционирующих ФЕ.

Ниже схематически представлены основные варианты соотношения признаков отождествления ФИ с ОЧМТ. Наборы признаков даются в порядке их частотности.

Признаки	Варианты					
	1	2	3	4	5	6
Написание	+	+	—	+	—	+
Звучание	+	+	+	—	+	—
Структура	+	—	+	+	—	—
Значение	+	+	+	+	+	+
Лексическое наполнение	+	+	+	+	+	+

Промежуточные типы интернационализмов

Промежуточное положение между ФИ с полным фонографическим сходством и ФИ с информационным ОЧМТ занимают образования, совмещающие исконный материал с иноязычным и не имеющие информационного компонента, например: нем. *die Creme der Gesellschaft* (ср. фр. *crème de la société*), нем. *va banque spielen* (ср. фр. *va banque*), нем. *adieu sagen* (ср. фр. *dire adieu*), рус. „пробить брешь“ (ср. фр. *battre en brèche*), англ. *apropos of nothing* (ср. фр. *à propos de rien*). Сопоставительно-историческое рассмотрение показывает, что часто ими оказываются полукальки. Однако калькирование является не единственным способом образования разноязычных соединений²⁶.

Степень однородности (неоднородности) материального сходства может быть неодинаковой и обычно в рассматриваемых случаях во многом зависит от совпадения (несовпадения) соприкасающихся графических систем, способных предопределять известные возможности совмещения разноязычного материала, характер этого совмещения.

Среди ФЕ с совмещенным материалом выделяются образования, иноязычные компоненты которых употребляются вне данных фразеологизмов, например: нем. *terrain gewinnen* (ср. фр. *gagner du terrain*), рус. „делать сцену“ (ср. фр. *faire une scène*) и др. Выделяются также ФЕ с компонентами закрепленного или преимущественно закрепленного употребления, например: нем. *auf dem Quivive sein* (ср. фр. *sur le qui-vive*), нем. *j-d ist (ganz) down* (ср. англ. *to be down*) и некоторые др. Ограниченность использования иноязычного слова лишь в качестве компонента ФЕ способствует идентификации ФИ носителями заимствующих языков.

Отметим также немногочисленную группу ФЕ, которые образуются на основе иноязычных выражений, использующихся в языках без перевода, например: фр. *dire son in manus* (на основе лат. *in manus*), фр. *aller ad patres* и фр. *envoyer qn ad patres* (на основе лат. *ad patres*) и др. Ограниченность параллелизма лишь отдельными языками говорит о малой продуктивности этого способа интернационализации.

В редких случаях бытования в языке образования, заимствованного в иноязычной форме, и ФЕ с частичным материальным заимствованием того же происхождения, имеющей аналогию в языке-источнике, сложно бывает определить, является ли последняя результатом частичного калькирования или же это следствие формирования ФЕ на базе данной иноязычной формы. Ср. сосуществование в английском языке французского выражения *carte blanche* и ФЕ с частичным материальным заимствованием *give smb carte blanche*, а также употребление во французском языке ФЕ *carte blanche* обычно в сочетании с глаголами *donner, laisser*.

Частичное материальное заимствование с большой достоверностью указывает на происхождение ФЕ и способствует отождествлению интернационализмов. Чаше всего интернациональность в рассматриваемых случаях оказывается ограниченной минимальным числом языков. Сосуществование калек и полукалек, а также соответствий близкородственных языков увеличивает интернациональные ряды: нем. *die (grosse) Cour halten*, *Hof halten* — англ. *hold court* (тж. *hold a court*) — фр. *tenir cour plénière* — ит. *tenere corte bandita*; нем. разг. *j-m die Cour schneiden*, уст. тж. *die Cour machen* — *j-m* (б. ч. *einer Frau*) *den Hof machen* — фр. *faire la cour*.

Если наличие иноязычного материала в составе ФЕ сообщает им определенную инертность, сдерживает тенденцию к автономному развитию, обеспечивает определенную устойчивость, то ограниченность параллелизма, уменьшая межъязыковую зависимость, способствует нарушению устойчивости, стабильности, благоприятствует естественной потребности языковых единиц к преобразованиям²⁷. Так, нами наблюдаются, например:

1) орфографические изменения (ср., например, написание французского существительного в составе немецкой ФЕ с за-

главной буквы: нем. *J-m Avancen machen* — фр. *faire les (или des) avances à...* — англ. *make advances*);

2) возникновение лексических вариантов (англ. *make* или *take adieu*, тж. *bid* или *say adieu to*; ср. фр. *dire adieu*);

3) добавление компонента для усиления значения (нем. *J-d ist (ganz) down*; ср. англ. *to be down*);

4) образование нового значения (англ. *on the qui vive* — 1) настороже, начеку, 2) горящий желанием, сгорающий от нетерпения; ср. фр. *sur le qui-vive* — начеку; немецкая параллель *auf dem Quilvive sein*, семантически совпадающая с французским прототипом, имеет иное стилистическое употребление — разг. фам.)

5) потеря части семантического объема (рус. „быть в ажуре“ — как следует, в полном порядке, хорошо, благополучно; ср. фр. *être à jour* — 1) в полном порядке, благополучно, 2) статья ясным, известным, очевидным, 3) уложиться в срок.

Возникновение материально соотносительных форм в результате разного рода искажения оригинала не ведет к истинному параллелизму, например: англ. *Mother Carey's chicken* — мор. буревестник (*Mother Carey* — искаженное лат. *Mater cara* — богоматерь).

Отдельную подгруппу материально и семантически отождествляемых образований составляют соответствия, вступающие в отношение типа „словосочетание языка-источника — слово языка-рецептора“. Ср., например: рус. „бонвиван“ — фр. *bon vivant*, рус. „журфикс“ — фр. *jour fixe*, рус. „нувориш“ — фр. *nouveau riche* и т. п. Иногда заимствование более сложного словосочетания сопровождается значительным искажением, например, англ. *pincompoor* от лат. *non compos mentis*.

Заимствования подобного рода могут расходиться со своими прототипами в семантическом объеме, например, рус. „мизансцена“ (расположение актеров на сцене в отдельные моменты спектакля) от фр. *mise en scène* (1. постановка, 2. инсценировка, 3. обстановка).

Несмотря на наличие определенного материального тождества, идентификация интернационализмов рассматриваемого типа затруднена в силу несовпадения их структур.

Основными вариантами соотношения признаков отождествления рассмотренных промежуточных типов интернационализмов являются следующие:

Признаки	Варианты						
	1	2	3	4	5	6	7
Написание	+	+	—	+	—	+	—
Звучание	+	+	+	—	+	+	+
Структура	+	—	+	+	+	—	—
Значение	+	+	+	+	+	—	+
Лексическое наполнение	+	+	+	+	—	—	—

Изоморфические интернационализмы

Средний порог эквивалентности представлен самой многочисленной группой интернационализмов, идентификация которых осуществляется либо только на основе лексико-семантической и стилистической соотносительности, либо на основе совместной лексико-семантической, стилистической и структурно-грамматической соотносительности. Возможность частичного звукового и графического сходства не исключается. Однако в пределах неродственных языков материальное сходство имеет спорадический характер и не может служить регулярным признаком отождествления интернационализмов данной группы.

На основе соотношения признаков лексического, грамматического, семантического и стилистического сходства и различия нами выделяются полные и частичные изоморфические интернационализмы (ИИ). Полные ИИ, характеризуясь максимальным лексико-семантическим, стилистическим и грамматическим совпадением, являются наиболее идентифицируемыми в пределах интернационализмов рассматриваемого типа, например: рус. „спасать (свою) кожу“ — болг. „спасявам кожата си“ — серб.-хорв. „спасавати своју кожу“ — чеш. chránit svou kuzi — англ. save one's skin — нем. seine Haut retten — швед. rädda sitt skinn — фр. sauver sa peau — ит. salvare la pelle — исп. salvar su (el) pellejo — рум. a-si scapa pielea.

Исходя из положения о том, что „полный изоморфизм может быть лишь между абстрактными, идеализируемыми объектами“²⁸, а также из понимания В. М. Солнцевым идеальной структуры как инварианта, „на основе которого создаются реальные объекты со своими структурами“²⁹, необходимо подчеркнуть условность нашего термина „полные изоморфические интернационализмы“.

Среди частичных ИИ выделяются параллели как с отдельными, так и совокупными лексическими, грамматическими, семантическими и стилистическими расхождениями. Если лексические и семантические расхождения ИИ не переходят границ межъязыковой инвариантности, то грамматические (структурно-грамматические) расхождения могут быть не только частичными, но и полными.

Лексические расхождения

Как известно, специфика лексического состава ФЕ обуславливается не только лингвистическими, но и экстралингвистическими факторами. На уровне фразеологии внеязыковыми факторами, как правило, определяется специфика образа ФЕ, в то время как частичные расхождения, не затрагивающие образную основу, преимущественно детерминированы лингвистически. В целом ИИ представлены как образными ФЕ, так и ФЕ не имеющими образной основы. Лексико-семантическая сопоставимость

И И первой группы проявляется прежде всего в наличии образного инварианта³⁰. Поэтому в данном случае рассмотрение элементов лексической неинтернациональности предполагает главным образом лингвистический анализ. Нами выявляются основные причины, вызывающие закономерные расхождения лексического состава ИИ.

*а) Неодинаковость традиций участия слов
в формировании фразеологических единиц*

В каждом языке существуют лексические пласты, продуктивные в образовании ФЕ. Большинство лексических пластов, обильно питающих фразеологию разных языков, оказываются интернациональными. Это прежде всего разряды слов, относящиеся к повседневной жизни человека, к его работе и досугу, передающие взаимоотношения людей в обществе и их представления об окружающей действительности, раскрывающие духовный мир человека и др. Однако даже общие богатые фразеологией лексико-тематические группы неравномерно распределены во фразеологии разных языков. Еще более специфичным оказывается участие конкретных слов-представителей данных групп в образовании фразеологизмов. Так, несмотря на высокую продуктивность во фразеобразовании соматической лексики, далеко не все слова этой группы оказываются традиционными компонентами ФЕ разных языков³¹. Например, популярностью слова *rouse* в образовании французских ФЕ и меньшей употребительностью или неупотребительностью его эквивалентов во фразеологии других языков объясняется лексическое расхождение французской ФЕ *ne bouger plus d'un rouse* со следующими параллелями: рус. „пальцем не шевельнуть (или не двинуть)“ — болг. „не мръдвам пръста си (или малкия си пръст)“ — серб.-хорв. „и прстом не макнути“ — чеш. *nehnout (ani) prstem* — англ. *lift (move, raise или stir) a finger* (обыкн. употр. в отрицательных предложениях) — нем. *keinen (или nicht einen) Finger rühren* — швед. *inte röra (или lyfta) ett finger* — ит. *non alzare (или non muovere) il (или un) dito* — исп. *no mover los dedos* — рум. *el n-a mișcat (или n-a ridicat) nici măcar un deget*.

Продуктивностью французского слова *bec* и неупотребительностью его русского и румынского эквивалентов в рассматриваемом качестве обусловлены также расхождения в ряду: рус. „носом (или нос) к носу“ — фр. *bec à bec* — рум. *nas în nas*. По этой же причине различаются ФЕ: болг. „вода за носа няко-го“ — фр. *mener qn par le bec*³².

Благодаря своей популярности и специфики употребления в составе ФЕ французского языка слово *bout* во фразеологизме *mener qn par le (bout du) nez* (тж. *diriger qn par le bout du nez*) оказывается уникальным в следующем ряду ИИ: рус. „водить за нос“ — серб.-хорв. „вући за нос“ — чеш. *vodit za nos* —

нем. an der Nase herumführen (или herumziehen) — швед. dra [vid näsan — ит. menare (condurre, prendere, pigliare или tirare) per il naso — рум. a duce de nas.

Неодинаковые языковые традиции обнаруживаются в употреблении чисел. Так, в болгарской фразеологии популярным числом является „два“, во французской — „четыре“, в итальянской — „два“ и „три“ и т. д.: болг. „на две крачки“ — фр. à quatre pas (d'ici) — ит. a due (или a tre) passi.

Совокупное проявление двух указанных особенностей находим в варианте французской ФЕ se (или s'en) lécher les doigts (или les quatre doigts et le pouce). Ср.: рус. „пальчики (или пальцы) оближешь“ — болг. „пръстите да (или ще) си оближеш (изядеш или глътнеш)“ — серб.-хорв. „да олижеш прсте“ — чеш. deset prstu olíznout — нем. danach möchte man sich die Finger lecken — ит. leccarsi le dita — исп. chuparse los dedos — рум. sa-ti lingi degetele.

Особым своеобразием отличается использование прилагательных, обозначающих цвет в итальянской, французской и английской фразеологии. Многие фразеологизмы данного разряда выражают понятия и создают образы, для передачи которых, например, славянские языки обращаются к совершенно иным семантическим сферам, не образуя соответствующих параллелей, например: ит. bile nera = фр. bile noire (меланхолия), англ. blue fear (или funk) = фр. peur bleue (панический страх) и мн. др. Внутренняя форма многих подобных ФЕ не ясна с точки зрения синхронии³³.

Неодинаковая символика и сочетаемость цветовых прилагательных, несовпадение переносных значений не только оттенков, но и основных цветов обуславливают различия фразеологического использования их даже в пределах традиционных для них семантических полей. Ср., например, следующий ряд ИИ, в котором проявляется специфика употребления цвета в ФЕ итальянского, французского и шведского языков, создающая лексические расхождения: рус. „видеть в розовом свете (или цвете)“ — болг. „вижда ми се розово“ — чеш. vidět všechno růžově, vidět všechno v růžových barvách — нем. in rosarotem (или rosigem) Licht sehen (или betrachten) — швед. se allt i rosenrött (rosenrött — пунцовый, алый) — фр. voir tout en blanc (blanc — белый) наряду с ФЕ voir tout couleur de rose (тж. tout en rose) — ит. vedere tutto bianco (bianco — белый) наряду с ФЕ vedere tutto colòr rosa — исп. verlo todo de color de rosa — рум. a vedea totul în roz.

У параллельных ФЕ близкородственных языков, например, итальянского и французского, характеризующихся значительным сходством передачи цвета, также наблюдаются цветовые рас-

хождения; ит. *ridere verde* (горько смеяться; *verde* — зеленый) — фр. *rire jaune* (принужденно смеяться; *jaune* — желтый).

В ряде случаев, особенно в области языков разных групп, независимость происхождения сходных ФЕ подобного типа вызывает сомнения³⁴. Так, не ясно, например, возникли следующие ФЕ самостоятельно или же это результат калькирования: фр. *voir rouge* — ит. *veder tutto rosso* — англ. *see red* (или *scarlet*).

Легкость субстантивации французских прилагательных также порождает лексические расхождения типа англ. *work like a nigger* — фр. *bosser comme un noir* наряду с ФЕ *travailler comme un nègre*. Ср. также: рус. „в черном цвете“ (видеть что-л.) — серб.-хорв. „видети све црно“ — швед. *se allting i svart* — фр. *voir en noir* (или *voir tout en noir*) — ит. *veder tutto (in) nero* — исп. *verlo todo de color negro* — рум. *a vedea totul în negru*.

В составе соотносительных ФЕ, компоненты которых обозначают предметы быта, профессии, животных, растения и мн. др., также наблюдаются определенные расхождения, часто объясняемые экстралингвистически: особенностями образа жизни людей данных стран, их традициями, спецификой быта, географическими условиями.

Так, например, различие названий денежных единиц определило соответствующее наполнение следующих ФЕ: рус. „гроша медного (или ломаного) не стоит“ — болг. „не струва пукнат (спукан или счупен) лев“ — серб.-хорв. „не вреди ни пребијене паре“ — англ. *not worth a farthing* (*brass farthing*, *penny* или *halfpenny*; амер. *not worth a cent* или *red cent*) — нем. *etw. ist doch keinen Dreier wert, keinen (roten) Heller wert sein* — швед. *inte värd ett rött öre* — фр. *ça ne vaut pas un sou* — ит. *non vale un quattrin bacato, non valere un sollo*.

Ср. также наполнение следующих параллелей, содержащее названия первой и последней букв алфавитов соответствующих языков: рус. „от а до я“, от „аза до ижицы“ — чеш. *od a do zet* — швед. *från a till ö*.

Иногда различные исходные стимулы порождают соотносительные ФЕ, отражающие специфику этих стимулов, например: рус. „дело в шляпе“ — фр. *l'affaire est dans le sac*. В основе значения французского оборота лежит факт, связанный с судопроизводством. Документы, требуемые для судебного разбирательства, складывались в мешочки. Завершение сбора необходимых материалов и размещение их в мешочки („дело в мешке“) означало готовность к судебному процессу. Иное происхождение имеет русская параллель. Ср. у В. Даля — „Дело в шляпе, от жебья: слажено, готово, кончено“.

Но далеко не всегда возможно объяснить лексические расхождения экстралингвистическими факторами, особенно при наличии реалий общих для носителей разных языков, способных вести к понятийному, предметно-логическому и логико-семанти-

ческому совпадению. Ср., например: рус. „вставать с петухами“ — болг. „ставам с петците“ — чеш. vstávat s prvním kurpětím — англ. rise with the lark (или with the sun) наряду с rise a-cock-crow — нем. beim ersten Hahnenschrei aufstehen — швед. stiga upp när tuppen börjar gala — фр. s'éveiller (или se lever) au chant de l'alouette (или des alouettes) наряду с se lever au chant du coq — ит. alzarsi al canto de gallo, alzarsi colle galline — исп. levantarse al primer canto de gallo.

Сопоставление показывает, что большим сходством лексического наполнения чаще характеризуются ИИ близкородственных языков. Однако высокая степень сходства лексического состава ФЕ не всегда идет параллельно с генетическим родством языков: рус. „толочь воду (в ступе)“ — ит. pestar (или battere) acqua nel mortaio — рум. a bate apa în pîua — фр. battre l'eau (avec un bâton или à coup de bâtons). Более того, отдельные фразеологические звенья родственных языков представлены лишь потенциальными интернационализмами, объединяемыми общей логико-фразеологической идеей, сходство образа которых оказывается достаточно отдаленным, например: рус. „одним ударом (или одним выстрелом) двух зайцев убить“ — болг. „(с един куршум) два заека удрям“ — серб.-хорв. „једним ударцем две муве убити“ — чеш. zabít dvě mouchy jednou ranou — англ. kill two birds with one stone — нем. zwei Fliegen mit einer Klappe schlagen — швед. slå två flugor i en smäll — фр. faire d'une pierre deux coups — ит. prendere (или pigliare) due piccioni con una fava — исп. matar dos pájaros de un tiro — рум. a prinde doi iepuri dintr-o lovitură.

Довольно распространенной причиной частичных лексических расхождений в составе ФП является наличие лакун в лексической системе языка, которые могут заполняться при образовании близких ФЕ в разных языках иногда одинаковым способом. Примером такого рода пропусков может служить отсутствие в рассматриваемых языках однословного эквивалента русскому слову „дыбом“: рус. „волосы становятся (встают, поднимаются) дыбом“ — болг. „настръхват ми косите“ — серб.-хорв. „коса се на-кострешила“ — чеш. vlasy vstávají na hlavě, vlasy hrzou vstávají — англ. one's hair stands on end — нем. die Haare stehen j-m zu Berge, das Haar steht j-m zu Berge — швед. håret står på ända, håret reser sig på ens huvud — фр. les cheveux se dressent sur la tête, les cheveux se hérissent, cela fait dresser les cheveux (sur la tête) — ит. i capelli si rizzarono — исп. los cabellos (или pelos) se ponen de punta, el pelo se eriza — рум. se face parul maciuca.

Сопоставительный анализ показывает, что своеобразие языковых традиций употребления слов аналогичных или близких

тематических разрядов в качестве компонентов ФЕ есть яркое проявление национального в языке, сдерживающего интернационализацию фразеологизмов рассматриваемой группы.

*б) Расхождения в семантическом объеме
лексических единиц*

Тенденция лексики романских языков, особенно французско-го³⁵, в отличие от славянских и германских языков, к абстрагированию, обозначению более широких понятий, связанная с особенностями строя этих языков, благоприятствует десемантизации определенных разрядов слов, обуславливая широту их сочетательных способностей. Это делает их продуктивными строевыми элементами фразообразования, часто придает им определенную универсальность в пределах романских языков. Ср., например, ИИ, у которых абстрактным глаголам кинестетической семантики языков романской группы соответствуют глаголы с более конкретными значениями языков славянской и германской групп: рус. „подливать масла в огонь“ — болг. „наливам (или вливам) масло в огъня“ — чеш. *prilít oleje do ohně* — англ. *add (или pour) oil to (или pour oil on) the fire (или flame)* — нем. *Öl ins Feuer gießen* — швед. *gluta olja på elden* — фр. *jeter de l'huile dans (или sur) le feu* — ит. *gettare olio nella fiamma* — исп. *echar aceite al (или en el) fuego*.

В составе ФЕ романских языков в качестве слов-компонентов с более широким значением по сравнению с таковыми славянских и германских языков используются также слова, принадлежащие к другим частям речи. Ср., например, компонент-существительное *trait* французской ФЕ *à un trait de plume* с соотносительными компонентами следующих ИИ: рус. „одним (или единым) росчерком пера“ — болг. „с едно драсване на перото“ — серб.-хорв. „једним потезом пера“ — чеш. *(jedním) skrtnutí pera* — англ. *with one stroke of the pen* — нем. *mit einem (einzigen) Federstrich* — швед. *med ett enda penndrag*.

Ср. также ряд, в котором помимо употребления в составе итальянского и румынского интернационализмов абстрактных компонентов-глаголов наблюдается также единичное использование компонента-существительного *ferro* с широким значением в составе ИИ итальянского языка: рус. „предавать огню и мечу“ — болг. „предавам (или подлагам) на огън (и меч)“ — ит. *mettere a ferro e fuoco* — рум. *a țese prin foc și sabie*.

Следует отметить, однако, что рассматриваемая особенность романских языков имеет относительный характер. Ее относительность проявляется как во внутриязыковом, так и в межьязыковом отношениях. Нами наблюдается:

1) Сосуществование внутри языка ФЕ со словами-компонентами как с отвлеченными, так и с более конкретными значениями.

ми. Например, семантически универсальным в составе многих французских ФЕ оказывается прилагательное *bon*, наряду с которым, впрочем, могут использоваться также другие прилагательные с более конкретными значениями: *le bon chemin*, *le droit chemin*; *bonne conscience*, *conscience pure*, *conscience nette* и т. п. Иногда подобное сосуществование проявляется в виде параллельной межъязыковой вариативности. Ср., например, английскую и немецкую ФП с вышеприведенными французскими ФЕ: англ. *clear* (или *good*) *conscience* — нем. *ein gutes (reines или ruhiges) Gewissen*.

2) Существование ФП со словом-компонентом широкого значения в рядах языков не только романской группы, например: рус. „вставлять (или ставить) палки в колеса кому-л.“ — болг. „слагам (турям или поставям) пръчки в колелата на някого“ — англ. *put a spoke in smb's wheel* — швед. *sätta en käpp i hjulet för ngn* — фр. *jeter (или mettre) des bâtons dans les roues* — ит. *mettere i bastoni fra le ruote* — рум. *a pune bete în roate*.

3) Существование ФП с противоположным соотношением рассматриваемого противопоставления. Ср. ряды ИИ, в которых компоненты-глаголы ФЕ некоторых языков славянской и германской групп имеют более широкое, отвлеченное значение, чем соответствующие компоненты ФЕ некоторых романских языков: рус. „действовать на нервы кому-л.“ — болг. „действувам на нервите на някого“ — серб.-хорв. „ићи на живце (или нервирати)“ — чеш. *Jít na nervy* — англ. *get on smb's nerves* — нем. *j-m auf die Nerven fallen* (или *gehen*) — швед. *gå ngn' på nerverna* — фр. *donner* (*porter, taper* или *tomber*) *sur les nerfs*, *crisper les nerfs* — ит. *urtare i nervi*, *dare ai (или sui) nervi* — исп. *irritar los nervios* — рум. *a-i calca cuiva pe nervi, a actiona asupra nervilor*; рус. „изливать желчь“ — серб.-хорв. „излити своју жуч“ — чеш. *vylít si žluč na kom* — нем. *j-d ist* (фам. *speit* или *spuckt*) *Gift und Galle* — швед. *utösa (utgjuta или uttömma) sin galla över ngn* — фр. *décharger (déverser, épancher, évaporer, expectorer или répandre) sa bile* ит. *sputar (или schizzare) bile (или fiele)*, *buttar fuori il fiele* — исп. *descargar la bilis* — рум. *a-si varsa fierea*.

Оппозиция отвлеченности — конкретности нередко проявляется в несовпадении слов-компонентов по линии их родо-видового противопоставления. Ср., например, ряд, в котором французской ФЕ с компонентом видового значения (*bois* — олени рога) противопоставляются ФП с компонентом родового значения: рус. „наставлять рога кому-л.“ — болг. „слагам (турям, поставям или окачвам) рога на някого“ — серб.-хорв. „набити некое рогове“ — англ. *give horns to smb* (тж. *graft или plant horns on smb*) — нем. *j-m (т. е. dem Ehemann) Hörner aufsetzen* — швед. *sätta*

horn pa ngn — фр. faire porter du bois à qn — ит. far (или mettere) le corna a qd — исп. poner los cuernos a alguien — рум. a pune coarne cuiva.

Иногда наблюдается существование внутри языка синонимов с компонентами родового и видового значения, как это имеет место, например, во французском языке в рассматриваемом случае. Ср. наличие во французском языке также ФЕ с компонентом родового значения: coiffer de cornes (тж. planter des cornes).

В отдельных случаях отмечается межъязыковое совпадение компонентов видового значения. Ср. в этом же случае чешскую ФП pasadit parohy кому (parohy — оленьи рога; ср. употребление чеш. roh в разных значениях).

В качестве другого примера несовпадения родо-видовых семантических отношений между отдельными компонентами ФП приведем следующий ряд, в котором противопоставляется компонент немецкой ФЕ: рус. „зарабатывать свой хлеб“, „зарабатывать себе на хлеб“ — болг. „печеля хляба си“ — англ. make one's bread — нем. разг. seine Brötchen verdienen, sich sein Brot erwerben (verdienen) — швед. fortjäna sitt (leve) bröd — фр. gagner son pain — ит. guadagnarsi in pane — исп. ganarse su pan — рум. a-și câștiga pâinea. И здесь наблюдается синонимия, основанная в данном случае на родо-видовом семантическом противопоставлении компонентов немецких ФЕ (Bröt — хлеб, Brötchen — булочка). С указанным противопоставлением связывается и стилистическое различие приведенных немецких фразеологизмов.

Еще более дифференцированными в отношении родо-видового противопоставления оказываются компоненты французских ФЕ с видовым значением в следующем ряду ИИ: фр. ne pas remuer (ne pas bouger или ne pas lever) le petit doigt (тж. ne pas remuer le bout du petit doigt), ne bouger plus d'un pouce — серб.-хорв. „и прстом не макнути“ — нем. keinen (или nicht einen) Finger führen и т. д. Болгарская ФП „не мръдвам пръста си (или малкия си пръст)“, характеризуюсь родо-видовым варьированием, сближается с французской ФЕ с компонентом le petit doigt.

в) Разница синонимических отношений и синонимических потенциалов

Одним из самых распространенных видов лексических расхождений является несовпадение лексических вариантов, обусловленное преимущественно разницей синонимических отношений и синонимических потенциалов. Фронтальным сопоставлением ИИ выявляется неодинаковая способность ФЕ рассматриваемых языков к варьированию. Наиболее сильно тенденция к лексическому варьированию в группе славянских языков наблюдается у болгарского языка. В группе германских языков в этом

отношении выделяются английский и немецкий, в группе романских языков — французский.

Большая способность болгарских ФЕ к синонимической субституции и варьированию компонентов, составляющих их, объясняется более свободной организацией их формы и меньшей устойчивостью, например, по сравнению с ФЕ русского языка³⁶. Ср. в этом отношении следующие пары: рус. „вгонять (или загонять) в гроб кого-л.“ — болг. „вкарвам (завеждам, завличам, свалям и т. п.) в гроба“, рус. „кошка дорогу перебежала“ — болг. „минава (или пресича) ми котка (лисица, заек или бясно куче) път“.

Связь между тенденцией ФЕ, в первую очередь, английского, немецкого и французского языков к лексическому варьированию и синонимическими отношениями этих языков в области лексики является в определенной степени двусторонней, носит характер взаимодействия, взаимообусловленности: формирование обширной синонимии, универсальных синонимических рядов слов способствует высокой вариативности, а легкость подмены синонимов, большая способность к варьированию ведут к нивелировке оттенков их значений, что, в свою очередь, благоприятствует возникновению переносов. Образующиеся пробелы заполняются новыми идеографическими синонимами, а переносы способствуют развитию стилистической синонимии.

Для французского языка характерно семантическое выравнивание идеографических синонимов³⁷ и нейтрализация значений слов в словосочетаниях³⁸. Подобное явление свойственно английскому и немецкому языкам, хотя и в гораздо меньшей степени. Возможность сведения роли синонимов к знаковому функционированию благодаря тенденции к варьированию³⁹ проявляется иногда в использовании в качестве взаимозаменяемых компонентов ФЕ несинонимических слов. Ср. синонимические и несинонимические взаимозаменяемые компоненты при отсутствии вариантов в некоторых звеньях языков, характеризующихся меньшей способностью варьирования, в следующем случае: рус. „проливать (или бросать) свет на что-л.“ — болг. „хвърлям (или пръскам) светлина върху нещо“ — серб.-хорв. „бацити светлост на нешто“ — чеш. *vrhat světlo nač* — англ. *cast (shed, throw или turn) light on (или upon) smth* (реже *bring, carry или give light into smth*; тж. *throw a flood of light on или upon smth*) — нем. *Licht in etw. bringen* (тж. *Licht auf etw. werfen, Licht über etw. verbreiten, Licht in einer Sache schaffen*) — швед. *sprida ljus över ngt* — фр. *faire (или jeter) la lumière sur qch* — ит. *far luce su q. c.* — исп. *verter (или arrojar) luz sobre algo* — рум. *a arunca lumina asupra ceva*.

Межъязыковое совпадение отдельных взаимозаменяемых компонентов может объясняться языковым родством. Ср., например, близость вариантов английского и немецкого, французского и испанского фразеологизмов вышеприведенного ряда. Совпаде-

ние вариантов ФЕ неродственных языков наблюдается относительно редко. Ср., например: рус. „высоко нести (или держать) знамя чего-л.“ — фр. *porter* (или *tenir*) *haut le drapeau de...*

Ср. также нейтрализацию значений взаимозаменяемых синонимических компонентов французской ФЕ и несинонимических компонентов английской ФЕ в следующем ряду ИИ: рус. „биться головой (или лбом) об стену“ — англ. *knock* (или *run*) *one's head against a brick* (или *a stone*) *wall* (или *against a post*) — нем. *mit dem Kopf durch* (или *gegen*) *die Wand rennen* — швед. *köpa huvudet i väggen* — фр. *battre* (*donner* или *heurter*, *de la tête* (*se battre*, *se casser*, *se cogner*, *se frapper*) *se heurter* или *se taper la tête*) *contre les murs* (*un mur*, *le mur* или *la muraille*) — ит. *fare alle capate* (или *zuccate*) *col muro*, *dar del capo nel muro* — рум. *a se da cu capul de pereti* (перен. тж. *de toti pereti*.)

Степень семантической общности между взаимозаменяемыми компонентами может быть различной. Наблюдаются широкие границы: от синонимов близких равнозначным, чаще всего идеографическим, как, например, в варианте вышеприведенной французской ФЕ, до так сказать потенциальных слов-синонимов, использующихся в качестве таковых в свободном словопотреблении в данном речевом контексте, выявление синонимических отношений которых возможно лишь через промежуточные звенья, в конкретном окружении. Иногда подобные образования близки к тому, что называют функционально-речевыми синонимами. В качестве примера рассмотрим английскую ФЕ в следующем ряду ИИ: рус. „взять за горло (за глотку или за жабры) кого-л.“ — болг. „стискам (или хващам) за гушата няко-го“ — англ. *catch* (*have*, *hold* или *take*) *by the throat* — нем. *j-n bei der Gurgel fassen* (или *packen*) — фр. *prendre qn à la gorge* — ит. *pigliar* (или *prendere*) *per la gola* (или *alla gola*) — исп. *asir por el cuello* — рум. *a aruca de git*, *a lua de git pe cineva*. Взаимозаменяемыми компонентами английской ФЕ являются: *catch*, *have*, *hold*, *take*. Специальные словари синонимов⁴⁰ не квалифицируют слова *have*, *hold*, *take* как синонимичные *catch*. Согласно лексикографическим источникам, широко группирующим лексику языка⁴¹, семантико-функциональная общность рассматриваемых слов определяется по линии: *catch* \approx *take*, *have* \approx *hold*, *hold* \approx *take*, *hold* \approx *catch*.

Эквиваленты славянских языков, особенно русские эквиваленты „хватать“, „иметь“, „держать“, „брать“, характеризуются более конкретным содержанием. Линии их семантического перекрещивания выходят за пределы частотного узуса, что не позволяет им функционировать в качестве соответствующих вариантов.

Зависимость возникновения и межъязыкового совпадения вариантов от синонимического потенциала выявляется, например, у следующих фразеологических калек с латинской ФЕ *viperam putricare sub ala* или *in sinu viperam habere*: рус. „отогреть

согреть, пригреть или выкормить) змею на груди (или за пазухой)“ — (змея) — болг. „държа (или имам) змия в пазвати си (или змия си прибрал в пазвати си)“ — (змея) — серб.-хорв. „носи́ти гу́ју у недри́ма“ — (змија, гуја) — чеш. *hrát* (или *chovat*) *hada* (или *zmiji*) *na* (*svých*) *prsou* — (*had*, *zmije*) — англ. *cherish* (*nourish* или *warm*) *a serpent* (*snake* или *viper*) *in one's bosom* — (*serpent*, *snake*, *viper*) — нем. *eine Schlange am Busen nähren* — (*Schlange*) — швед. *nära en orm vid sin egen barm* — (*orm*) — фр. *réchauffer* (или *nourrir*) *un serpent dans un* (или *sur son*) *sein* — (*serpent*, *vipère*) — ит. *scaldarsi* (или *allevarsi*) *la serpe* (или *la vipera*) *in seno* — (*serpento*, *serpe*, *vipera*) — исп. *cíar una serpiente* (или *vibora*) *en su seno* — (*culebra*, *serpiente*, *sierpe*, *vibora*) — рум. *a încalzi un șarpe la sin* — (*șarpe*, *vipera*).

Как показывает материал, наличие синонимов слова „змея“ в большинстве рассматриваемых языков обуславливает появление соответствующих вариантов у ФП.

г) Проявление межъязыковой избыточности и экономии фразеологического образа

Под межъязыковой избыточностью фразеологического образа нами понимается логически более развернутый, детализированный, эксплицитный, по сравнению с иноязычной параллелью, образ ФЕ данного языка. Экономия — противоположное явление, т. е. концентрация, свертывание образа ФЕ данного языка, сообщение его мотивировке определенной имплицитности в отличие от образа иноязычной параллели. Ср. следующие примеры рассматриваемых явлений:

рус. „развязывать мощну (или кошель)“ — болг. „развързвам (отпускам или поразвързвам) си кесията“ — серб.-хорв. „разреши́ти кесу“ — англ. *loosen the purse-strings* — нем. *den Beutel aufmachen* (*ziehen* или *zücken*) — швед. *lossa på pung* — фр. *délier* (*desserrer* или *dénouer*) *les cordons de la bourse* — ит. *allentare i cordoni della borsa* — исп. *alargar la bolsa* — рум. *a-si deschide punga*;

рус. „снять с себя последнюю рубашку“ — болг. „давам (свалям, жертвувам и т. п.) и ризата от гърба си за някого, за нещо“ — англ. *give away the shirt off one's back* — нем. *das letzte Hemd verschenken* (или *hergeben*) — фр. *donner* (*jusqu'à*) *sa* (*dernière*) *chemise* — ит. *levarsi* (или *cavarsi*) *la camicia*;

рус. „припереть (или прижать) к стенке (или стене) кого-л.“ — болг. „притискам (или поставям) до стената някого“ — серб.-хорв. „притерати некога уза зид“ — чеш. *pritlačit ke zdi koho* — швед. *ställa ngn mot väggen* — фр. *mettre* (или *tenir*) *au pied du mur* — ит. *metter qd con le spalle al muro*;

рус. „витать (или парить) в облаках“ — болг. „витая (хвърга или нося се) из (или в) облаците“ — серб.-хорв. „бити у облаци-ма“ — чеш. *létat v oblacích* — англ. *be (или have one's head) in the clouds* — нем. *in (или über) den Wolken schweben* — фр. *être dans les nuages* — ит. *vivere nelle nuvole* — исп. *vivir en las nubes* — рум. *a fi (a trai или a umbla) cu capul în nori*;

рус. „играть с листа“ — фр. *Jouer à livre ouvert* — нем. *etw. vom Blatt spielen*;

рус. „пускать утку“ — нем. *ein Ente in die Welt setzen*;

рус. „требовать луну с неба“ — англ. *cry for the moon* — фр. *demande la lune*.

В некоторых случаях наблюдается сосуществование развернутой и свернутой форм фразеологического образа. Ср., например, болгарскую ФЕ в ряду ИИ: рус. „вставлять (или ставить) палки в колеса кому-л.“ — болг. *слагам (турям или поставям) пръчки в колелата (или между спиците на колелата) на някого* (параллели других языков см. на с. 52).

В редких случаях большинство ИИ ряда характеризуются тождественным раскрытием образа. Ср. в этом отношении ИИ чешского, германских и романских языков: рус. „поджимать (или прижимать) хвост“ — болг. „подвивам си (свивам или подгъвам си и т. п.) опашката“ — серб.-хорв. „подавити rep“ — чеш. *stáhnout ocas mezi nohy* — англ. *put one's tail between one's legs* — нем. *den Schwanz einziehen (или hängenlassen) zwischen die Beine nehmen* — швед. *sticka svansen mellan benen* — фр. *serrer la queue (entre les jambes)* — ит. *mettersi la coda tra le gambe* — исп. *meter el rabo entre las piernas* — рум. *cu coada între picioare*.

Как показывают материалы, подобного рода „расшифровка“ образа оказывается достаточно распространенным явлением, часто характеризуется параллелизмом и не является преимуществом какого-либо одного языка или группы родственных языков.

Рассматриваемые понятия избыточности и экономии условны и относительны. Как справедливо подчеркивает Р. А. Будагов, специально изучая роль принципов лингвистической экономии в развитии и функционировании языка, „лишнее“ („неэкономное“) с позиции одного языка обычно предстает как необходимое с позиции другого языка“⁴². Особенно это ощутимо в сфере фразеологии, где количественные показатели становятся несущественными в свете тех функций, которые выполняет фразеология прежде всего как выразительное средство языка, передавая его наиболее интимные, национальные стороны. Не следует отдавать каких-либо предпочтений ни одному из указанных проявлений, ибо ни экономия, и ни избыточность не являются свидетельством языкового преимущества⁴³. Изучение материалов показывает, что межъязыковые отношения рассматриваемых проявлений избыточности и экономии фразеологического образа находятся в конечном итоге в состоянии равновесия, уста-

навливаемого и поддерживаемого их внутриязыковой сбалансированностью.

Гораздо более редкими оказываются случаи стяжения (крайняя форма экономии), недостаточного раскрытия с позиции других языков образности (образа) ФЕ данного языка. Ср., например, совпадающий эллипсис русского, болгарского и испанского ИИ в ряду: рус. „наставлять (направлять или обращать) на путь (истинный) кого-л.“ — болг. „вкарвам в пътя (или в правия път) някого“ — чеш. *privést koho na pravou cestu* — нем. *j-n auf den rechten (или richtigen) Weg bringen (или leiten)* — швед. *föra in ngn på den rätta vägen* — фр. *mettre qn dans la bonne voie, remettre sur le droit chemin* — ит. *mettere sulla retta via* — исп. *poner en el camino de la verdad, meter en camino* — рум. *a îndruma (или a îndrepta) pe calea adevărului*. Данные явления могут быть результатом редукции.

Итак, случаи межъязыкового совпадения развертывания, свертывания или стяжения образа ФЕ не единичны. Параллелизм данных явлений расширяет круг ИИ, а их индивидуальность, ведущая к частичным расхождениям, как правило, не мешает отождествлению рассматриваемых интернационализмов.

д) Расхождения, связанные с особенностями номинации

Во многих случаях лексические и лексико-грамматические расхождения ИИ являются следствием отражения в них особенностей номинации, свойственных данным языковым системам. В плане особенностей номинации расхождения ИИ могут представляться как лексико-грамматическая разноструктурность с лексическим инвариантом (тип формальных или точнее структурных расхождений номинации).

Однословные компоненты-соответствия имеют преимущественное распространение в языках с выраженным синтетизмом. Структурный тип часто определяется особенностями средств словообразования данного языка: рус. „до последней капли крови“ — болг. „до последна капка кръв“ — серб.-хорв. „до последње капи крви“ — чеш. *do poslední kapky krve* — англ. *to the last drop of blood* — нем. *bis zum letzten Blutstropfen* — швед. *till sista blodsdroppen* — фр. *jusqu' à la dernière goutte de son sang* — ит. *fino all'ultima goccia di sangue* — исп. *hasta la ultima gota de sangre* — рум. *pîna la ultima picătură de sînge*.

Помимо обусловленности словообразовательной спецификой причиной расхождений может являться отсутствие универсальности лексических значений в разных языках⁴⁴, например: рус. „сгущать краски“ — болг. „сгъствам краските“ — англ. *lay on the colours too thickly* — нем. *dick auftragen, faustdick auftragen*

наряду с *die Farben dick auftragen* — ит. *caricare le tinte*; болг. „забивам нож (или кама) в гърба“ — чеш. *vrazit puž do zad* — англ. *stab in the back*.

Возможны также полные расхождения структурных типов: нем. *auf Eis legen* (или *stellen*) наряду с *einfrieren* — рус. „замораживать“ — фр. *congeler* и т. д.

Расхождения связываются и с особенностями грамматической десемантизации, ее индивидуальным проявлением. Часто в составе сочетания слов, соответствующего однословному выражению понятия, выступает полностью или частично десемантизированный компонент (полуслужебное слово с категориальным значением). Такого рода отношения устанавливаются как в пределах структуры фразеологизмов, так и между самостоятельным словом и ФЕ, в качестве соответствия которой это слово выступает: рус. „мухи не обидит“ — чеш. *ani mouše neublíží* — англ. *one wouldn't hurt a fly* — нем. *J-d kann keiner Fliege (et) was zuleide tun* — швед. *han gör inte en fluga förr när* — фр. *ne pas faire de mal à une mouche* — ит. *non farebbe male ad una mosca*; рус. „принимать участие“ — болг. „взема участие“ — серб.-хорв. „узети учешће“ — чеш. *úcastnit* — англ. *bear (have или take) part* — фр. *prendre part* — ит. *prendere parte* — исп. *tomar parte* — рум. *a lua parte*.

Итак, тип формальных (структурных) расхождений номинации предопределяется особенностями словообразования и грамматической десемантизации, отсутствием универсальности лексических значений в разных языках.

Выбор несовпадающих слов в языках может быть связан с неодинаковой распространенностью семантических типов наименования, приемов или способов данного типа переноса, с неодинаковым распределением сфер применения этих приемов, в меньшей степени с разновидностью обозначаемого и целей обозначения (тип лексико-семантических расхождений номинации). Ср., например, в одних случаях переосмысление наименования части тела, а в других случаях переосмысление наименования связанной с этой частью тела способности, манифестации, соматической функции: рус. „верный глаз“ — болг. „набито око“ — чеш. *dobré oko* — англ. *good (или true) eye* — нем. *einen sicheren Blick* наряду с *ein sicheres Auge* — швед. *säkert öga* — фр. *un oeil sûr* — исп. *buen ojo*; рус. „иметь хороший (или тонкий) нюх“ — болг. „имам нюх“ — серб.-хорв. „имати добар нос“ — чеш. *mit čich* — англ. *have a good nose* — нем. *eine gute (или feine) Nase haben* — швед. *ha fin näsa* — фр. *avoir bon nez* (тж. *avoir le nez bon, fin*) — ит. *aver naso*.

Причиной частичных лексических расхождений ИИ является также приспособление неодинаковых слов (традиционных для данного языка семантических стержней), характеризующихся общей тематической направленностью, к семантическому переносу для обозначения тождественных или близких понятий.

Ср., например, обозначение следующего состояния чувств в ряду: рус. „от полноты души (или сердца)“ — англ. in the fullness of one's heart — фр. d'abondance de coeur — ит. per abbondanza del cuore — исп. de la abundancia del corazon. При этом возможно чередование типов прямой и косвенной номинации. Так, отметим, что соответствиями приведенных ИИ в других языках выступают устойчивые словосочетания нефразеологического типа, и рассматриваемое понятие передается посредством прямой номинации: болг. „от пълнота на чувствавата“ — чеш. z přemíry citu — нем. im Überschwang der Gefühle — рум. dintr-un exces de sentimente.

Повторная номинация может вести к заменам, также обуславливая частичные лексические расхождения: рус. „со дня на день“ — нем. von einem Tag zum anderen — фр. d'un jour à l'autre — ит. da un giorno all'altro; рус. „рука руку моет“ — серб.-хорв. „рука руку мије“ — чеш. ruka ruku myje — нем. eine Hand wäscht die and(e)re — фр. une main lave l'autre — ит. una mano lava l'altra — исп. una mano lava la otra — рум. o mîna spală pe alta. Материал показывает, что замена лексических средств при повторной номинации более характерна для германских и романских, чем для славянских языков.

Многочисленными оказываются смешанные случаи расхождений: рус. „брать (свои) слова (или слово) обратно (или назад)“ — болг. „вземам си думите назад“ — чеш. vzít slovo zpět — англ. swallow (take back или eat) one's words — нем. seine Worte zurücknehmen — швед. ta tillbaka ett givet ord — фр. retirer un mot — рум. a-și lua cuvintele înapoi; рус. „из конца в конец“ — чеш. od jednoho konce ke druhému — ит. da un capo all'altro; рус. „бросать (или кидать) взгляд“ — болг. „хвърля поглед“ — серб.-хорв. „бацити поглед“ — чеш. vrhnout pohled — англ. cast an eye (glance или look) — нем. einen Blick werfen — швед. kasta blicken — фр. jeter un coup d'oeil (ср. ит. colpo d'occhio) — ит. dare un'occhiata (di sfuggita) gettare uno sguardo (или un'occhiata) — исп. echar una mirada (или ojeada) — рум. a arunca o privire (или o căutătură); рус. „закладывать (или заливать) за галстук“ — нем. einen hinter die Binde glessen — фр. s'en jeter un coup (или un verre) derrière la cravate и т. п.

* * *

Подведем краткий итог изложенному выше. Изучение лексического состава ИИ позволило выявить наиболее распространенные виды лексических расхождений и причины их обуславливающие. Эти расхождения вызываются неодинаковой традицией употребления слов в качестве компонентов ФЕ, даже в пределах аналогичных обильных фразеологией пластов лексики, различиями в семантическом объеме лексических единиц, раз-

ницей синонимических отношений и синонимических потенциалов, несовпадением проявления межъязыковой избыточности и экономии фразеологического образа, спецификой номинации.

Исследованием установлена неодинаковая значимость различных причин с точки зрения объема вызываемых ими расхождений. Наиболее действенными в этом отношении оказываются неодинаковая продуктивность лексем в образовании ФЕ и синонимические различия. Они обуславливают наибольший объем расхождений и являются главным тормозом на пути интернационализации фразеологии.

Лексические расхождения, связанные с неодинаковой продуктивностью лексем в образовании ФЕ, проявляются в несовпадении использования в качестве компонентов фразеологизмов конкретных, принадлежащих к одному и тому же семантическому полю слов. Данные различия объясняются инертностью языковых традиций, неодинаковой символикой отдельных представителей, а иногда и целых разрядов лексико-тематических групп, особенностями семантического членения понятийной картины мира. Все это выражается в яркой манифестации национального в языке, сдерживающего интернационализацию рассматриваемых ФЕ. Роль экстралингвистических факторов в этом плане также велика. Специфика внеязыковых реалий, отражаясь во фразеологии, ведет к частичным лексическим расхождениям ИИ. Противоборствующей тенденцией является стремление к сближению лексического состава ФЕ, его параллелизму, предпосылками которого служат лингвистические и экстралингвистические универсалии.

Одной из существенных причин, вызывающих один из наиболее распространенных видов лексических расхождений ИИ — несовпадение лексических вариантов, является межъязыковое различие в области синонимии. Изучение лексической вариативности параллельных ФЕ сопоставляемых языков вскрывает их неодинаковую активность в этом плане. Так, ФЕ болгарского языка, в силу большей подвижности и меньшей четкости границ их формы по сравнению с ФЕ русского, сербско-хорватского и чешского языков, характеризуются заметной тенденцией к повышенному лексическому варьированию. Наиболее сильную тенденцию к лексическому варьированию ФЕ среди сопоставляемых романских и германских языков проявляют французский, английский и немецкий языки.

Между тенденцией ФЕ прежде всего французского, английского и немецкого языков к лексическому варьированию и синонимическими отношениями этих языков в области лексики устанавливается двусторонняя зависимость, носящая форму взаимодействия: синонимическая активность способствует лексическому варьированию, а в свою очередь, большая способность к взаимозаменяемости слов ведет к семантическому выравниванию синонимов, нередко находящих выход для дальнейшего функционирования в семантических переносах. Утра-

ценные звенья синонимических рядов пополняются новыми синонимами, обеспечивающими высокую лексическую вариативность. Варьирование, ведущее к семантической нейтрализации синонимов, часто сводит их роль к знаковому функционированию и тем самым открывает возможность взаимозамен несинонимичных слов.

Диапазон семантической близости взаимозаменяемых компонентов ФЕ простирается от слов близких к равнозначным до функционально-речевых синонимов.

Совпадение вариантов ФП относительно редкое явление, встречающееся преимущественно в родственных языках. Предварительным условием данных совпадений является наличие соответствующего лексико-синонимического потенциала.

Многие лексические расхождения ИИ в конечном счете объясняются общей тенденцией романских языков к абстрагированию, создающему благоприятную почву для десемантизации и расширению сочетательных способностей известных разрядов слов. Это обуславливает во фразообразовании романских языков их высокую, по сравнению с языками других групп, продуктивность.

Избыточность и экономия фразеологического образа (крайняя форма последней выступает в виде стяжения), проявляющиеся соответственно как развертывание, „расшифровка“, детализация или наоборот как свертывание, а иногда и недостаточность с межъязыковых позиций раскрытия образности (образа) ФЕ, также порождают частичные лексические расхождения, проявляющиеся в виде определенного остатка, усечения, пробела в структуре образа сопоставляемых фразеологизмов. Как показывает материал, развертывание фразеологического образа оказывается распространенным явлением, нередко характеризуется параллелизмом и не является преимуществом тех или иных языков. Случаи свертывания, концентрации образа, и особенно стяжения, более редки, хотя и не единичны. Как правило, лексические расхождения, обусловленные данными явлениями, не препятствуют идентификации интернационализмов.

В работе выделяются два основных типа лексических расхождений, связанных с особенностями номинации в разных языках: 1) тип формальных (структурных) расхождений номинации (установление соответствий между словами-компонентами ФЕ и сочетаниями слов как частями ФЕ разных языков), предопределяемых особенностями словообразования и грамматической десемантизации, а также отсутствием универсальности лексических значений, 2) тип лексико-семантических расхождений номинации (выбор неодинаковых слов в разных языках, связанный со спецификой семантических преобразований с точки зрения соотношения их видов, способов, распространения, сфер приложения, а также со спецификой повторной номинации).

В отличие от лексических расхождений грамматические (структурно-грамматические) расхождения ИИ могут быть не только частичными, но и полными. В последнем случае интернациональность обеспечивается межъязыковым лексико-семантическим инвариантом.

Как универсальные, так и специфические в межъязыковом плане средства выражения, присущие грамматическому строю языков, находят отражение во фразеологии, организующейся, как правило, по моделям переменных словосочетаний, к которым она генетически восходит. Поэтому в основе грамматических расхождений ИИ чаще всего лежат особенности употребления грамматических форм и конструкций, свойственных данному языку или группе языков.

Одной из наиболее распространенных причин структурных расхождений является различие в приемах, способах передачи синтаксических отношений и неодинаковая продуктивность, а значит и роль разных средств синтаксической связи в синтетических и аналитических языках. Так, например, для русского языка как языка флективного характерны три способа выражения подчинения: согласование, управление, примыкание. При этом первые два являются преобладающими. Управление как морфологический прием не свойственно французскому языку. Здесь речь может идти о так называемом падежном управлении, передачи падежей посредством предлогов⁴⁵. Флективные способы выражения связи между компонентами словосочетания (согласование и управление) не продуктивны в английском языке, в котором основным приемом передачи синтаксической связи является примыкание⁴⁶ и т. д. Ср. в языках синтетического и аналитического строя беспредложный и предложный типы связи подчинения, за исключением английского языка, где имеет место соположение — в одних случаях (в именных конструкциях с препозитивным определением) согласование, а в других случаях (в именных предложных конструкциях)⁴⁷ падежное управление: рус. „золотая свадьба“, „серебряная свадьба“ — болг. „златна сватба“, „сребърна сватба“ — серб.-хорв. „златна свадба“, „сребрна свадба“ — чеш. *zlatá svatba*, *stříbrná svatba* — англ. *the golden wedding*, *the silver wedding* — нем. *die goldene Hochzeit*, *die silberne Hochzeit* — фр. *noce d'or*, *noce d'argent* — ит. *nozze d'oro*, *nozze d'argento* — исп. *bodas de oro*, *bodas de plata* — рум. *nuntă de aur*, *nuntă de argint*. Шведский язык из-за высокой продуктивности словосложения, особенно в области существительного, часто представлен однословными соответствиями (полные структурные расхождения): *guldbröllop*, *silverbröllop*.

В английском языке именная предложная конструкция (существительное + предлог *of* + существительное), соответствующую

шая аналогичным конструкциям в романских языках, имеет широкое распространение, что часто в этих случаях обуславливает структурно-грамматический параллелизм, составляя расхождения лишь с сильно флектирующими языками. Подобная модель наблюдается и в шведском языке. Зависимый член конструкции передает различные признаки, свойства, особенности, атрибутивные и некоторые другие отношения. Например: рус. „золотое сердце“ — англ. a heart of gold — нем. ein goldenes Herz — швед. ett hjärta av guld — фр. un coeur d'or — ит. cuor d'oro — исп. corazón de oro — рум. inimă de aur. Ср. также: англ. a man of the world — фр. homme du monde — ит. uomo di mondo — исп. hombre de mundo; англ. a man of science — исп. hombre de ciencia и мн. др. Соответствиями шведского и немецкого языков в этих случаях часто оказываются либо сложное слово (ср. нем. Weltmann — швед. världsmann с приведенными ИИ), либо именная беспредложная конструкция с определением в препозиции: рус. „золотое дно“ — болг. „златно дъно“ — серб.-хорв. „златни рудник“ — чеш. zlaté dno, zlatý důl — англ. gold mine (тж. gold-mine) — нем. ein goldener Boden — швед. guldgruva — фр. mine d'or — ит. miniera d'oro — исп. mina de oro — рум. mină de aur; рус. „золотая лихорадка“, „золотая середина“ — болг. „златна треска“, „златна среда“ и т. д. — нем. Goldfieber, die goldene Mitte — швед. gulfieber, den gyllene medelvägen — ит. febbre dell'oro и т. д. Английские соответствия в форме сложных слов в рядах ИИ встречаются значительно реже. Ср., например, подобную форму в предыдущем ряду параллелей.

Именным конструкциям романских языков с постпозитивным предложным определением, выраженным существительным, нередко соответствуют близкие именные генетивные конструкции славянских языков. Типология генетива (ср. наличие или отсутствие предлога) неодинакова у ФЕ славянских языков: рус. „господин (хозяин или человек) (своего) слова (своему слову)“ — болг. „човек на думата“ — серб.-хорв. „човек од речи“ — фр. homme de parole — ит. uomo di parola — исп. hombre de palabra — рум. stăpîn pe cuvîntul său.

Сопоставительный анализ показывает, что часто высокой степенью типологического сходства синтаксических отношений характеризуются ФЕ близкородственных языков. Ср., например, французскую, итальянскую и испанскую ФП с таковыми русского, болгарского и немецкого языков: рус. „делать из мухи слона“ — болг. „от мухата прави слон“ — нем. aus einer (или aus jeder) Mücke einen Elefanten machen — фр. faire d'une mouche un éléphant — ит. fare d'una mosca un elefante — исп. hacer de una pulga un elefante. Однако, как известно, языковое родство далеко не во всех случаях сопровождается близким типологическим сходством, и генетическое тождество чаще всего не означает сколько-нибудь полного структурного, функционального или

какого-либо другого совпадения. ФЕ близкородственных языков могут не обнаруживать типологической близости многих синтаксических моделей. Некоторые конструкции вообще отсутствуют в одном или нескольких близкородственных языках⁴⁸. Более того, большим структурным сходством по сравнению с ФЕ близкородственных языков могут быть отмечены ИИ, принадлежащие к языкам разных групп. Ср., например, с одной стороны французскую ФЕ с английской и немецкой параллелями, а также отдельно итальянскую ФЕ со шведским соответствием, а с другой — ИИ романских языков: англ. collect (или compose) one's thoughts — нем. seine Gedanken sammeln — швед. koncentrera tankarna — фр. recueillir (или rassembler ses idées) — ит. concentrare le idee — исп. concentrarse en sus pensamientos — рум. a-si aduna gîndurile.

Многие структурные расхождения, связанные с особенностями форм синтаксической связи в разных языках, имеют нерегулярный характер. Сложность выявления закономерностей расхождений усугубляется нередко многообразием и переплетением факторов (прежде всего дистрибутивного, семантического, стилистического), влияющих, например, на выбор предлога падежного управления в ряде языков. Так, с французским глаголом répondre в значении — ручаться — используется дополнение с предлогом de, которое выражает предмет, за который кто-либо ручается, а в официальном языке в этом случае встречается предлог pour⁴⁹. Сам же предмет, являющийся залогом, передается дополнением с sur: répondre de qch sur la (или sa) tête. Ср., формы синтаксической связи иноязычных ФЕ при отсутствии стилистической дифференциации: рус. „отвечать (или ручаться) головой за кого-л., что-л.“ — болг. „гарантирам с главата си (или със собствената си глава) за някого, нещо“ — чеш. ručit hlavou заc — нем. mit dem (или seinem) Kopf für j-n, etw. haften — исп. responder con la cabeza por alguien, algo.

Нередко замкнутость структуры ФЕ английского и французского, реже русского, болгарского и немецкого языков, проявляющаяся в отсутствии объектного управления в связи с установлением внутрифразеологических посессивных отношений, противопоставляется открытости структуры ФЕ других языков, дающей доступ не только для субъектной, но и объектной сочетаемости: рус. „подрезать (обрезать или подсекать) крылья кому-л.“ — болг. „отрязвам (режа, подрязвам или пречупвам) крилата на някого“ — серб.-хорв. „подрезати крила некое“ — чеш. přistříhnout křídla komu — англ. clip smb's wings — нем. j-m. die Flügel beschneiden (или stutzen) — швед. klippa vingarna på ngn — фр. couper (или rogner) les ailes à qn — ит. tarpare le ali a qd — исп. cortar las alas a alguien — рум. a tăia aripile cuiva.

Иногда наблюдается сосуществование замкнутой и открытой структур в виде вариантов ФЕ: рус. „под (самым) носом у кого-л.“ и т. д. — англ. *under the (или very) nose of smb* (тж. *under smb's* или *smb's very nose*); рус. „за спиной кого-л., чьей-л., у кого-л.“ — швед. *bakom ryggen på ngn* (тж. *bakom ngns rygg*) и т. п.

Наличие в разных языках специфичных грамматических моделей ФЕ, согласующихся с соответствующими нормами построения свободных словосочетаний, обуславливает определенные структурные расхождения. Вот лишь несколько примеров.

Типичными, например, для романских языков являются конструкции с приглагольными местоимениями и частями, которые в свободном употреблении могут выполнять функцию дополнения или обстоятельства, но которые во многих случаях, порывая связь со своими источниками и утрачивая свое первоначальное значение, фиксируются в составе устойчивых словосочетаний и не выделяются из них. В свободных словосочетаниях: фр. *il se rend à Paris, mois, j'en viens* (ср. *je viens de Paris*); фр. *il avait une règle, il en frappait la table* (ср. *il frappait de cette règle la table*); ит. *lui fa il suo lavoro (lo fa bene)* — фр. *il fait ce travail (il le fait bien)*. В устойчивых словосочетаниях: фр. *le disputer à qn*; фр. *en vouloir à qn* — ит. *averla, avercela con qd* и т. п. Ср. синтаксическую модель французской ФЕ со структурой иноязычных параллелей: англ. *go (или run) to extremes* (тж. *run to an extreme*) — нем. *bis zum Äußersten gehen* — фр. *en venir à des extrémités* — ит. *toccare l'estremo* — исп. *llegar a los extremos* — рум. *a ajunge la extrema*.

Характерные для итальянского, испанского и особенно французского языка каузативные конструкции типа „каузативный глагол + инфинитив“ (фр. *faire pleurer* — исп. *hacer llorar*, ит. *far vedere* и т. п.) также контрастируют в рядах ФП; чеш. *vtlouci do hlavy* — фр. *faire entrer dans la tête*.

Специфичной для английского языка является объектная инфинитивная конструкция, в которой десемантизированные глаголы (*make, cause, get, have*) употребляются со сложным дополнением в каузативном значении (*make smb understand, cause smb to awake* и т. п.). Ср. английскую ФЕ в ряду: чеш. *srdce krvácí* — англ. *it makes the heart bleed* — швед. *hjärtat blöder* — фр. *le coeur saigne* — ит. *il cuore sanguina* — исп. *el corazón sangra* — рум. *inima sîngereaza*.

Ср. также наличие ФЕ, организованных по моделям абсолютных конструкций, в одних языках и отсутствие таковых в других языках в следующих рядах ИИ: рус. „с (высоко) поднятой головой“ — болг. „с вдигната (или вирната) глава“ — фр. *la tête haute* (или *levée*) — ит. *a capo alto*; рус. „с пустыми руками“ — болг. „с празни ръце“ — серб.-хорв. „празних шака“ — чеш. *s holýma* (или *prázdnýma*) *rukama* — англ. *empty-handed* — нем. *mit leeren Händen* — швед. *med tomma händer* — фр. *les ma-*

ins vides — ит. a mani vuote — исп. con las manos vacías — рум. cu mînile goale; болг. „с ръка на сърцето“ — серб.-хорв. „руку на срце“ — чеш. ruku na srdce — англ. with one's hand upon one's heart — нем. Hand aufs Herz — швед. med handen på hjärtat — фр. la main sur son coeur — ит. colla man sul cuore — исп. con el corazón en la mano — рум. cu mîna pe inimă.

Э. М. Менчер и Е. А. Гутман заостряют внимание на вероятной связи между распространенностью причастной конструкции и аналитизмом языков, в частности французского и английского⁵⁰.

Распространенным случаем частичных структурных расхождений является наличие в составе ФЕ английского языка характерных для него притяжательных местоимений, приближающихся по значению к индивидуализирующему артиклю, при нередком отсутствии таковых у параллельных ФЕ других языков: рус. „задирать (драть или поднимать) нос“ — болг. „вирия (вирвам, вдигам и т. п.) нос“ — серб.-хорв. дићи нос — чеш. posít nos vysoko — англ. cock one's nose (уст. hold up one's nose) — нем. die Nase hoch tragen — фр. lever le nez и т. д. Однако указанная черта не является уникальной в пределах рассматриваемых языков и наблюдается также у иноязычных, особенно часто у французских параллелей: рус. „держат (свое) слово“ — болг. „удържам (на) думата си“ — серб.-хорв. „одржати реч“ — чеш. dodržet slovo — англ. keep one's word — нем. sein Wort halten — фр. tenir sa parole — ит. mantenere la parola — исп. cumplir su palabra. Часто в рассматриваемом случае в составе ФЕ английского языка наличествует прилагательное own, обусловленное предшествующим притяжательным местоимением или существительным в possessive case: рус. „по душе (или сердцу)“ — болг. „по сърце“ — англ. after one's (или one's own) heart (тж. after one's own soul) — нем. nach seinen Herzen — ит. secondo il cuore.

Регулярным структурным расхождением ИИ является несоответствие позиций определения. Ср. являющиеся нормой препозитивные прилагательные-определения в славянских и германских и постпозитивные в романских языках, выполняющие обычно функцию спецификации⁵¹: рус. „пустой (или тощий) кошелек“ — англ. lean (light, short или slender) purse — швед. mager (или tom) börs — фр. bourse plate — ит. borsa vuota (или asciutta) — рум. pungă goală. Однако возможны отступления от этого правила. Позиции определений могут совпадать. Обычно, если прилагательное-определение в романских языках характеризует предмет со стороны присущих ему наиболее общих свойств, то оно используется в препозиции⁵²: рус. „здравый смысл“ — болг. „здрав смисъл“ — серб.-хорв. „здрав смисао“ — чеш. zdravý rozum — англ. good sense — нем. der gesunde Menschenverstand — швед. sunt förnuft — фр. bon sens — ит. buon senso — исп. buen sentido

— рум. *bun simt*. В редких случаях в славянских языках определение оказывается в препозиции. Ср. сербскохорватскую ФЕ в ряду: рус. „путеводная звезда“ — серб.-хорв. „звезда водила“ — англ. *guiding star* и т. д.

В ряде случаев в ФЕ однотипных структур наблюдается несовпадение взаиморасположения компонентов: рус. „ни рыба ни мясо“ — серб.-хорв. „ни риба ни месо“ — англ. *neither fish nor flesh* — нем. *nicht Fisch nicht Fleisch* — фр. *ni chair ni poisson* — ит. *né carne né pesce* — исп. *ni carne ni pescado*⁸³; рус. „как кошка с собакой“ — болг. „като куче и котка“ — серб.-хорв. „као пас и мачка“ — чеш. *jako pes s kockou* — нем. *wie Hund und Katze* — швед. *som hund och katt* — фр. *comme (un) chien et (un) chat* — ит. *come cani e gatti* — исп. *como perros y gatos* — рум. *ca cînele cu pisca*.

Структурные различия могут быть вызваны несовпадением союзной связи: рус. „между небом и землей“ — болг. „между небето и земята“ — серб.-хорв. „ни на небу ни на земљи“ — чеш. *mezi nebem a zemí* — англ. *between heaven and earth* — нем. *zwischen Himmel und Erde* — фр. *entre ciel et terre* — ит. *né in cielo n'è in terra* — исп. *entre el cielo y la tierra* — рум. *între cer și pămînt*.

Особенности синтаксиса наиболее заметны в структуре ФЕ коммуникативного типа. Ср., например, русскую ФЕ, отражающую характерную черту синтаксиса данного языка — отсутствие глагола-связки в именном составном сказуемом, в следующем ряду ИИ: рус. „время — деньги“ — болг. „времето е пари (или времето е злато)“ — чеш. *čas jsou peníze* — англ. *time is money* — нем. *Zeit ist Geld* — фр. *le temps, c'est de l'argent* — ит. *il tempo è oro* (или *è denaro*) — исп. *el tiempo es oro*.

Часто наблюдается несовпадение типов выражения сказуемого в коммуникативных ИИ. Так, например, составному сказуемому ФЕ одного языка может соответствовать простое сказуемое иноязычного фразеологизма. Иногда расхождения или совпадения представлены вариантами: рус. „время — лучший лекарь“ — болг. „времето лекува (всички рани)“ — чеш. *čas je nejlepší lékař* — англ. *time cures all things* (тж. *time is the best healer*) — нем. *die Zeit heilt alle Wunden* — ит. *il tempo è un gran medico* — исп. *el tiempo es el mejor remedio*.

Несмотря на то что тенденция сказуемого находится ближе к подлежащему характерна для всех рассматриваемых языков, сравнительно большая свобода порядка слов в предложении славянских языков обуславливает более частую перестройку традиционных грамматических схем в коммуникативных ФЕ этих языков, например: рус. „одна ласточка весны не делает“ — болг. „една ластовица пролет ле прави“ — серб.-хорв. „једна лапта не чини пролећа“ — чеш. *jedna vlastovska jaro nedelá* —

англ. one swallow does not make a summer — нем. eine Schwalbe macht noch keinen Sommer — швед. en svala gör ingen sommar — фр. une hirondelle ne fait pas le printemps — ит. una rondine non fa primavera — рум. cu o rândunică nu se face primăvară.

Обобщенность содержания ФЕ коммуникативного типа достигается часто не только обобщением явлений, отношений действительности по линии семантических преобразований, но и грамматически⁵⁴. Однако грамматические формы и способы передачи обобщенности и отвлеченности могут не совпадать или иметь неодинаковую употребительность в разных языках⁵⁵, порождая тем самым частичные структурные расхождения. Так, одной из разновидностей обобщенно-личных предложений русского языка, в которых при образной передаче общих суждений посредством обобщения более конкретных исходных понятий отсутствует местоимение второго лица единственного числа, значение которого передается главным членом, в английском языке соответствует конструкция с подлежащим, обозначающим неопределенное лицо. Ср., например, проявление отмеченных черт у следующих ИИ: рус. „за двумя зайцами погонишься — и одного не поймаешь (или ни одного не поймаешь)“ — англ. if you run after two hares, you will catch neither. В итальянском языке более распространенной оказывается форма 3-го лица⁵⁶. Аналогичными итальянской ФЕ в этом отношении являются французская, испанская, румынская и немецкая ФП: ит. chi caccia due lepri non ne piglia nessuna — фр. qui court или qui chasse deux lièvres n'en prend aucun или n'en prend point — исп. el que dos liebres sigue, tal vez cace una — рум. cine aleargă după doi iepuri, nu prinde nici unul — нем. wer zwei Hasen zugleich jagt, fängt keinen.

В отдельных случаях наблюдается несовпадение времен, например: рус. „если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе“ — болг. „когато планината не отива при Мохамеда, Мохамед отива при планината“ — англ. if the mountain will not come to Mahomet, Mahomet must go to the mountain — нем. wenn der Berg nicht zum Propheten kommt, muß der Prophet zum Berge kommen — фр. puisque (или si) la montagne ne vient pas à nous, allons à la montagne (или il faut aller à elle).

Из-за высокой продуктивности словосложения в немецком, шведском, в меньшей степени в русском и английском языках, соответствиями многих ФП в этих языках выступают сложные слова (полные структурные расхождения). Идентификация интернационализмов с полными структурными расхождениями затруднена. Ср., например, следующие ряды: рус. „тяжеловес“ — англ. heavy weight — нем. Schwergewichtler — швед. tungviktare; рус. „целина“ — англ. virgin soil — нем. Neuland — фр. terre neuve (или vierge) — ит. terra vergine — исп. tierra virgen — рум. teren virgin; рус. „игра слов“ — болг. „игра на думи“ — серб.-хорв.

„игра речи“ — чеш. slovní hříčka — англ. a play on (или upon) words — нем. Wortspiel — швед. ordlek — фр. jeu de mots — ит. gioco di parole — исп. juego de palabras — рум. joc de cuvinte. В ряде случаев однословные соответствия ФП наблюдаются и в других языках. Ср., например, итальянский интернационализм в ряду: рус. „тщеславие“ — англ. vainglory — фр. vaine gloire — ит. vanagloria.

Обычно морфологические особенности вызывают менее значительные структурные расхождения, такие как, например, наличие или отсутствие в составе ФЕ артикля, являющегося принадлежностью определенных языков.

Нередко материально сходные и/или близкие по функции и семантике элементы родственных языков противопоставляются друг другу в структурно-типологическом отношении, сближаясь в этом плане с соотносительными элементами языков более отдаленного родства. Таковыми оказываются, объединяемые в структурном отношении, постпозитивные слитные артикли болгарского, румынского и шведского языков, не выделяемые как самостоятельные элементы структуры ФЕ в отличие от артиклей других романских и германских языков. Ср., например, структурные расхождения, связанные со слитностью или раздельностью артикля, а также его отсутствием у следующих ИИ: рус. „всасывать (или впитывать) с молоком (матери)“ — болг. „закърмен съм от майчиното мляко с нещо“ — чеш. vsát s materským mlékem — англ. suck in with one's mother's milk — нем. etw. mit der Muttermilch einsaugen (или aufnehmen) — швед. insupa ngt med modersmjölken — фр. sucer avec le lait — ит. succhiare col latte — исп. mamar en la leche — рум. a sugé cu laptele mamel.

Структурные расхождения могут ограничиваться расхождением вариантной части при наличии определенного инварианта данных ФЕ (вариантные структурные расхождения), что сообщает высокому качеству интернациональности переменный характер, например: рус. „пускать пыль в глаза кому-л.“ — англ. throw dust in the eyes of smb (или in smb's eyes) и т. п.

Чаще всего морфологические расхождения (вариантные или безвариантные) практически не снижают качество интернациональности и не мешают отождествлению ИИ. Ср., например, легкость отождествления следующих ИИ при наличии морфологической вариации форм субъективной оценки слов-компонентов, а также в случаях безвариантных расхождений форм числа: рус. „с (или от) головы до ног (или до пят)“ — болг. „от глава до пети (от главата до петите, от глава до крака или от главата до краката)“ — серб.-хорв. „од главе до пете“ — чеш. od hlavy (az) k patě — англ. from head to foot (тж. from head to heel или head to foot) — нем. von Kopf bis Fuß — швед. från huvud till fot — фр. de la tête aux pieds — ит. da capo a piedi — исп. de pies a cabeza — рум. din cap pîna în picioare; рус. „заблудшая овца (или овечка)“ — болг. „заблудена овца“ — чеш.

zbloudila ovečka — англ. lost sheep — нем. ein verirrtes Schaf — швед. vilsegånget lamm — фр. brebis égarée — ит. pecorella smarrita — исп. oveja descarriada — рум. oale rătăcite и т. п.

Итак, грамматические расхождения между ИИ наблюдаются как в сфере синтаксической организации, так и морфологии. Изученный материал показывает, что в области грамматики как области наиболее стабильных отношений, характеризующихся известным консерватизмом, расхождения ИИ носят более регулярный и необходимый характер, чем в лексике.

Наиболее многочисленными, а также сильно противодействующими развитию грамматического параллелизма оказываются расхождения, которые обусловлены: 1) несовпадением приемов, способов передачи синтаксических отношений или неодинаковой продуктивностью разных средств синтаксической связи в сопоставляемых языках; в этом случае чаще всего наблюдается противопоставление по линии синтетизма и аналитизма языков; 2) разными нормами построения свободных словосочетаний, обуславливающими специфичные или неодинаково продуктивные грамматические модели ФЕ в рассматриваемых языках; 3) несовпадением грамматических форм и способов передачи обобщенности, отвлеченности содержания определенных коммуникативных ФЕ; 4) особенностями построения предложения (прежде всего местом главных членов предложения), степенью свободы порядка слов в нем в случае коммуникативных ИИ; 5) большой ролью словосложения в некоторых языках, особенно в немецком и шведском.

Более частными оказываются случаи несовпадения: 1) союзной связи; 2) типов выражения сказуемого; 3) взаиморасположения компонентов ФЕ однотипных структур; 4) позиций прилагательных-определений и некоторые др.

Если в целом основные тенденции грамматических расхождений ИИ являются закономерными и группируются по генетическому или типологическому признаку, то многие частные расхождения как следствие отражения грамматической специфики конкретных языков, часто представляющей собой своеобразный синтез, складывающийся в результате переплетения разноязычных черт, не являются достоянием исключительно какой-либо группы близкородственных языков или языков, разделяемых по типу их структуры. Например, сближение слитного постпозитивного румынского артикля с болгарским (результат калькирования — действие балканского союза), а также со шведским (результат независимого развития) и невыделяемость артиклей как самостоятельных элементов в структуре ФЕ данных языков в отличие от артиклей английского, немецкого, французского, итальянского и испанского языков.

С точки зрения влияния грамматических расхождений на качество интернациональности рассматриваемых параллелей и

их отождествляемость наиболее существенными оказываются структурно-грамматические различия, связанные с особенностями синтаксиса данных языков. Однако некоторые морфологические особенности также могут вести к значительным структурным расхождениям. А такая особенность, как высокая продуктивность словосложения в немецком и шведском языках, часто порождает даже полные структурно-грамматические расхождения. В общей массе морфологические расхождения чаще всего практически не снижают качества интернациональности и не мешают идентификации ИИ.

Семантические расхождения

Наличие межъязыкового семантического инварианта, также как и лексического, является обязательным признаком ИИ. Если переход границ допустимых лексических расхождений переводит ИИ при наличии семантического инварианта в разряд потенциальных интернационализмов, то нарушение семантических границ, обозначенных минимальным семантическим совпадением при наличии лексического инварианта, отделяет ИИ от формальных. Переходы эти постепенны, и пограничные явления, занимающие промежуточное положение, могут быть отнесены к той или иной группе интернационализмов по признаку значимости или степени соотносительности данной характеристики в конкретном ряду ФП.

Большинство случаев частичных семантических расхождений наблюдается в тех фразеологических рядах, отдельные звенья которых представлены параллелями со сложной семантической (дисемантической и полисемантической) структурой. Многозначность — универсальное свойство фразеологии привлекаемых языков. В межъязыковом отношении проявление этого свойства имеет нерегулярный характер: многозначными оказываются, как правило, отдельные звенья, представленные разными языками в разных рядах ИИ.

Актуальные тесно связанные между собой вопросы фразеологической полисемии и омонимии неодинаково решаются специалистами даже в области отдельных наиболее изученных европейских языков. Определение позиций по данным вопросам приобретает особую значимость для семантико-сопоставительных штудий разносистемных языков, в частности для изучения семантики интернациональной фразеологии. Здесь мы остановимся преимущественно на тех вопросах многозначности и омонимии ФЕ, рассмотрение которых необходимо в связи с выявлением факторов, препятствующих развитию семантического параллелизма ИИ, и определением типов соотношения их семантических расхождений.

С самого начала чрезвычайно важно констатировать объективность фразеологической полисемии. Некоторые лингвисты, неоправданно отрицая фразеологическую полисемию, омертвля-

ют фразеологическое значение, сам фразеологизм, лишают его тех языковых свойств, которые являются общими для единиц языка безотносительно к их уровню⁵⁷. Если непризнание некоторыми лингвистами многозначности в сфере фразеологии в 50—60-х годах оправдывается недостаточностью уровня развития фразеологии и влиянием изменившегося общего подхода к данной проблеме в указанный период⁵⁸, то отрицание фразеологической полисемии на последующих этапах оказывается совершенно неправомерным⁵⁹. И хотя полисемия ФЕ имеет свои особенности по сравнению с полисемией слова, подобно закону многозначности слова, утверждаемому Р. А. Будаговым⁶⁰, фразеологическую многозначность также следует рассматривать как закономерное явление, как одно из наиболее общих, типологически универсальных свойств фразеологии вообще.

Имеющиеся в нашем распоряжении обширные материалы славянских, германских и романских языков подтверждают данные ряда исследователей, полученные на основе рассмотрения ФЕ лишь отдельных языков, об ограниченности потенциальных возможностей определенных разрядов фразеологизмов для развития многозначности, их неодинаковой семантической активности, связанных с особенностями функционирования (прежде всего с различием сочетательных способностей тех или иных разрядов ФЕ) и характером их семантики⁶¹.

Речевая реализация ФЕ, ее контекст как достоверный критерий, средство определения семантического объема и испытания смысловой структуры ФЕ подвергались исследованию лингвистами с количественной и качественной сторон, что вскрыло определенные факторы, с которыми связывается разграничение значений фразеологизмов. Следует подчеркнуть, однако, недостаточность изученности активной роли этих факторов в развитии семантики ФЕ. Особый интерес представляет рассмотрение их со стороны взаимодействия со значениями фразеологизмов, двусторонности связи.

Среди лингвистов не существует единой точки зрения по вопросу о путях развития фразеологической полисемии. Исследователи не только разных, но и одних и тех же языков представляют несовпадающие или частично совпадающие картины возникновения новых значений ФЕ⁶². Однако все же основными путями развития фразеологической многозначности большинством специалистов признается последовательное (вторичное) и/или параллельное переосмысление. Рассмотрим данный вопрос на материале полисемантических ИИ русского, болгарского, английского, немецкого и французского языков.

Нами отобраны ФП, составляющие не только полные ряды, но и отдельные пары всех возможных соотношений этих языков, а также всех возможных полисемантических отношений. Материалы показывают, что ИИ характеризуются неодинаковой активностью развития многозначности в рассматриваемых языках. Это проявляется по отдельным языкам не только в количе-

стве многозначных ФЕ, но и в неодинаковой склонности их к обширной полисемии. К фразеологизмам с обширной полисемией нами условно причисляются образования с числом значений больше трех. Такая многозначность более всего свойственна ИИ французского и английского языков. Далее в порядке снижения данной способности идут русский, болгарский и немецкий языки. Многие из многозначных ИИ имеют обоюдные частично совпадающие полисемантические связи чаще с одним или двумя, редко с четырьмя ИИ, что свидетельствует о наличии у одинаковых разрядов ФЕ разных языков общего типа смысловой структуры, характеризующейся тяготением к полисемии. Это одно из проявлений наиболее общих типологически сходных черт, способствующих семантическому параллелизму. Однако случаи полного совпадения межъязыковой полисемии единичны. Нами отмечаются лишь редкие случаи совпадения дисемии, например: англ. *here and there* = нем. *hier und da* — 1) в разных местах, повсюду; 2) иногда; болг. „втълпявам (вбивам, забивам или набивам) в главата си нещо“ = фр. *se mettre qch dans la (или en) tête* — 1) укрепляться в определенном мнении, убеждении и т. п., упорно придерживаться данной позиции; 2) запомнить крепко что-л.

Сопоставление сложных семантических структур ИИ вскрывает многообразие линий их семантического развития, ведущих к расхождениям их значимой стороны и представляющихся с межъязыковых позиций в определенной степени хаотичными. Материал показывает, что разнообразие и индивидуальность семантического результата, порождаемые развитием несовпадающей полисемии, в подавляющем большинстве случаев не выходят за пределы ассоциативной семантической связи, которая принимает форму логико-семантической выводимости отдельных значений из сложной семантической структуры ИИ. Указанная выводимость наблюдается как по линии последовательной семантической производности, характеризующейся семантической инерционностью, задаваемой соответствующими свойствами исходного значения ФЕ, так и по линии переменной семантической производности, характеризующейся нарушением очередности семантических преобразований, но основанной также на переосмыслении одного из значений данного фразеологизма с семантической структурой, состоящей более чем из двух значений. Вполне понятно, что переменные семантические сдвиги по сравнению с последовательными характеризуются меньшей семантической упорядоченностью. Ср., например:

Последовательная семантическая производность: фр. *donner bonne mesure* — 1) дать с походом (при продаже); 2) щедро награждать; отпускать щедрой мерой; 3) показывать, на что способен;

англ. *give good measure* — 1) отпускать (товар) с походом (о продавце); 2) воздавать полной мерой;

Переменная семантическая производность: фр. *monter à la tête* — 1) бить в нос (о запахе); 2) помутить разум; 3) оказывать опьяняющее действие (о спиртном);

англ. *go to one's head* — 1) целиком поглощать чье-л. внимание; 2) вскружить голову (похвалами); 3) оказывать опьяняющее действие (о спиртном).

Отсутствие постепенной преемственности, последовательности или этапности семантических трансформаций особенно часто наблюдается у ФЕ с обширной полисемией, например: фр. *à la queue* — 1) немедленно, сразу же за...; 2) по пятам, в погоне за кем-л.; 3) в конце (поезда и т. п.); 4) в последних рядах, на последнем месте; позади; 5) гуськом, друг за другом. ИИ русского, болгарского и английского языков являются однократными образованиями: рус. „в хвосте“ = болг. „на (или) в опашката съм“ — позади всех, отставать (в работе и т. п.); англ. *at the tail of* — следом, по пятам за кем-л.

Таким образом, исходя из характера деривации новых значений ФЕ, обладающих логико-семантической выводимостью, мы различаем две разновидности процесса образования фразеологической полисемии: последовательный и переменный семантический сдвиги. Логико-семантическая выводимость при этом свидетельствует о формировании полисемии при участии смысловой структуры ФЕ.

Признавая, что развитие многозначности ФЕ в конечном счете обусловлено окружением как проводником влияния извне, в котором функционируют фразеологизмы и свойства которого находят отражение в семантике ФЕ, вполне логично предположить, что такие свойства фразеологического значения, как относительно большая или меньшая степень абстрактности или конкретности могут формироваться в любой последовательности и на любом этапе развития полисемии ФЕ в результате ее приложимости к соответствующей категории предметов и явлений. Ведь „разграничение значений у фразеологизма в конечном итоге связано с разграничением понятий, с которыми они соотносятся...“⁶³ Происходит своеобразное „намагничивание“ фразеологизмов свойствами извне.

ИИ, сложная семантическая структура которых включает значение (редко значения), лишенное синхронически устанавливаемой логико-семантической связи, не поддающееся выводимости, составляют незначительное меньшинство из общего числа многозначных ИИ рассматриваемых языков. Как будто у ФЕ этой группы можно было бы предположить действие параллельного переосмысления, независимого от предшествующего семантического результата. Однако представляется, что дело обстоит не совсем так. Во-первых, не исключается, хотя и редкая, возможность потери семантического звена, являющегося дериватом несоотносительного значения, а во-вторых, — возможность автономной перестройки одного из значений данной полисемантической структуры, также ведущей к семантической разобщенности.

Мы не исключаем в отдельных случаях возможность параллельной метафоризации одного и того же исходного переменного словосочетания (особенно в случаях частой налагаемости), но лишь при взаимодействии процесса переосмысления новых подмеченных признаков, передаваемых исходным словосочетанием, с готовым семантическим результатом соответствующей ФЕ как в лингвистическом, так и психологическом планах, а не как прохождение стадии первичной фразеологизации.

Мы не согласны с В. П. Жуковым в том, что потеря внутренней формы способствует полисемии или что развитие многозначности сдерживается именно в кругу налагаемых ФЕ⁶⁴. Все представляется как раз наоборот. Фактический материал показывает, что так называемые библеизмы, мифологизмы и некоторые другие группы заимствований, внутренняя форма большинства которых не мотивируется с позиции синхронии, представляют собой во многих языках совпадающие моносемантические ФП. Что же касается выделяемой В. П. Жуковым категории апплицируемых ФЕ в связи с рассмотрением обусловленности специфики смысловой структуры фразеологизма его внутренней формой, то именно данные ФЕ, благодаря их переключаемости (способности перехода с фразеологического уровня на синтаксический и обратно) и высокой активности функционирования, становятся полисемантическими: ведь исходные переменные словосочетания в этом случае служат проводником дополнительных экстралингвистических, а следовательно, и семантических воздействий, благоприятствующих формированию фразеологической многозначности. Апплицируемость ФЕ может вызывать в сознании говорящего определенный образ и т. п., выводящий его за пределы данного переосмысления или удерживающий на границе между переносом и прямой номинацией, что благоприятствует возникновению новых ассоциаций, способных впоследствии в определенных схожих ситуациях при многократном повторении, закрепляться в сознании многих носителей данного языка.

Неожиданный семантический результат, связанный с индивидуальным переосмыслением вторичных признаков исходного образа, ситуации и т. п., передаваемых эквивалентным словосочетанием, нарушает семантическую согласованность данной ФЕ и оказывается уникальным в ряду ИИ. Ср., например, четвертое значение английской ФЕ в следующем ряду: англ. *see the light* — 1) родиться; 2) быть опубликованным; 3) прозреть, понять в чем дело; 4) обратиться (в какую-л. веру); фр. *voir la lumière* — 1) родиться; 2) жить, наслаждаться жизнью; 3) выйти из тюрьмы; рус. „увидеть свет“ — 1) родиться; 2) быть обнародованным, изданным, напечатанным; 3) почувствовать облегчение, избавившись от невзгод, страданий и т. п. Ср. также второе значение немецкой ФЕ в ряду: нем. *Mann Gottes* — 1) человек божий (о пророке Моисее; ирон. о священнике); 2) разг. фам. чудака; англ.

a man of God — 1) святой; 2) духовное лицо; фр. homme de Dieu — 1) священник; 2) набожный, благочестивый человек. Однако и в подобных случаях нет достаточных оснований говорить о полной независимости возникновения нового значения от предшествующего семантического результата. Следует предполагать формирование глубинных семантических связей, находящихся за пределами видимых или синхронически устанавливаемых или восстанавливаемых психологических ассоциаций и логических связей. Хотя и несомненно, что в таких случаях семантическое преобразование имеет более активное, самостоятельное начало и завершается становлением нового, относительно автономного значения.

Итак, нами утверждается обязательность участия предшествующего семантического результата (всего семантического целого или части его структуры) в развитии многозначности. Переосмысление переменных словосочетаний, материально тождественных ФЕ, невозможно в полном отрыве от семантики последних. Образование полисемии вследствие параллельного переосмысления происходит через призму уже существующего семантического результата под действием возникающих ассоциаций. Соотнесение свободного словосочетания с ФЕ того же лексического наполнения может произойти не сразу, а гораздо позже, в ходе длительного процесса переосмысления и запечатления его результата в сознании многих носителей языка.

ФЕ, семантическое развитие которых ведет к утрате смысловой связи как между значениями и образом фразеологизмов, так и между самими значениями, но не сопровождается изменениями формы, рассматриваются как переживающие переходную стадию развития между полисемией и омонимией⁶⁵. Ср. семантическую структуру французской ФЕ, второе значение которой не связано с первым и не мотивируется исходным образом: фр. enfermer (introduire или laisser entrer) le loup dans la bergerie — 1) букв. пускать волка в овчарню; (ср. рус. „пускать козла в огород“); 2) затягиваться раньше времени (о ране).

К фразеологизмам, занимающим промежуточное положение между омонимическими и полисемантическими ФЕ (но все же тяготеющим к последним), относим также обороты, имеющие логико-семантическую связь с исходным образом (значения которых в определенной степени мотивируются внутренней формой) при отсутствии прямой смысловой связи между самими значениями (связь между значениями опосредована образом). Например: фр. aboyer (или bayer) à la lune — 1) поднимать шум из-за пустяков; 2) зря стараться; 3) шлаться по ночам; ср. моносемантичность ИИ: болг. „лая на месечина“ — попусту говорить; англ. bark at (или bay) the moon — тратить время попусту; нем. den Mond anbellern — попусту сотрясать воздух (ругаться, сетовать на то, что все равно нельзя изменить);

англ. thunder and lightning — 1) резкое осуждение, громы и молнии; 2) ткань очень яркой окраски; ср. однозначные парал-

лели: рус. „метать громы и молнии (или громы-молнии)“ = болг. „гръм и мълнии (сипя и т. п.)“ — распекать кого-л.; говорить гневно, обличая или угрожая кому-л.

Переосмысление соотносительных сторон, признаков и т. п. данного образа или его части ведет к возникновению в большей или меньшей степени выраженной смысловой связи между значениями полисемантических ФЕ. Например: англ. *right and left* — 1) справа и слева; 2) во все стороны; отовсюду; 3) безжалостно, без разбора; 4) выстрел из обоих стволов; удар обеими руками; ср. ИИ: рус. „направо и налево“ — 1) прост. без разбору (прощать кого-л., помогать кому-л. и т. п.); 2) безрассудно, не считаясь ни с кем и ни с чем (тратить деньги и т. п.); болг. „наляво и надясно“ — 1) без разбора; 2) за милую душу; ср. также самостоятельную форму: болг. „харча (или пилея) пари наляво и надясно“ — безрассудно тратить деньги; фр. *à droite et à gauche* (тж. *à gauche et à droite*) — где попало, куда попало.

ФЕ, характеризующиеся преимущественными (но не полными) лексико-грамматическими совпадениями при абсолютном семантическом расхождении, объясняемом как первоначальной (исходной) предметно-понятийной разнонаправленностью образной основы (случайность совпадения форм), так и последующим переосмыслением несоотносительных сторон, признаков и т. п. данного образа или его элементов, а также разрывом смысловой связи между значениями, распадом полисемии, определяются нами как омонимичные⁶⁶. Ср. омонимические противопоставления болгарских и французских ФЕ: болг. „вдигам (или дигам) ръка (или ръце) от някого, нещо“ — 1) приходить в отчаяние от кого-л. чего-л.; 2) пускать на самотек — болг. „вдигам (или дигам) ръка срещу (против или на) някого, нещо“ — покушаться на кого-л., что-л.; фр. *lever la main sur qn* — замахиваться на кого-л. — фр. *lever la main* — присягать, клясться.

Нами не наблюдаются случаи совпадения межъязыковых омонимических противопоставлений. При наличии омонимических противопоставлений в одном или нескольких языках параллелизм наступает по линии изоморфической и формальной интернациональности. Ср., например, омонимию английских ФЕ в ряду: болг. „вземам (чист) въздух“ — дышать свежим воздухом; англ. *take the air* — 1) дышать свежим воздухом, прогуливаться; 2) ав. взлетать, отрываться от земли; 3) амер. сленг удирать, спастись бегством; 4) амер. сленг быть уволенным, выгнанным (с работы) — англ. *take air* — получать огласку, становиться известным; фр. *prendre l'air* (или *le frais*) — 1) дышать свежим воздухом, прогуливаться; 2) убежать.

Разработанные Л. И. Ройзензоном и А. М. Эмировой критерии разграничения фразеологической омонимии оказываются эффективными для внутриязыковых целей (внутриязыкового исследования данных явлений)⁶⁷. Изучение межъязыковых семантических отношений (расхождений) интернационализмов тре-

будет обязательного предварительного внутриязыкового разграничения рассматриваемых явлений с учетом равнозначной роли как содержательных, так и формальных критериев. Это помогает позднее сконцентрировать и обнажить факторы, с которыми связываются частичные семантические расхождения ИИ и полные семантические расхождения межъязыковых формальных параллелей (по нашей терминологии, „формальных интернационализмов“). Поэтому определяемый указанными лингвистами полисемантический статус ряда ФЕ во „Фразеологическом словаре русского языка“ под ред. А. И. Молоткова как ошибочный в первую очередь на основе разной образной структуры этих ФЕ, характеристики их первоначального образа, неодинаковой предметно-логической соотнесенности не признается таковым с наших позиций. ФЕ типа „в голос“, у которых выявляется противопоставление по линии внутренней формы, их образной и семантической соотнесенности с денотатом⁶⁸ при полном совпадении лексического состава и грамматической структуры, определяются нами как промежуточные образования, приближающиеся скорее к полисемантическим, чем к омонимическим ФЕ.

Более сложными с точки зрения осуществления рассматриваемого разграничения оказываются случаи, представленные ФЕ типа „пускать (красного) петуха“, „пускать (красного) петуха“ (кому-л.), „пускать (красного) петуха“ (на что-л., по чему-л.) — устраивать пожар, поджигать что-л.; „пускать (давать) петуха“ — издавать пискливые звуки, сорвавшись на высокой ноте во время пения, речи. Здесь при наличии расхождений в общем лексико-грамматическом потенциале возможно тождество форм употребления. Однако, учитывая указанные расхождения, подобные ФЕ определяются нами как омонимические⁶⁹. Параллельные межъязыковые омонимические противопоставления не наблюдаются. Ср. фразеологизмы болгарского, чешского, английского и немецкого языков: болг. „червен петел“ — пожар; чеш. *červený kohout* — пожар, *posadit červeného kohouta na strechu* — поджигать дом; англ. *red cock* — пожар, *red cock will crow in his house* — ему пустят „красного петуха“; нем. *j-m den roten Hahn aufs Dach setzen* — поджигать чей-л. дом.

Частичные лексико-грамматические расхождения в отдельных случаях, вероятно, могут вызываться закреплением за определенными значениями вариантов полисемантических ФЕ. Ср., например, возможность передачи значений посредством дополнительных форм в следующих случаях: англ. *in form* — 1) в хорошем состоянии (тж. *in good form*); 2) по всем правилам этикета (тж. *in full* или *great form*); фр. *mettre son (или le) nez* — 1) заняться чем-л. (тж. *fourrer son nez*); 2) соваться в чьи-л. дела (тж. *fourrer son nez*); 3) появляться где-л.; заглядывать куда-л. и мн. др. Межъязыковой параллелизм данных явлений нами не отмечается.

Таким образом, мы отграничиваем внутриязыковую фразеологическую омонимию от полисемии на основе полного отличия плана содержания, сопровождаемого обязательными частичными грамматическими и/или лексическими (при сохранении внешней формы образной основы) расхождениями.

Принимаемое внутриязыковое разграничение полисемии и омонимии способствует системному анализу выделяемых в работе изоморфических (с частичными семантическими расхождениями) и формальных интернационализмов.

В заключении рассмотрения общих предпосылок семантических расхождений ИИ акцентируем внимание на характере механизма формирования фразеологической многозначности.

Раскрытие многообразия и особенностей путей образования полисемии конкретных ФЕ, как справедливо отмечает А. И. Молотков, подвластно лишь историческому изучению фразеологии⁷⁰.

В целом развитие полисемии происходит не прямолинейно, сопряжено с взаимодействием нарождающегося значения с готовым семантическим результатом. Имеет место не механическое присовокупление нового значения, а его приживление, приспособление, принимающие форму семантического взаимодействия, которое чаще всего ведет к определенной смысловой преемственности значений, логико-семантической выводимости: ведь отдельные значения сложной семантической структуры „взаимосвязаны и взаимообусловлены“⁷¹. В противном случае может иметь место семантическое отталкивание, в результате которого теряется часть семантики. Так, например, потеря значения произошла у русской фразеологической кальки „медный лоб“ (первоначально использовавшейся в значении — бесстыжий челолек) с французской ФЕ *front d'airain* — 1) крайнее бесстыдство; 2) непоколебимая твердость. В „Толковом словаре великорусского языка“ В. Даля дается: „Медный лоб, наглец, бесстыжий человек“. „Словарь церковнославянского и русского языка“, изданный вторым отделением Академии наук в 1847 г., также регистрирует указанное значение: „Медный лоб, бесстыжий человек“. Это же значение находим в „Опыте русской фразеологии“ (1903—1904) М. И. Михельсона: „Медный лоб (бесстыжий) — нахал...“ Данное значение подтверждается и „Малым толковым словарем“ (1913) П. Е. Стояна. Однако во „Фразеологическом словаре русского языка“ (1967) под ред. А. И. Молоткова находим следующее толкование: „Медный лоб. Бессмысленно-упрямый, ограниченный человек; тупица“. Ранее регистрируемое значение, оказываясь несоотносительным и неприспосабливаемым, отпадает. В данном случае семантическое столкновение завершается укоренением нового и элиминированием первоначального значения.

Несомненно, что своеобразная семантическая ассимиляция, происходящая при образовании многозначности, — сложный процесс, результат которого зависит от способности нового значения согласоваться с семантикой данной ФЕ (заполнить семантичес-

кий пробел, теснее сплотив смысловую структуру, продолжить или завершить линию семантического развития предшествующего этапа и т. п.). Этим в определенной степени объясняется сложность развития полисемии в целом и малочисленность многозначных ФЕ сравнительно с общим числом фразеологизмов рассматриваемых языков⁷².

* * *

Семантические расхождения многих ИИ раскрываются на фоне несовпадения определенных лексических и грамматических факторов, взаимодействующих с семантикой ФЕ. Для синхронического изучения данного вопроса наиболее существенным является рассмотрение указанных факторов в плане предопределения ими в той или иной степени несовпадений семантических структур. Материал показывает, что частичные семантические расхождения ИИ во многих случаях связаны с различием следующих характеристик.

Несовпадение грамматических структур и грамматической сочетаемости. Ср., например, дифференциацию значений по типу глагольного управления у русской ФЕ при отсутствии подобного явления у французской ФП: рус. „проливать кровь“ — 1) за кого-л., что-л. (погибать, умирать, защищая кого-л. или что-л.); 2) кого-л., чью-л. (убивать кого-л.); фр. *gerandre le sang* (убивать). Ср. также однозначность болгарского и английского ИИ: болг. „проливам кръвта (на някого)“ — англ. *shed the blood (of smb)* (убивать кого-л.).

Сложная семантическая структура как принадлежность одной ФЕ в данном языке может распределяться в другом языке между несколькими ФЕ, самостоятельность существования которых обеспечивается также теми или иными дополнительными лексическими и грамматическими признаками. Так, носителями отсутствующих значений в болгарском, английском и французском языках являются: болг. „проливам кръвта си“, „лея (или проливам) кръв“ — англ. *shed one's blood (for smth)* (тж. *seal smth with blood*) — фр. *verser son sang* наряду с *donner son sang* (pour).

Несовпадение характеристик переходности — непереходности. Ср., например, разграничение значений по данному признаку у русской ФЕ при отсутствии такового у французской ФП: рус. „в тени“ — 1) незаметным, незамеченным, невыделяющимся (быть, оставаться, держаться, стоять и т. п.); 2) без особого внимания, на втором плане (оставлять, держать и т. п. кого-л., что-л.); фр. *dans l'ombre* (*laisser, être* и т. п.) — незаметным, в неизвестности (оставаться, быть и т. п.).

И в этом случае межъязыковое семантическое сближение ФЕ отдельных языковых звеньев может достигаться по линии деления совмещенного семантического результата (сложной семантической структуры) ФЕ одного языка совокупностью

параллельных форм другого. При этом полное семантическое совпадение наблюдается не всегда. Ср., например, распределение сложной семантической структуры, сконцентрированной в ФЕ русского языка, по рассматриваемой характеристике между следующими болгарскими, английскими и немецкими ИИ: болг. „държа в сянка (някаго)“ — держать без внимания, на втором плане кого-л.; болг.; „стоя (или оставам) в сянка“ — 1) быть, оставаться незаметным, незамеченным; 2) оставаться не у дел (болгарская ФЕ с признаком непереходности отличается своеобразием семантического результата — наличием дисемии); англ. be in shade, live in the shadow = нем. im Schatten sein (или sehen) — быть, оставаться незаметным, незамеченным; англ. put smb (или smth) into the shade = нем. (j-n, etw.) in den Schatten stellen — делать, представлять что-л., кого-л. малозначительным, нежелательным; затмевать (частично совпадающее значение соотносительное с семантикой русского и болгарского ИИ лишь в определенном отношении).

Расхождение диапазона сочетаемости ФЕ по способности употребляться с лицом или не с лицом. Ср. совпадающую дисемию русского и болгарского ИИ, приложимых как к лицу, так и не к лицу, с однозначностью английского и французского ИИ, не сочетающихся с лицом: рус. „пускать корни“ (1,2) = болг. „пускам (или забивам) корен (или корени)“ (1,2) — 1) прочно, надолго обосновываться где-л.; обзаводиться хозяйством (сочетаемость с лицом); 2) приобретать особую силу, становиться постоянным, укореняться (о тех или иных явлениях, действиях, привычках и т. п.) (сочетаемость не с лицом); англ. strike (или take) root = фр. jeter (pousser или prendre) des racines (тж. prendre racine) — укореняться, прививаться (сочетаемость не с лицом).

Следует отметить, что совпадение рассматриваемого разграничения далеко не всегда идет параллельно с полным семантическим совпадением при любой комбинации совпадающего разграничения. Ср. значения английского и немецкого ИИ, сочетающихся с лицом: англ. put down new roots — обосноваться, вновь упрочить свое положение, сменив место; нем. Wurzeln schlagen (или fassen) — укреплять свое положение.

Несовпадение сочетаемости ФП с объектом действия по признаку разграничения одушевленности — неодушевленности. Ср., например, расхождение в семантике между русским фразеологизмом, ограниченным сочетаемостью с одушевленным объектом, и английским ИИ, способным соединяться как с одушевленными, так и с неодушевленными объектами: рус. „перегрызть горло (кому-л.)“ — в порыве ярости, злобы и т. д. жестоко расправиться с кем-л.; англ. cut the throat — 1) (of smb) перерезать горло кому-л.; погубить, уничтожить кого-л.; 2) (of smth) положить конец чему-л.; проваливать (проект и т. п.); разносить, разбивать (об аргументации).

Интересно отметить, что и в данном случае совпадение факторов, взаимодействующих с семантикой ФЕ, не обязательно сопровождается полным семантическим совпадением. Ср., например, расхождения в семантике между французской ФЕ, сочетающейся только с одушевленным дополнением, и вышеприведенным русским ИИ с той же сочетаемостной характеристикой: фр. *couper la gorge* (à qn) — 1) жестоко расправиться с кем-л.; 2) разорять кого-л.; причинять непоправимый вред кому-л. Данный пример показывает также, что рассматриваемое ограничение сочетательной способности реально уменьшает возможность семантического развития лишь в одном направлении.

Нередко несовпадающая дифференциация значений связывается с противопоставлением определенных характеристик. Ср., например, разграничение значений у английской ФЕ по признаку переходности — непереходности, а у русского ИИ — по принадлежности словесного окружения к категории лица — нелица, с чем в данном случае связано разграничение конкретности — отвлеченности значений: англ. *launch into eternity* — 1) отправлять кого-л. на тот свет; 2) отправляться на тот свет; рус. „отойти в вечность“ — 1) умирать; 2) исчезать навсегда, миновать. Ср. обусловленность семантического результата немецкого ИИ отсутствием приведенных противопоставлений: *in die Ewigkeit egehen* (или *abberufen werden*) — отойти в небытие, уснуть навеки.

В отдельных языках оппозиция тех или иных характеристик представлена самостоятельными ФЕ. Ср. в этом отношении болгарские ИИ с вышеприведенным русским фразеологизмом: „преселвам се във вечността“ — умирать; „отминавам във вечности“ — миновать, отходить в область предания или воспоминания.

Открытость грамматической структуры, доступ к соединению не только с субъектом, но и с объектом действия без ограничения по признаку одушевленности — неодушевленности способствует развитию семантики, увеличивает возможность возникновения полисемантических структур, отдельные значения которых стремятся к разобщенности. Это сдерживает интернационализацию ФЕ, обладающих известным набором сходных грамматических характеристик, т. е. располагающих значительными данными для их сближения. Ср. в этом отношении обусловленную сочетаемостной ограниченностью однозначность болгарского и английского ИИ с интернационализмами следующего ряда, отдельные звенья которого демонстрируют: 1) потенциальную возможность полисемии (русская, болгарская и особенно английская ФЕ), 2) полисемию (немецкая ФЕ), 3) тенденцию к семантической разобщенности, потери смысловой связи между отдельными значениями (французская ФЕ).

Болг. „обръщам гръб“ = англ. *turn one's* (или *the*) *back* — обращаться в бегство;

рус. „поворачивать спину к кому-л., чему-л.“ — проявлять пренебрежение, безразличие; переставать обращать внимание на кого-л., что-л.;

болг. „обръщам гръб на някого, нещо“ — отворачиваться от кого-л., чего-л., пренебрегать чем-л.;

англ. turn one's (или the) back upon smb (или smth) — отворачиваться от кого-л., покидать, бросать кого-л., что-л., отходить от кого-л., чего-л.; отказываться выполнять что-л.;

нем. j-in или einer Sache den Rücken kehren (bieten, wenden, zukehren, zuwenden или zeigen) — 1) проявлять к кому-л. пренебрежение, безразличие; 2) отворачиваться, отступать, отрекаться от чего-л.; выходить (из какого-л. объединения); 3) покидать что-л. (родину и т. п.).

фр. tourner le dos à qn, qch — 1) отказываться, отворачиваться от кого-л., чего-л., пренебрегать кем-л., чем-л.; 2) обращаться в бегство.

Как видно из приведенных примеров, наряду с указанной направленностью на семантическую разобщенность заметно стремление и к семантическому сближению, не в малой степени связанного с совпадением факторов, предопределяющих данное сближение. Ср. также проявление рассматриваемых тенденций на примере близкой дисемии русского, немецкого и болгарского ИИ, частичного семантического совпадения, представленного дисемией английского и обширной полисемией французского ИИ.

Семантическое сближение: рус. (1) „накладывать (или налагать) лапу (или руку) (на что-л.)“ = нем (1) die Hand legen (auf etw.) — болг. (1) „турям ръка (на или върху нещо)“ — присваивать, захватывать что-л., завладевать чем-л.;

рус. (2. на кого-л., что-л.) — подчинять целиком своему влиянию, своей власти; расправляться с кем-л., чем-л.;

нем. (2. auf j-n) — подчинять кого-л. своему влиянию; расправляться с кем-л.;

болг. (2. на някого, нещо) — расправляться с кем-л., чем-л.

Семантическая разобщенность: англ. (1) lay hands (или one's hands) on (или upon smth, smb) — захватывать, завладевать кем-л., чем-л.; присваивать, прибирать к рукам кого-л., что-л. (тж. put hand on, put hands on, put one's hand on или put one's hands on; уст. lay hand on);

англ. (2) — церк. рукополагать, посвящать в духовный сан;

фр. mettre la main sur или dessus qn, qch — 1) находить; 2) завладевать, брать, присваивать себе; 3) (тж. porter la main sur) ловить, хватать; задерживать, арестовывать; 4) подчинять кого-л. своему влиянию; завладевать чьим-л. умом; 5) бить кого-л., нападать на кого-л.

Подобного рода примеры свидетельствуют о том, что предопределяемость, предсказуемость линий полисемантического развития ИИ на основе общности исходных лексико-семантических, грамматических характеристик, проявления

универсальности межъязыковых синтагматических отношений в целом имеет наиболее общий характер.

Семантические расхождения обуславливаются также сочетаемостью многих ФП в разных языках с неодинаковыми словами-спутниками (в одних случаях обязательное, в других — типичное словесное окружение), являющимися минимальным окружением или средой, в которой происходит реализация, разграничение и выявление их значений. В одних случаях отдельные сопроводители, нередко входящие в несовпадающие в разных языках разряды, тематические группы и т. п., оказываются релевантными для выявления семантических расхождений, в других — требуется более широкое словесное окружение. Вначале приведем несколько примеров ИИ с минимальным окружением, достаточным для выявления сходств и различий семантики ИИ, их конкретных значений:

1) рус. (1) „в один голос“ = болг. „в един глас“ — все вместе, одновременно (отвечать, спрашивать, плакать и т. п.);

рус. (2) = англ. with one voice = фр. tout d'une voix — единогласно, единодушно (утверждать, одобрять и т. п.);

2) рус. (1) „с (или от) головы до ног (или до пят)“ = болг. (1) „от глава до пети (от главата до петите, от глава до крака или от главата до краката)“ = англ. from head to foot (тж. from head to heel или head to foot) = нем. von Kopf bis Fuß = фр. de pieds à la tête (тж. depuis les pieds jusqu'à la tête; de la tête aux pieds) — весь, целиком, полностью, совершенно (осмотреть, ненавидеть, увязнуть, погрязнуть, одет и т. п.);

рус. (2) = болг. (2) — во всем — в мыслях, в поступках и т. п. (быть кем-л., каким-л.);

3) рус. (1) „лицом к лицу“ = нем. (2) von Angesicht zu Angesicht — совершенно рядом, в непосредственной близости, очень близко (видеть);

рус. (2) = болг. „лице с (или срещу) лице“ = нем. (1) = фр. (1) face à face — непосредственно, вплотную (встречаться, сталкиваться и т. п.);

рус. (3) = англ. (1) face to face — по-настоящему, серьезно (соприкасаться с чем-л.);

англ. (2) = фр. (2) — лично, наедине (разговаривать и т. п.); нем. (3) — в лицо (знать).

Ср. также следующие ИИ, у которых противопоставление значений по признаку конкретности — абстрактности связано с принадлежностью словесного окружения к разным категориям понятий:

рус. (1) „стучаться в дверь (или двери) кого-л., чью-л.“ = болг. „хлопам (похлопвам, тропам, потропвам, чукам или почуквам) на вратата на някого (на нечия врата или по нечии врати)“ = нем. (1) an j-s Tür klopfen — обращаться с просьбой или за помощью к кому-л.;

рус. (2) = болг.: тропа (потропва, хлопа, похлопва, чука или почуква) на врата (или по вратите) нешто — неуклонно приближаться, надвигаться, наступать (о чем-л.);

нем. (2) — подбираться к кому-л.

Нередко узкое окружение ФЕ с относительно закрытой грамматической структурой (возможность иметь только субъектную или только объектную связь) и с ограниченной в этом плане сочетаемостью оказывается недостаточным для определения полноты их значений, а следовательно, и для установления семантических отношений интернационализмов. Ср., например, необходимость обращения к широкому словесному окружению для выявления полного семантического объема следующих ФП, характеризующихся лишь субъектными связями; рус. (1) „сводить концы с концами“ = болг. „едва (или едвам) свързвам (или скърпвам) двата края“ = англ. *make (both или two) ends meet* = фр. *joindre (или pouer) les deux bouts* — с трудом справляться с материальными нуждами, финансовыми трудностями.

Рус. Имение-то у него заложено-перезаложено — как ему свести концы с концами? (Гладков, Повесть о детстве). Болг. И без това сега му свързваме едвам двата края, но мене ли оттука железницата, спре ли се и кията ни, загубени сме съвсем! (Кр. Велков, Село Борово). Англ. *Worldly wealth he cared not for, desiring only to make both ends meet* (The Oxford English Dictionary).

Фр. *Après de brèves éclaircies, le regard de Marie-Louise s'assombrissait, exprimait la détresse de la femme condamnée à porter sa croix, à subir les vexations des entrepreneuses, à travailler du matin au soir sans jamais joindre les deux bouts.* (J. Fréville, Pain de brique).

Русская ФП, достигая большей степени отвлеченности, употребляется для обозначения преодоления не только финансовых, материальных затруднений, но также любого другого рода трудностей в работе, деле, насто связанных со сложностью согласования, соединения тех или иных сторон в единое целое:

Представители хунты никак не могут свести концы с концами в отношении статистики своих жертв (Советская Татария, № 40, 1974).

Уникальность выбора и приспособления семантически отвлеченного полуслужебного слова в качестве компонента ФЕ может определять и своеобразие ее значимой стороны, что прослеживается у целого ряда ИИ. Ср., например, полисемию французского фразеологизма, включающего в свой состав полуслужебное существительное *сoup* с отвлеченным значением, с семантикой интернациональных составных терминов русского и болгарского языков: рус. „солнечный удар“ = болг. „слънчев удар“ = фр. (2) *coup de soleil* — тяжелое болезненное состояние, возникающее под влиянием сильного перегревания головы прямыми солнечными лучами; воздействие солнечных лучей на человека, обуславливающее данное болезненное состояние; фр. — 1) солнечный луч, 3) разг. красное, пылающее лицо, 4) разг. легкое опьянение.

Расхождения в семантическом объеме отдельных соотносительных слов-компонентов ИИ. В некоторых случаях частичные семантические расхождения ИИ связаны с несовпадением семантики их слов-компонентов⁷³. Ср., например, прямую зависимость полисемии ИИ французского и немецкого языков от многозначности входящих в их состав соответствующих слов-компонентов в следующих случаях: англ. *be in the vein (for)* — быть в настроении (что-л. делать) — фр. *être en veine* — 1) быть в ударе, в настроении; 2) иметь удачу, успех (*veine* — разг. счастье, удача); рус. „подавать голос“ — 1) произносить что-л., обнаруживая тем самым свое присутствие, 2) давать о себе знать — фр. *donner de la voix* — 1) лаять (*voix* — крик птиц, животных), 2) произносить вслух что-л., обнаруживая свое присутствие; англ. *bear (have или take) part in smth* — участвовать в чем-л. — нем. *Anteil nehmen (an etw.)* — 1) участвовать в чем-л., 2) интересоваться чем-л., проявлять интерес к чему-л., 3) (*an etw., j-m*) принимать участие (в чьей-л. судьбе), проявлять сочувствие к кому-л. (*Anteil* — участие; сочувствие).

Разновидность семантической структуры ФЕ с точки зрения типа переноса, лежащего в ее основе, а также комбинаций разных способов переноса, может быть связана с определенным соотношением лексического наполнения и грамматической характеристики данной ФЕ. Ср., например, предопределенность близкого метонимического переноса у английского и французского ИИ наличием в их составе соматического компонента и принадлежностью данных интернационализмов к разряду именных ФЕ: англ. *a big heart* — 1) великодушный, благородный человек; человек большой души; 2) великодушие, благородство; фр. *grand coeur* — 1) великодушие; 2) великодушный человек; 3) сердечность. Русский соотносительный фразеологизм дает качественную характеристику лицу со стороны его внутренних, душевных чувств, моральных качеств, также согласуясь с его лексико-грамматическими возможностями: рус. „большое сердце“ (у кого-л., в ком-л.) — кто-либо способен горячо и сильно чувствовать, быть отзывчивым, добрым.

Включенность национального в интернациональную основу. В ряде случаев частичные семантические расхождения наступают вследствие отражения национального в семантике ФЕ, совмещаемого с интернациональной основой. Включенностью в интернациональную основу сугубо национального характеризуется, например, английский ИИ в ряду: рус. „пуп земли“ — болг. „пъп на земята“ — англ. (1) *the hub of the universe* — нем. *der Nabel der Welt* — ит. *l'ombelico del mondo* и т. д. — центр, средоточие самого важного; амер. (2) — г. Бостон.

В некоторых случаях наблюдается закрепление индивидуально переосмысленных вторичных признаков исходных фактов в одном языке при отсутствии аналогичного явления в другом и как следствие — частичные семантические расхождения, различия в типе семантической структуры. Переосмысление пер-

вичных (основных) признаков данных фактов совпадает. Ср., например, дисемию сербскохорватской ФЕ в ряду моносемантических ИИ: рус. „денно и ночью“ — болг. „ден и нощ“ — серб.-хорв. (1) „дан и ноћ“ — англ. day and night — нем. Tag und Nacht — фр. jour et nuit — все время, постоянно; круглые сутки; серб.-хорв. (2) — бот. аютины глазки.

Различие границ между специальным и общеупотребительным и не одинаковая выраженность этих границ в разных языках может в определенной степени обуславливать специфику семантической структуры. Так, меньшая разобщенность сфер специально-терминологического и общеупотребительного и большая легкость переосмысления терминологического значения во французском и английском языках по сравнению, например, с русским и болгарским объясняет наличие в первых двух языках большего числа ФЕ со смысловой структурой, включающей терминологические и переносные значения. Во французском и английском языках частыми являются случаи становления терминологического значения на базе существующей семантической структуры. Ср. частичные семантические расхождения в следующих случаях:

фр. à ciel ouvert — 1) на свежем воздухе, вне помещения; без крыши над головой; 2) горн. открытым способом; 3) открыто, на глазах у всех; рус. „под открытым небом“ = болг. „под открыто небе“ = англ. under the open sky = нем. unter freiem Himmel — на свежем воздухе, вне помещения; без крыши над головой;

англ. shadow boxing (тж. shadow fighting) — 1) борьба с воображаемым противником (вид тренировки в боксе); 2) мнимая, фиктивная борьба; рус. „бой с тенью“ (только в терминологическом значении);

англ. rapping fire — 1) воен. частая одиночная стрельба, залпами; 2) град критических замечаний; рус. „беглый огонь“ (только в терминологическом значении);

англ. take the air — 1) прогуливаться, дышать свежим воздухом; 2) ав. взлетать, отрываться от земли; взмывать и др.; болг. „вземам (чист) въздух“ — разг. дышать свежим воздухом; фр. prendre l'air (или le frais) — 1) прогуливаться, дышать свежим воздухом; 2) удаляться; убежать.

Итак, проанализированный материал дает возможность сделать следующие общие выводы.

Расхождение полисемантических структур ИИ могут связываться с различиями основных путей развития их многозначности лишь в самом широком плане.

Частичные семантические расхождения ИИ (в случае несоответствия развития полисемии) с логико-семантической выводимостью или без таковой, характеризующихся как последовательной, так и переменной семантической производностью, в конечном итоге определяются неоднородностью окружения их функционирования, взаимодействие с которым ведет к особен-

ностям организации и перестройки смысловой структуры. Семантическое развитие может сопровождаться лексическими изменениями, изменениями дистрибуции, отражающими приспособление к данному окружению. Подобного рода преобразования, даже при наличии однородности окружения, также неодинаковы у ФП разных языков, что препятствует не только семантическому, но и лексико-грамматическому выравниванию. В высшей степени существенную роль в семантическом развитии ФЕ играет также исходный лексико-семантический и грамматический потенциал, изучение специфики которого проливает свет на многие семантические расхождения ИИ, раскрывает причины их обуславливающие.

Расхождения многозначных налагаемых ИИ отчасти связываются с привнесением в их семантику из эквивалентных словосочетаний индивидуально переосмысленной информации, утверждение которой в качестве самостоятельного значения проходит при взаимодействии с готовым семантическим результатом ФЕ. Отношения между семантикой ФЕ и нарождающимся значением материально тождественного свободного словосочетания могут быть сравнены с процессом семантического заимствования (калькирования), при котором окружение играет косвенную роль.

Выявленные случаи семантических расхождений и факторы их предопределяющие позволяют прогнозировать основные линии возможного индивидуального семантического развития ИИ, что важно для изучения перспективы формирования семантического параллелизма данной категории интернационализмов и для решения общих задач регулирования процессов фразеологической интернационализации.

Основными вариантами наборов признаков идентификации (единичных и совокупных сходств и расхождений) частичных ИИ являются следующие.

Признаки	Варианты								
	1	2	3	4	5	6	7	8	
Структура	ч	+	ч	+	+	ч	ч	—	+ полное сходство ч — частичное расхождение — полное расхождение
Значение	+	+	+	ч	ч	ч	ч	+	
Лексическое наполнение	ч	ч	+	ч	+	+	ч	+	

* * *

В завершении раздела кратко остановимся на некоторых случаях неполноты отражения значимой стороны ФЕ в двуязычных фразеологических словарях и связанных с этим трудностях сопоставительного анализа семантики ИИ.

Созданные за последние десятилетия двуязычные фразеологические словари⁷⁴, по праву получившие широкое признание и

обогатившие мировую лексикографию, оказывают неоценимую помощь в исследовании самых разных проблем современной, бурно развивающейся фразеологической науки. Большим подспорьем служат данные словари и в разработке вопросов фразеологической интернационализации. Вместе с тем изучение соотношений семантических (особенно полисемантических) структур ФП показывает, что не во всех случаях ориентация на словари дает возможность составить достаточно полную и объективную картину на этот счет.

Наиболее существенными препятствиями, стоящими на пути практики сопоставления семантики ФЕ рассматриваемой категории, оказываются следующие: отсутствие во многих случаях толкования значений ФЕ; неполнота информации о семантических отношениях, устанавливаемых между ФЕ данного языка и их иноязычными фразеологическими эквивалентами, посредством которых осуществляется перевод тех или иных искомых фразеологизмов; отсутствие достаточно убедительного разграничения обязательных слов-сопроводителей ФЕ или более широкого контекста, доказывающих реальность полисемии; а также (хотя и редкие) противоречия между значениями ФЕ, отмеченными в словарной статье, и их реализацией в иллюстративно-оправдательных цитатах. Рассмотрим кратко перечисленные моменты.

В „Болгарско-русском фразеологическом словаре“ (1974) ФЕ „вдигам (или дигам) ръка срещу, против или на някого, срещу, против или на нещо“ переводится русским фразеологическим эквивалентом „поднимать (или подымать) руку на кого-л., что-л.“ без учета его полисемии, разграничиваемой по характеристике конкретности — абстрактности объекта действия. Болгарская ФЕ, способная, согласно данному словарю, сочетаться как с одушевленными, так и неодушевленными существительными (потенциальная возможность дифференциации по указанным категориям!), представлена как моносемантическая, употребление которой, однако, демонстрируется лишь одним примером на ее сочетаемость с одушевленными существительными. В результате создается неясная картина о семантическом объеме болгарской ФЕ.

Многие фразеологизмы передаются имеющимися иноязычными соответствиями без толкования значений, что не только не проливает свет на семантические отношения двуязычных соответствий, но и не дает полного представления о значении искомого фразеологизма. Неопределенными по этой причине оказываются, например, значения следующих ФЕ, а также семантические отношения, в которые они вступают со своими иноязычными фразеологическими соответствиями: нем. *den Kopf verlieren* — рус. „(по)терять голову“ („Немецко-русский фразеологический словарь“, 1975); фр. *la dernière heure* — рус. „смертный (или последний) час“, фр. *à pleine voix* — рус. „во весь (или в полный) голос“ („Французско-русский фразеологи-

ческий словарь", 1963); болг. „хверлям сянка върху някого, нещо" — рус. „бросать тень на кого-л., что-л.", болг. „вися (или увисам) във въздуха" — рус. „висеть (или повисать) в воздухе" („Болгарско-русский фразеологический словарь", 1974) и мн. др.

В целом ряде случаев не регистрируется полисемия болгарских ФЕ, несмотря на наличие оправдательных цитат, свидетельствующих о ней. В результате затрудняется отождествление сложных семантических структур, случаи совпадения которых редки. Таковой является, например, специально неотмеченная в рассматриваемом „Болгарско-русском фразеологическом словаре" дисемия следующих болгарских ФЕ, близкая семантике русских ФП: болг. „от глава до пети" — рус. „с (или от) головы до ног (или до пят)", болг. „изхвърлям на улицата (или на пътя) (някого)" — рус. „выбрасывать (выкидывать или вышвыривать) на улицу (кого-л.)".

Иногда в словарях даются разграничения значений, проводимые на основании недостаточно убедительных противопоставлений выделяемых слов-сопроводителей, не дающих права проводить данные разграничения. Так, например, указанный „Немецко-русский фразеологический словарь" разграничивает два значения у ФЕ Wort für Wort (1. слово в слово — в сочетании с глаголом „повторять" и 2. дословно — в сочетании с глаголом „переводить"), не расшифровывая различия этих значений. Несомненно правильно поступают в этом случае создатели „Фразеологического словаря русского языка" (1967), „Англо-русского фразеологического словаря" (1967) и упомянутого „Французско-русского фразеологического словаря", рассматривая данные сопроводители соответствующих ФЕ как члены единого ряда, с которыми связывается одно значение: рус. „слово в слово" = англ. word for word = фр. mot à mot — точно, дословно (повторять, переводить и т. п.). Однако у приведенного французского фразеологизма „Французско-русский фразеологический словарь" необоснованно выделяет другое значение (пословно, слово за словом), связывая его с сочетаемостью рассматриваемой ФЕ с глаголами dicter, traduire, свободно вступающими с ней в связь в вышеуказанном значении и не выявляющими иной семантический результат.

Количество подобного рода примеров можно было бы легко увеличить, даже не затрагивая смешанные и спорные случаи, не говоря уже о случаях, связанных с пограничными явлениями.

Если отсутствие полноты информации о семантике ФЕ, имеющих иноязычные фразеологические соответствия, в некоторых из рассматриваемых словарей представляется в определенной степени естественным, учитывая отсутствие в период их составления фразеологического словаря сопоставляемого языка, то отмеченные недостатки „Болгарско-русского фразеологического словаря" (1974), создававшегося после выхода „Фразеологического словаря русского языка" (1967), оказываются досадными, их в значительной степени можно было бы из-

бежать. При этом здесь не имеются в виду случаи, связанные с неодинаковой трактовкой семантических категорий фразеологии или с расхождениями принципов составления словарей.

Одной из насущных задач при создании подобных двуязычных словарей должно явиться отражение в них семантических отношений, устанавливаемых между фразеологизмами исходного языка и их иноязычными фразеологическими соответствиями в случаях использования последних как способ перевода иско-
мых ФЕ.

Стилистические расхождения

Стилистические расхождения ИИ в отдельных случаях могут быть связаны с наличием в их составе слов-компонентов, принадлежащих в свободном употреблении к разным речевым сферам⁷⁵. Ср., например, стилистическую „пониженность“ французского фразеологизма, обусловленную наличием в его составе соответственно стилистически отмеченного компонента, с нейтральностью как внутриязыкового стилистического синонима, так и ФП русского и немецкого языков: фр. *grub. foutre par-dessus bord* (*foutre* — *груб.* швырять) — фр. *jeter par-dessus bord* (*jeter* — бросать) — рус. „выбрасывать за борт“ — нем. *über Bord werfen*.

Однако стилистическая согласованность между маркированностью или немаркированностью компонента и наличием соответствующего стилистического статуса ФЕ наблюдается далеко не всегда. Нередкими оказываются случаи противоречия, стилистической неоднородности, проявляющиеся в принадлежности ФЕ и входящих в их состав компонентов к разным стилям. Ср., например, ФЕ, компоненты которых в свободном употреблении являются стилистически нейтральными: фр. *homme de qualité* — 1) человек знатного рода, знатная особа, 2) аргю сутенер — англ. *a gentleman* (или *a man*) *of quality* — уст. человек знатного рода, знатный человек; фр. *argю serrer les cinq* (или *sardines*) — рус. аргю „пожать пять (или краба)“; фр. прост. *abîmer* (или *endommager le portrait à qn* — рус. аргю „испортить портрет кому-л.“

Компоненты не всегда определяют стилистическую направленность ФЕ. Последняя может складываться в процессе метафорического переосмысления исходных переменных словосочетаний⁷⁶. Существуют два основных типа стилистических отношений, подтверждающих независимость стилистического статуса многих ФЕ от стилистической принадлежности их слов-компонентов в свободном употреблении: 1) стилистическая маркированность компонента при нейтральности ФЕ и 2) нейтральность компонента при стилистической маркированности ФЕ.

Убедительными в этом отношении оказываются также ряды ФП с одинаковой или близкой стилистической характеристикой,

включающие в свой состав как маркированные, так и немаркированные компоненты. Ср., например, ряд, в котором русская ФЕ содержит стилистически „повышенный“ компонент „око“: рус. „в мгновение ока“ — серб.-хорв. „у трен ока“ — англ. *in the twinkling of an eye* — фр. *en un clin d'oeil* — ит. *in batter d'occhio* и др. Ср. также английский, французский и итальянский ИИ, включающие в свой состав стилистически „пониженные“ стержневые компоненты, с другими фразеологическими звеньями той же или близкой стилистической тональности, соотносительные компоненты которых в свободном употреблении являются стилистически нейтральными: рус. разг. „промочить горло (или глотку)“ — болг. разг. „квася (наквасвам, мокря или намокрям) си гърлото“ — серб.-хорв. разг. „поквасити грло“ — чеш. разг. *svlázit hrdlo* — англ. разг. *wet one's whistle* — нем. разг. фам. шутл. *sich die Kehle anfeuchten (schmieren или ölen)*, разг. шутл. *sich die Gurgel spülen* — швед. разг. *fukta strupen* — фр. разг. *se rincer la sifflet* — ит. разг. *rinfrescar il gorgozzule* — исп. разг. *remojar la garganta* — рум. разг. *a-si unge gîtul*.

Следующий ряд демонстрирует противоположное отношение: наличие стилистически дифференцированных ИИ с немаркированными компонентами: рус. прост. „давать (или поддавать) газу“ — болг. разг. „давам (или пускам) (пълен) газ“ — чеш. сленг *pridat plyn* — нем. разг. *Gas geben* — фр. апро *mettre du (или les) gaz* (тж. *donner les gaz*) — ит. прост. *aumentare gas* — исп. прост. *dar gas*. Различными по стилистической характеристике оказываются также отдельно ИИ: чеш. сленг *slápnout na plyn* — амер. разг. *step on the gas*.

Нередко развитие известного параллелизма ФЕ со словами-компонентами (семантическими стержнями) несоотносительными в свободном употреблении в их прямом значении, принадлежащими к разным лексико-семантическим и тематическим группам, сопровождается в силу указанной неоднородности возникновением стилистических расхождений, приобретением данными ФЕ неодинаковой стилистической тональности. Ср., например, французский фразеологизм *s'humecter le pipe-line* (арго) с вышеприводимым рядом ИИ. В одних случаях такие ФЕ тяготеют к ИИ, в других, будучи построены на разных образах, — к потенциальным интернационализмам, основанным на логико-семантическом сближении.

Формальные интернационализмы

Разряд неэквивалентных соответствий составляет формальную межъязыковую фразеологическую общность⁷⁷. Формальные интернационализмы (Форм. И) представляют собой группу качественно отличных образований по сравнению со всеми остальными, выделяемыми в работе типами интернационализмов. Особенности их положения в общем корпусе интернациональной

фразеологии обуславливается отсутствием семантического равенства. Их соотносительность проявляется лишь по линии параллелизма формы. Наряду с лексическим и структурно-грамматическим совпадением возможно частичное звуковое и графическое сходство. Однако последнее в силу своей нерегулярности, особенно в области неродственных языков, не является, как и в случае с ИИ, регулярным признаком определения Форм. И.

Форм. И не являются совершенно однородными образованиями⁷⁸. Неоднородность плана выражения проявляется не только в неодинаковой степени параллелизма лексического состава и грамматической структуры (хотя совпадение большинства ФИ данной группы ограничивается именно этим), но и в неодинаковости материального сходства. Учитывая в первую очередь степень параллелизма лексического состава и грамматической структуры, возможно выделение полных и частичных Форм. И.

Полные Форм. И. являют собой высшую степень параллелизма, иногда сопровождаемого частичным материальным сходством, например: нем. *goldene Worte* — напутственные слова, наставления, рус. „золотые слова“ — верное, справедливое высказывание; болг. „с лека ръка“ — 1) легко, с легкостью (делать что-л.); 2) без раздумья, бездумно (делать что-л.), рус. „с легкой руки“ (кого-л., чьей-л.) — по чьему-л. почину, примеру, послужившему началом ряда каких-л. действий, поступков.

Частичность формального параллелизма обуславливается в целом теми же причинами, которые вызывают расхождения ИИ⁷⁹.

Ср., например, лексические расхождения: швед. *sätta pås på värdet* — важничать, гордиться (букв. ставить нос по ветру), рус. „держ ать нос по ветру“ — применяться к обстоятельствам, беспринципно меняя свои убеждения, свое поведение.

Ср. также некоторые структурно-грамматические расхождения. Отражение особенностей синтаксиса соответствующих языков (расхождения в порядке слов-компонентов Форм. И): нем. *mit den Ohren schlackern* — растеряться; оторопеть, рус. „хлопать ушами“ — 1) слушать что-л., не понимать, о чем говорится; 2) ротозейничать; нем. *einen Punkt machen* — ставить точку, кончаться, англ. *make a point* — доказывать положение; англ. *have a good hand* — иметь преимущество; перевес, фр. *avoir la main bonne* — быть искусным в каком-л. ремесле.

Несовпадающее взаиморасположение компонентов Форм. И однотипных структур: рус. „ни много, ни мало“ — 1) ровно столько, сколько названо, указано; 2) как раз так, именно так (действовать, поступать и т. п.), фр. *ni peu ni trop* (букв. ни мало, ни много) — нисколько, никоим образом, никак.

Наличие специфических грамматических конструкций: фр. *la patte du chat* — что-л. внешне положительное, приятное и т. п., а в действительности проявляющее противоположную (отрицательную) сущность; англ. *cat's paw* — 1) послушное орудие в чьих-л. руках; 2) легкий ветер; рябь на воде и мн. др.

Нарушение предельных границ формального параллелизма, обозначенных возможностью отождествления, лишает ФЕ качества формальной интернациональности и, таким образом, переводит их в категорию неинтернациональных ФЕ. Возможны также промежуточные случаи. Ср. как частичные Форм. И со сходством до степени отождествления, так и Форм. И, занимающие пограничное положение или приближающиеся к категории неинтернациональных ФЕ: рус. „два сапога пара“ — похожи друг на друга, нем. *das sind zwei Paar (или zweierlei) Stiefel* — разг. фам. это две разные вещи; рус. „с глаза на глаз“ (видеться и т. п.) — наедине, англ. *see eye to eye (with smb)* — сходиться во взглядах (с кем-л.), быть полностью согласным (с кем-л.); рус. „висеть (или держаться) на волоске (или на ниточке)“ — оказываться в опасности, под угрозой гибели, фр. *être (или tomber) sur le poil* — набрасываться на кого-л.; серб.-хорв. „ставити црно на бело“ — излагать в письменной форме, ит. *mettere il nero sul bianco* — 1) писать (черным по белому); 2) выписывать (квитанцию и т. п.); рус. „задирать хвост“ — груб.-прост. — не считаться ни с кем и ни с чем, не обращать внимания ни на кого и ни на что, англ. *get (или keep) one's tail up* — быть в хорошем настроении; рус. „голова как решето“ — в состоянии забывчивости (ср. у В. Даля — У него совесть — дырявое решето. У него голова решето), фр. *percé comme un crible* — дырявый как решето, изрешеченный.

Наряду с частичными Форм. И, расхождения которых обуславливаются исключительно или не исключительно особенностями языковых систем, выделяются Форм. И, расхождения которых связаны с несовпадением наиболее общих характеристик (принадлежность к разным лексико-грамматическим разрядам, особенности синтагматических связей, несовпадение позиционно-грамматических отношений, проявляющееся прежде всего в противопоставлении открытости — закрытости структуры и некоторые др.) как следствие различий предметно-понятийного содержания ФЕ. Вот несколько примеров:

рус. „с улицы“ — случайный, совсем неизвестный (о человеке), англ. *the man in the street* — заурядный, рядовой человек, обыватель;

нем. *küss'die Hand!* — целую вашу ручку! (приветствие, обращенное к женщине), англ. *kiss one's hand to smb* — посылать воздушный поцелуй (кому-л.);

рус. „наступать на хвост“ (кому-л.) — 1) обижать, задевать кого-л.; 2) догонять кого-л., англ. *tread on one's own tail* — причинять вред себе, желая досадить другим;

англ. *be in pocket* — 1) иметь деньги; 2) быть в выигрыше; 3) оставаться (о деньгах); *etw. in der Tasche haben* — обеспечивать или гарантировать себе что-л.;

рус. „подмазывать колеса“ — устар. давать взятку кому-л., подкупать кого-л., фр. *se graisser les roues* — прост. выпивать.

В терминах теории и практики перевода обе разновидности частичных Форм. И могут быть определены по аналогии с межъязыковыми лексическими паронимами⁸⁰ как межъязыковые фразеологические паронимы.

Существуют следующие основные отношения типов семантической структуры Форм. И:

1) обоюдная моносемия:

рус. „утереть нос“ (кому-л.) — прост. показать свое превосходство в чем-л. перед кем-л., англ. wipe smb's nose (of) — уст. обманывать кого-л.; рус. „давать по шапке“ (кому-л.) — груб.-прост. выгонять откуда-л., увольнять с работы, нем. j-m eins auf die Mütze geben — разг. фам. давать нахлобучку кому-л.

2) моносемия — полисемия:

рус. „легко на руку“ — удачлив в начинаниях, фр. être léger à la main — 1) легко слушаться узды (о лошади); 2) хорошо, легко править лошастью (о всаднике); рус. „становиться на задние лапки перед кем-л.“ — начинать угодничать, прислуживаться, англ. get on one's hind legs — 1) упрямиться; приходить в негодование; 2) шутил. подниматься для произнесения речи;

3) обоюдная полисемия:

англ. give smb a chance — 1) давать кому-л. возможность; 2) отпускать, прощать на этот раз, фр. donner la chance — 1) бросать кости первым; 2) проявлять инициативу в чем-л.

Значительное большинство Форм. И — моносемантические образования, и отношение межъязыковой моносемии является наиболее распространенным. При наличии в ряду более двух Форм. И возможны смешанные отношения типов несовпадающих семантических структур.

Наблюдаются многочисленные ФЕ, характеризующиеся большей или меньшей степенью соотносительности смысловых структур и занимающие промежуточное положение между ИИ с частичными семантическими расхождениями и Форм. И⁸¹. В тех случаях, когда совпадает лишь меньшая часть полисемантической структуры, представляется более точным говорить о частичном семантическом сходстве.

В одних случаях соотносительность значений выявляется по тому или иному общему семантическому признаку при наличии понятийных различий, как, например, в паре: нем. mit vollen Segeln — вовсю, с полной отдачей сил, очень (готовиться к чему-л., хвалить кого-л. и т. п.), рус. „на всех парусах“ — 1) очень быстро, с большой скоростью (нести, мчаться и т. п.); 2) очень быстро (делать что-л.). Смысловые структуры данных ФЕ сближаются общим усилительным признаком степени.

В других случаях семантическое сближение достигается за счет существования понятийного инвариантного компонента. Ср., например, следующие ФЕ с понятийным инвариантом о негативном отношении к человеку: рус. „бросать камень в огород“ (чей-л.) — намекать на кого-л. в разговоре, в письме и т. п., отзываясь о нем неодобрительно, насмешливо, иронически, нем.

j-m einen Stein in den Garten werfen — причинять вред, делать пакость кому-л.

Наконец, некоторое семантическое сближение может определяться аппроксимативной соотносительностью линий переосмысления одинаковых сторон исходного образа. Ср., например, наличие точек семантического соприкосновения в следующих случаях: англ. *at the point of the sword* — насильственно; под угрозой насилия, фр. *à la pointe de épée* — с оружием в руках, в бою; рус. „старый волк“ — человек, испытавший многое в жизни и приобретший опыт, знания, фр. *vieux loup* — старый пройдоха.

Если, с одной стороны, развитие полисемии (особенно обширной) в целом порождает семантическую разобщенность ФП, то, с другой стороны, при отсутствии первоначального семантического инварианта формирование многозначности, прежде всего в результате переосмысления разных сторон исходного образа, раскрытия ранее незамеченных моментов, увеличивает потенциальную возможность семантического сближения, делает ее реальной. Ср., например, в этом отношении второе значение французской ФЕ в ряду: англ. *have a heavy hand* — отличаться суровостью, сурово наказывать, нем. *j-d hat eine schwere Hand* — сильно бить, обладать большой силой удара, фр. *avoir la main lourde* — 1) неловко делать что-л.; слишком много наливать, насыпать и т. п.; 2) сильно ударять; 3) быть строгим по отношению к подчиненным.

Изменения межъязыковых отношений вызываются не только расширением смысловой структуры, но и ее сужением. При этом семантический параллелизм, достигнутый на определенном этапе развития, может частично или полностью утрачиваться. Так случилось с семантическими отношениями между русской ФЕ „легкая рука“ и ее соответствиями ряда западноевропейских языков. В словаре В. Даля отмечается: „Легок на руку, у него рука легка, удачно делает операции, не больно дерется, либо счастлив на почин“. С сокращением семантического объема данной ФЕ изменился тип ее смысловой структуры. Произошел переход от полисемии к моносемии. Изменился и тип межъязыковых отношений. Совпадение и соотносительность плана содержания сменились полным расхождением семантических структур. Ср. следующие Форм. И: рус. „легкая рука“ (у кого-л.) — кто-л. отличается удачливостью в любом начинании, приносит успех какому-л. делу, предприятию и т. п., англ. *light hand* — 1) ловкость, сноровка; 2) деликатность, тактичность, нем. *j-d had eine leichte Hand* — кто-л. не больно бьет, фр. *avoir la main légère* — разг. 1) быстро и легко работать; 2) быть драчливым; 3) быть склонным к воровству, мошенничеству; 4) быть снисходительным к подчиненным.

Материал показывает, что тип формальной интернациональности складывается, как правило, лишь между отдельными звеньями выстраиваемых рядов ФП, которые в целом могут

передавать разные типы межъязыковых отношений. Ср. сосуществование Форм. И и ИИ в рядах: рус. „придавать крылья“ — болг. „придавам криле“ — фр. *donner les ailes* — исп. *dar alas* — вдохновлять, воодушевлять, окрылять, англ. *add (или lend) wings* — ускорять; рус. устар. „выезжать в свет“ — фр. *aller dans le monde* — посещать балы, вечера, собрания в светском обществе, англ. *go to the world* — уст. жениться; выходить замуж.

Иногда отношения формальной и изоморфической интернациональности возникают вследствие отождествления сосуществующих внутри данного языка омонимических ФЕ: рус. „открывать глаза“ (кому-л.) — чеш. *otvírat oči (komu)* — швед. *öppna ögonen (på ngn)* — фр. *ouvrir les yeux (à qn)* — ит. *aprire gli occhi (a qd)* — исп. *abrir los ojos (a alguien)* — рум. *a-i deschide ochii (cuiva)* — выводить кого-л. из заблуждения; помогать правильно понять истинное положение вещей; ср. с приведенными ФП следующие английские ФЕ: *make smb open his eyes* — удивлять кого-л., *open smb's eyes* — возвращать кому-л. зрение, *open smb's eyes to smth* — выводить кого-л. из заблуждения.

В некоторых случаях расширение ряда, включающего Форм. И и ИИ (полные и/или частичные), обуславливается существованием фразеологических синонимов внутри тех или иных языков.

В целом ряде случаев формальная интернационализация наступает при участии только определенных вариантов. При этом иногда участие разных вариантов может порождать разные Форм. И: англ. *hard (high, hot, sharp или warm) words* — гневные, резкие слова, резкости; разговор в повышенном тоне, крупный разговор, рус. „высокие слова“ (возвышенные по содержанию); рус. „теплые слова“ (ласковые, приветливые).

Расхождение плана содержания при параллелизме форм, т. е. возникновение Форм. И, может обуславливаться несовпадением как определенных лингвистических, так и экстралингвистических факторов, способных предопределять направление семантического развития ФЕ. С несовпадением некоторых лексических и грамматических характеристик могут связываться не только частичные семантические расхождения, установленные в сфере ИИ, но и полные семантические расхождения. Уникальный семантический результат наступает, например, в следующих случаях.

Разнотипность позиционно-грамматических связей. Особенно убедительными в этом отношении оказываются случаи сосуществования Форм. И и ИИ, проявляющие сходства и различия указанных признаков; фр. *couper le câble (avec...)* — окончательно порывать (с...), англ. сленг *cut (или slip) one's (или the) cable* — фр. *arguer son câble* — умереть. Итальянская параллель подверглась иному переосмыслению: *tagliar la corda* — убежать, исчезнуть.

Противопоставление по способности сочетаться с лицом или не с лицом: англ. *go on the boards* — становиться актером, актрисой, нем. *etw. geht über die Bretter* — что-л. идет на сцене.

Несовпадение слов-спутников, сопровождающих ФП в разных языках: англ. *on parole* — уст. (освобожденный) под честное слово (обыкн. употр. с глаголами *to release* и *to set free*), фр. *sur parole* — полагаясь на чьи-л. заверения, без подтверждения фактами (обыкн. употр. с глаголом *croire*).

Развитие семантики параллелей в направлении, подсказанном несовпадающим значением их соотносительных слов-компонентов: англ. *give the word* — говорить пароль (*word* — пароль), рус. „давать слово“ — 1) обещать что-л. („слово“ — обещание); 2) разрешать выступить с речью на собрании, заседании и т. п. („слово“ — публичное выступление, право на это выступление); рус. „иметь сердце“ — прост. сердиться, гневаться, таить злобу („сердце“ — „гнев, негодование, злость и злоба“ — В. Даль), фр. *avoir le coeur* — осмеливаться на что-л. (*coeur* — мужество, благородство).

Расхождения в ассоциативной связи между определенными значениями. Так, например, более частая и устойчивая ассоциативная связь между значениями „чистый“ и „пустой“ в словах *blanc* и *bianco* соответственно французского и итальянского языков по сравнению с таковой у соответствия русского языка „белый“ порождает Форм. И и ИИ с частичными семантическими расхождениями: рус. „белая ночь“ — ночь на севере, когда сумерки не переходят в темноту („белый“ в значении — светлый), фр. *nuit blanche* — бессонная ночь (*blanc* в значении — характеризующийся отсутствием чего-л.), ит. *notte bianca* — 1) бессонная ночь; 2) белая ночь (на севере) (*bianco* в вышеуказанных значениях). Попутно отметим, что отдельные звенья близкородственных языков могут характеризоваться меньшей степенью семантического сходства, чем ФП языков разных групп. Ср. в этом отношении сербскохорватскую ФЕ „беле ноћи“: 1) белые ночи (на севере); 2) ночи, проведенные без сна.

Другими примерами рассматриваемого случая могут служить следующие пары: рус. „белый как лебедь“ и „белый как снег“ в значении — очень белый, фр. *être blanc comme un cygne* — быть безупречным, незапятнанным, *être blanc comme neige* — быть, считаться совершенно невиновным наряду с равнозначными русским *blanc comme un cygne*, *blanc comme neige*.

Неодинаковая символика образа. Например, в русском, английском, французском и некоторых других языках образ „хлеба-соли“ используется как символ гостеприимства, а в немецком языке — как символ простой, здоровой пищи. Ср. значения следующих ФЕ: рус. „хлеб-соль“ — 1) угощение; 2) заботы, попечение, фр. *partager le pain et le sel de l'amitié* — 1) сажать за свой стол; разделять с кем-л. трапезу; 2) делиться тем, что имеешь, нем. *Salz und Brot* — простая, здоровая пища, англ.

eat smb's bread and salt — быть чьим-л. гостем. Последний фразеологизм не следует путать с другой английской ФЕ, имеющей иное символическое звучание: eat (или take) bread and salt — уст. торжественно давать клятву (производное от формы старинной клятвы by bread and salt! — уст. клянусь богом!).

Расхождения символики, передаваемой одинаковыми действиями человека. Наряду с существованием в разных языках большого числа параллельных так называемых фразеологических совмещений⁸², обусловленных наличием в различных национальных культурах совпадающих по форме и символике телодвижений, жестов, мимических выражений и т. п., наблюдаются и расхождения⁸³, связанные с неодинаковой символикой одних и тех же действий человека, с их несовпадающей сигнализацией даже в пределах одного, например, европейского культурного ареала. Ср.:

ит. allungare il collo — терпеливо ждать чего-л., нем. den Hals recken — тянуться (чтобы посмотреть на кого-л.), заглядывать с любопытством (куда-л., через что-л.); любопытствовать, интересоваться;

фр. les mains m'en tombent (от удивления), рус. „руки опускаются“ (у кого-л.) (с отчаяния);

рус. „гнуть (или ломать) спину (горб или хребет)“ — трудиться до изнеможения, изнурять себя тяжелой работой, фр. courber (plier, tendre или tordre) l'échine — смиряться, покоряться;

нем. sich j-m in die Arme werfen — легко проявлять готовность стать чьей-л. женой, любовницей, фр. se jeter (или se réfugier) dans les bras de qn — искать помощи, защиты у кого-л.

Иногда одинаковые или близкие фразеологические образы восходят к разным телодвижениям. Разноязычные ФЕ, исходные словосочетания которых называют разные телодвижения, характеризующиеся, однако, близкой соматической направленностью, могут достигать параллелизма плана выражения благодаря совпадающим в языках грамматическим моделям: англ. make a long pose (at smb) — показывать (длинный) нос кому-л. (дразнить), фр. faire un long nez — иметь унылый вид.

Следует отметить также, что отдельные языковые звенья могут располагать ФП рассматриваемого типа с полным или частичным совпадением плана содержания. Ср. следующие ФЕ, вступающие в отношение эквивалентности с некоторыми из вышеприведенных Форм. И: нем. seine Hände sinken lassen — падать духом, англ. throw oneself into the arms of smb (или into smb's arms) — искать защиты у кого-л., eine lange Nase machen — разг. фам. провести кого-л.; осрамить кого-л.; 2) дразнить кого-л.

Происхождение Форм. И, также как и интернационализмов других групп, может быть связано с самыми различными сферами материальной, культурной и социальной жизни народов. При этом формальный параллелизм возникает под действием как общих, так и разных стимулов. В большинстве случаев параллелизм фразеологической формы при полном семантическом

расхождении порождается действием одних и тех же исходных стимулов. Индивидуальное восприятие одинаковых или в определенной степени соотносительных фактов (один из путей, ведущих к становлению интернационализмов данной группы) находит специфическое отражение в семантике этих образований. Особенно показательными в этом отношении являются Форм. И с устанавливаемыми общими этимолого-генетическими и историко-этимологическими источниками. Ср., например, расхождение линий семантического развития ФЕ терминологического происхождения: англ. *shuffle the cards* — перен. подготовиться, начать действовать, нем. *die Karten gut mischen* — перен. ловко направлять ход событий, фр. *battre (или mêler) les cards* — перен. смешать все планы, запутать дело. Буквальный перевод данных ФЕ — тасовать, мешать карты.

В отдельных языковых звеньях подобных рядов может наблюдаться тенденция к семантическому сближению, порождаемая общностью исходного понятийного содержания и универсальностью законов мышления. Ср. совпадение болгарской ФЕ с вышеприводимым французским фразеологизмом и близкую им по значению шведскую ФЕ: болг. „разбърквам картите на някого“ — расстраивать чьи-л. планы, намерения и т. п., швед. *blanda bort korten för ngn* — сбивать с толку кого-л.

Разное фразеологическое переосмысление впоследствии или с самого начала могут получить одинаковые исторические факты. Ср., например, расхождения семантического результата ФЕ, образы которых восходят к средневековому обычаю жаловать золотыми шпорами молодых людей, отличившихся при посвящении в рыцари: англ. *win one's spurs* — отличиться, добиваться известности, признания и т. п., фр. *gagner les éperons* — блестяще оправдывать надежды.

И здесь семантическая разобщенность чередуется с тенденцией отдельных языковых звеньев к семантическому сближению. Ср. значения немецкой и шведской ФП с приведенной английской ФЕ: нем. *sich die Sporen verdienen* — заслуживать признание; иметь заслуги, швед. *sina sporrar* — добиваться славы.

Возможен и другой путь становления интернационализмов рассматриваемой группы — случайное развитие параллелизма форм различных ФЕ при полном расхождении их содержания, например: рус. „ставить на карту“ — подвергать риску, опасности что-л., обычно надеясь достичь, добиться чего-л., фр. *mettre en carte* — регистрировать (проститутку); рус. „матерный язык“ — непристойная мерзкая брань, англ. *the mother tongue* — родной язык.

Если при наличии общей понятийной основы разошедшихся в семантическом развитии Форм. И существует потенциальная возможность их семантического сближения, то в случае расхождения исходного понятийного содержания (что, например, наблюдается у вышеприведенных ФЕ) указанная возможность исключается.

Существование иноязычных ФЕ с одинаковым или близким лексическим составом и соотносительной грамматической организацией, но имеющих разные значения, иногда определяется внешним сходством обозначаемого. Ср., например: англ. black gold — нефть, нем. das schwarze Gold — уголь.

Итак, фактический материал показывает, что данная группа интернационализмов многочисленна и явление формальной фразеологической интернациональности может рассматриваться как фразеологическая универсалия. Возникновение в языках Форм. И преимущественно имеет закономерный характер и объясняется раздельным или совокупным действием определенных лингвистических и экстралингвистических факторов, главные разновидности которых устанавливаются в работе.

Между крайними полюсами изоморфических и формальных интернационализмов, с одной стороны, а также между формальными интернационализмами и неинтернациональными ФЕ, с другой, существуют многочисленные промежуточные типы, характеризующиеся соответственно определенными семантическими и формальными показателями переходной неоднородности.

О границах и соотношении категорий интернационального и национального в сфере фразеологии

§ 1. Категории интернационального и национального в сфере фразеологии можно рассматривать как диалектические противоположности, существующие в единстве. Единство интернационального и национального не есть простое механическое соединение во фразеологическом корпусе образований, наделенных теми или иными признаками или качествами. Это единство характеризуется способностью данных категорий взаимопроникать, переходить друг в друга. Интернациональное может приобретать качество национального, а последнее — становиться интернациональным.

Примером первого может служить сосуществование ФЕ, заимствованных в оригинале, и калькированных с них форм. Особенно это заметно в языках, по отношению к которым заимствования оказываются нетранслитерированными и которые первоначально функционируют только в иноязычной графической и звуковой оболочках. Вообще постепенная ассимиляция ФЕ, заимствованных в исконной форме, по законам языка заимствующего — яркое свидетельство сообщения интернациональному качеств национального.

Данный процесс (приобретение интернациональным статуса национального) имеет место также в случаях устаревания и полной утраты отдельных некогда интернациональных образований и распространяется на сохранившиеся звенья. Нами выявлены многочисленные случаи полного или частичного нарушения отношений интернациональности под действием указанного фактора. Ср., например, следующие архаизирующие

или вовсе вышедшие из употребления образования русского языка и приобретение в связи с этим статуса национального употребляющимися на современном этапе в соответствующих языках их ФП: нем. *von der Hand in den Mund leben* — швед. *leva ur hand i mun* — рус. „жить из кулака в рот“ (В. Даль); фр. *chausser le cothurne* — ит. *calzare il coturno* — рус. „подыматься на ходули“ (В. Даль); фр. *tenir l'étrier à qn* — рус. „держат кому стремя“ (В. Даль), „что самому воровать, что вору стремянки держать, все одно“ (В. Даль); фр. *n'avoir rien à mettre sous sa dent* — рус. „нечего на зуб положить, нечего есть“ (В. Даль); фр. *cravate de chanvre* — рус. „пеньковый галстук“ (ср. у В. Даля: „Надеть пеньковый галстук, ошейник, удавить, повесить“); фр. *entendre pousser l'herbe* (или *l'herbe pousser*) — рус. „слышно, как трава растет“ (В. Даль). Некоторые образования не стабилизировались в собственно ФЕ. Ср., например, следующие русские формы: „Богатый не сахар зоблет, убогий не камень гложет. Голодный откусил бы и камня“ (В. Даль) — фр. *manger des pierres*.

Регулярным примером противоположного явления может служить в целом процесс фразеологической миграции.

§ 2. В чистом виде ФИ не существуют. Категория интернационального имеет относительный характер: любое интернациональное фразеологическое образование включает в себе определенные признаки, качества национального, степень „примеси“ которых определяет степень качества интернационального. С другой стороны, в национальном в сфере фразеологии разных языков есть не только особенное, отличающее фразеологию данного языка, но и нечто общее, создающее предпосылки для рассматриваемых взаимодействий. В обоих случаях это проявляется в разных фразеологических планах — как по отдельности в каждом плане, так и в различных совокупных комбинациях. И хотя категория национального по сравнению с категорией интернационального в рассматриваемой сфере имеет значительно большую способность к абсолютизации (в межъязыковом плане наиболее интимная, национальная часть фразеологии на определенных участках функционирования практически проявляет себя в абсолютном качестве), в целом и здесь не может идти речи об ее абсолютном характере, хотя бы по той причине, что основные признаки, свойства, функции, присущие фразеологии разных языков, универсальны.

§ 3. Между разными типами выделяемых нами ФИ, а также между самим национальным и интернациональным в области фразеологии не существует непроходимых границ. Границы эти постепенны, а промежуточные типы многочисленны. С этой точки зрения в данных категориях следует выделять ядро (или ядерную область), характеризующееся устойчивостью положения и максимальной концентрацией однородных качеств, и перифе-

рию (или пограничную сласть), характеризующуюся сочетанием однородных и разнородных качеств, изменение соотношения которых может изменить статус данных образований, перевести их в ту или иную категорию.

Так, между потенциальными ФИ, характеризующимися соотносительностью лишь общих логико-образных и логико-фразеологических идей при несовпадении конкретных образов, и полными ИИ наблюдаются переходные типы. Ср., например, следующие случаи расхождения конкретных образов:

1) Полные расхождения в образности: рус. „всяк кулик свое болото хвалит“ — болг. „всеки мечкар своята мечка хвали“ — чеш. *každá liška svůj ocas chválí* — англ. *every cook praises his own broth* — нем. *Jeder Krämer lobt seine Ware*.

2) Раскрытие образа: англ. *April weather* — ит. *Aprile, quando si piange e si brille*.

3) Частичные расхождения в образности: серб.-хорв. „прати од комарца магарца“ — чеш. *delat z komára velblouda*; рус. „вставлять палки в колеса“ (кому-л.) — чеш. *házet klacky pod nohu (komu)* — англ. *put a spoke in smb's wheel*.

4) Минимальные расхождения в образности: англ. *sit between two stools* — нем. *zwischen zwei Stühlen sitzen*; нем. *Jeder Krämer lobt seine Ware* — исп. *cada buhonero alaba sus agüjas*.

§ 4. Та или иная степень интернациональности, определяемая с учетом сходств и различий формальных и семантических показателей сопоставляемых ФЕ, не обязательно сопровождается соответствующей степенью их функциональной активности. Так, в целом ФИ, характеризующиеся максимальной однородностью их внешней формы и полным семантическим совпадением, восходящие к общим, часто классическим источникам, составляют менее активно функционирующий пласт интернационального фразеологического фонда по сравнению с ФИ других групп, за исключением тех случаев, когда материальное тождество есть результат генетического родства языков. Не в малой степени это обуславливается тем обстоятельством, что межкузыковая материальная однородность проявляется как внутриязыковая неоднородность, особенно в языках с иной графической и звуковой системой. Ипоязычность внешней формы, малая доля в ней признаков национального, а тем более их практическое отсутствие, обеспечивает легкость отождествления таких ФИ и вместе с тем сообщает им заметную внутриязыковую инертность. Отметим, что высокая функциональная активность не всегда сопровождается исключительностью национальной формы, высшим проявлением которой в межкузыковом плане часто оказывается параллелизм в противоположность материальному тождеству. Так, высокой отождествляемостью и функциональной активностью характеризуются многие интернационализмы с информационным обязательным частичным материальным тождеством (национальность которого имеет

достаточно ярко выраженный относительный характер), а также многие образования, занимающие промежуточное положение между ними и интернационализмами с полным фонографическим сходством.

ГЛАВА III

НЕЗАВИСИМОЕ РАЗВИТИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА

Некоторые универсальные явления во фразеологии и возникновение межъязыкового фразеологического параллелизма

Фразеология представляет собой лингвистическую универсалию. В определенной степени универсальны и основные, присущие фразеологии свойства, категории, явления, процессы и т. д., предопределяющие становление межъязыковой фразеологической общности. Рассмотрим некоторые из них.

Независимое возникновение ФП в разных языках, характеризующихся полным или частичным совпадением как плана содержания, так и плана выражения — один из основных путей становления интернациональной фразеологии. Независимое формирование ФП основывается на одинаковом переосмыслении исходных свободных словосочетаний и детерминирована в значительной степени действием универсалий, которые в конечном итоге составляют две главные группы: лингвистические универсалии и универсалии человеческого существования.

Одинаковое переосмысление аналогичных переменных словосочетаний в разных языках наступает по линии отдельного или совокупного метафорического, метонимического переноса и образного сравнения.

Большинство ФП генетически базируется на метафоре: рус. „шаг за шагом“ — болг. „крачка по крачка“ — серб.-хорв. „корак по корак“ — чеш. *krok za krokem* — англ. *step by step* — нем. *Schritt für Schritt* — швед. *steg för steg* — фр. *pas à pas* — ит. *di passo in passo* — исп. *paso a paso* — рум. *pas cu pas*; рус. „плечом к плечу“ — болг. „рамо до рамо“ — серб.-хорв. „раме уз раме“ — англ. *shoulder to shoulder* — нем. *Schulter an Schulter* — швед. *skuldra vid skuldra* — исп. *hombro con hombro* — рум. *umar la umar*.

Значительную, хотя и менее многочисленную группу по сравнению с метафорическими ФП составляют образования, основанные на метонимическом сдвиге: рус.: „затянуть потуже

пояс* — болг. „затягам си пояса“ — чеш. *utahovat si řemen* — англ. *tighten one's belt* — нем. *Gürtel enger schnallen* — швед. *dra åt svängremmen hårdare* — фр. *tirer la courroie, se serrer la ceinture* — ит. *stringere la cinghia* — рум. *a strînge cureaua*. Ср. также ФП, характеризующиеся синекдохическим сдвигом как разностью метонимического переноса: рус. „из первых рук“ — болг. „от първа ръка“ — серб.-хорв. „из прве руке“ — чеш. *z první ruky* — англ. *at first hand* — нем. *aus erster Hand* — швед. *i första hand* — фр. *de (la) première main* — ит. *di prima mano* — исп. *de primera mano*.

В самостоятельный тип выделяются ФП, основанные на образном сравнении, уступающие в количественном отношении метонимическим и тем более метафорическим ФП: рус. „расти как грибы (после дождя)“ — болг. „никнат (или растат) като гъби (след дъжд)“ — серб.-хорв. „ницати као печурке после кише“ — чеш. *(rust) jako houby po dešti* — англ. *spring up like a mushroom (или like mushrooms)* — нем. *etw. schießt aus dem Boden (wie Pilze)* — швед. *växa som svampar ur marken (efter regn)* — фр. *pousser comme un champignon (или comme des champignons)* — ит. *nascere (или venir su) come i funghi (dopo la pioggia)* — исп. *crecer como los hongos* — рум. *a creste (или a răsări) ca ciupercile*.

Во многом универсальными оказываются эвфемистические замены, порождаемые разного рода табу. Многие эвфемизмы, имея одинаковую природу и направленность, служат действенным фактором развития параллелизма. Интернациональные эвфемистические замены касаются самых разных, но прежде всего наиболее частных, интимных сторон жизни человека: рус. „в интересном (в счастливом или в таком) положении“ — болг. „в положение“ — чеш. *v jiném stavu* — англ. *in a certain (delicate или interesting) condition* — нем. *in anderen (или gesegneten) Umständen sein* — швед. *vara i omständigheter* — фр. *dans un état intéressant (тж. dans une position или situation intéressante)* — ит. *in stato interessante* — исп. *en estado interesante* — рум. *a fi în pozitie*.

В целом тропы, являясь универсальными лингвостилистическими средствами фразеологизации, имеют важное значение для формирования ФЕ и играют большую роль в развитии фразеологического параллелизма.

Материал показывает, что основные типы переносов и связанные с ними расширение или сужение, абстрагирование или конкретизация значений и некоторые другие семантические явления в сфере фразеологии представляют собой универсалии¹ в пределах привлекаемых языков и наблюдаются у самых разнообразных в тематическом отношении групп ФП.

Универсализм основных форм семантических преобразований определяется общечеловеческим характером логико-мыслительных операций и типовых ассоциаций, связанных с выявлением различных видов сходств, отношений, функций, их замен, комбинаций и др., присущих или не присущих внеязыковой действительности, мыслимых как реальные или ирреальные. Это может обуславливать параллелизм ФЕ, основанных не только на реальном и логичном, но также на ирреальном и алогичном. Примером ФП, построенных на алогичной основе, могут служить: рус. „квadratura круга“ — болг. „квadrатурата на кръгa“ — серб.-хорв. „квadratura круга“ — чеш. kvadratura kruhu — англ. the quadrature (или squaring) of a circle — нем. Quadratur des Kreises (или des Zirkels) — швед. cirkelns kvadratur — фр. quadrature du cercle — ит. quadratura del circolo — исп. cuadratura de cirulo — рум. cvadratura cercului. Ср. следующие ФП, в основе которых заключен нереальный образ: рус. „продавать (свою) душу дьяволу“ — чеш. upsati (svou) dusi čertu — англ. sell oneself (или one's soul) to the devil — нем. seine Seele dem Teufel verschreiben (или verpfänden). Ср. также другой ряд ФП, основанных на воображаемой ситуации: рус. „читать между строк (или строчек)“ — болг. „чета между редовете“ — серб.-хорв. „читата између редова“ — чеш. číst mezi rádeky — англ. read between the lines — нем. zwischen den Zeilen lesen — швед. läsa mellan raderna — фр. lire entre les lignes — ит. leggere tra le righe — исп. leer entre renglones (или lineas) — рум. a citi printre rînduri.

Мы не считаем, как это делает, например, А. Г. Назарян а также многие другие лингвисты, что образные ФЕ, основанные на воображаемой ситуации, минуют стадию переосмысления свободных словосочетаний, не восходят к ним, образуются в языке „спонтанно“². Такое понимание возникновения рассматриваемых ФЕ представляется упрощенным. Ведь даже в тех случаях, когда в процессе коммуникации носители языка активно не обмениваются теми или иными сочетаниями слов, представляющимися алогизмами, информативно нереальными комплексами, их становление, стабилизация в целостные единицы, факты языка сопряжено с более или менее длительным функционированием, необходимым хотя бы для того, чтобы быть воспринятыми носителями языка. В противном случае логично предположить возможность их качественной переделки на уровне индивидуального мышления, в сознании отдельных представителей данного языкового коллектива с последующим введением их в практику речи. Однако, как известно, факт речи исторически предшествует языку, и поэтому подобного рода автоматический переход не возможен. „Пробное“ функционирование новообразования будет оставаться собственностью его создателя, не становясь принадлежностью языкового коллектива.

Нам представляется, что подобные ФЕ также генетически восходят к переменным словосочетаниям, которые передают либо реальные, происходящие в действительности, но необычные, парадоксальные, либо мыслимые как потенциально возможные отношения, события, ситуации и т. п. и которые способны в случае многократной повторяемости последних (отношений, событий, ситуаций и т. п.) обобщить то частное, что является характерным для большинства из них. Здесь речь может идти лишь о большей легкости и вероятности превращения подобных словосочетаний в ФЕ. Впоследствии в процессе семантического преобразования не исключается возможность частичного видоизменения словосочетаний (например, использование более ярких собирательных образов, чем те, которые послужили прототипами и др.), с чем может связываться иногда их переход в группу „реальных“ ФЕ.

Наряду с синхронически мотивированными ФП, возникшими как на базе реальных, логичных, так и воображаемых, нереальных, алогичных отношений, ситуаций, событий и т. п., имеются также ФП, утратившие внутреннюю форму. Они составляют незначительное меньшинство из общего числа независимо возникших параллелей. Примером ФП, внутренний образ которых не расшифровывается, могут служить следующие: рус. „высасывать из пальца“ — болг. „изсмуквам от (или из) пръстите си“ — серб.-хорв. „исисати из прстију“ — чеш. *vysucát si z prstu* — нем. *sich aus den Fingern suegen* — рум. *a suge din deget*.

Утрата мотивировки чаще всего наступает вследствие забвения факта, порождающего ФЕ, потери ассоциативной связи между семантикой ФЕ и образным представлением. Например: рус. „водить за нос“ кого-л. — серб.-хорв. „вући некога за нос“ — чеш. *vodit za nos koho* — нем. *j-n an der Nase herumführen* (или *herumziehen*) — швед. *dra ngn vid näsan* — рум. *a-l purta* (или *a-l duce*) *de nas pe cineva* — обманывать. Иное символическое звучание и осмысление исходного образа наблюдается в паре: болг. „водя за носа някого“ — англ. *lead smb by the nose* — командовать кем-л.; подчинять кого-л. Происхождение данных ФЕ связывается с практикой приручения и дрессировки некоторых животных. Например, быку, медведю и ряду других животных продевали кольцо в нос и, давая приманку, заставляли выполнять определенные трюки.

Ср. также: рус. „чертова дюжина“ — англ. *devil's dozen* — рум. *duzina* (или *numarul*) *dracului*. Данные ФП этимологически восходят к средневековому поверью о числе ведьм на шабаше. По суеверным представлениям — число тринадцать — несчастливое число.

В отдельных случаях утрата мотивировки может стимулировать дальнейшее индивидуальное развитие ФП в системах разных языков, обуславливая семантическую разобщенность, ослабление интернациональных отношений между отдельными звеньями фразеологических рядов.

Типологически универсальной является грамматическая десемантизация, в результате которой слова в грамматизированных конструкциях выступают в служебной и полуслужебной функции. Во многих языках подобной десемантизации подвергаются одинаковые слова, образуя тождественные или близкие выражения. Велика роль грамматической десемантизации в универсализации типологии фразообразования славянских, германских и романских языков. Продуктивность во фразообразовании таких выступающих в полуслужебной функции слов, как „делать“, „давать“, „брать“, „класть“, „иметь“ и др. известна всем славянским, германским и романским языкам. Ср., например: рус. *принимать (или брать) во внимание* — болг. *„вземам под (или във) внимание“* — чеш. *vzít v úvahu* — англ. *take into consideration* — швед. *ta i betraktande* — фр. *prendre en considération* — ит. *prendere in considerazione* — исп. *tomar en considerafión* — рум. *a lua în considerare*.

Те или иные проявления рассматриваемой десемантизации могут ограничиваться определенными языками. Так, например, тип словосочетаний с именем деятеля характеризуется широким параллелизмом в итальянском, испанском и особенно в английском и французском языках³: англ. *a man of letters* — фр. *homme de lettres* — ит. *uomo di lettere* — исп. *hombre de letras* и т. п. Часто в этих случаях в качестве иноязычного соответствия выступает однословное выражение понятия.

Частично расширение интернационального фразеологического фонда определяется универсальностью деривационных возможностей ФЕ, особенно коммуникативных. Наблюдаемый во многих случаях параллелизм фразеологической деривации, основанной на обособлении компонентов ФЕ, проявляется как в универсальности формы обособления, так и в совпадении семантического преобразования, во многом определяемого значением исходного фразеологизма. Например: рус. „молчание — золото“ (от „слово — серебро, молчание — золото“) — фр. *le silence est d'or* (от *la parole est d'argent* et или *mais le silence est d'or*) — ит. *il silenzio è d'oro* (от *la parola è d'argento*, *il silenzio è d'oro*) и т. д.; рус. „хвататься за соломинку“ (от „утопающий (и) за соломинку хватается“) — болг. „ловя се (улавям се или хващам се) за сламката“ от „давецият се (или удавникът) за сламката се лови (или се хваща)“ — чеш. *chytat se i stébľa* (от *tonoucí se i stébľa chytá*) — англ. *catch at a straw* (от *a drowning man catches at a straw*) — ит. *attaccarsi a un filo di paglia* (от *chi annega s'attacca a un fil di paglia*) и т. д.

Определенный универсализм в сфере фразеологии присущ как плану содержания, так и плану выражения (например, универсальность основных лексико-грамматических разрядов и семантических типов ФЕ, наличие целого ряда общих структурно-грамматических моделей, принципиальное сходство характера связей и отношений большинства ФЕ со словом в синтаг-

матическом ряду и мн. др.) и раскрывается при сопоставительном изучении фразеологических фактов в основных типах языковых отношений.

Частные фразеологические системы языков строятся на взаимосвязи единиц, располагающихся на синтагматической и парадигматической осях. Межосевые отношения носят характер взаимодействия и взаимообусловленности. В основе изучения лингвистической стороны фразеологической интернационализации в совокупности с факторами, способствующими и тормозящими ее развитие, лежит установление межъязыковых универсальных и специфических синтагматико-парадигматических явлений и отношений фразеологического параллелизма. Раскрытие общего и особенного в межъязыковых отношениях фразеологической парадигматики осуществляется через синтагматику, являющуюся средой выявления и испытания парадигматических фразеологических свойств вообще.

Мы согласны с А. М. Эмировой в том, что синтагматические отношения в сфере фразеологии следует рассматривать как в плане семантико-грамматической сочетаемости единиц неоднородного порядка (ФЕ и слово), так и в плане сочетаемости слов-компонентов ФЕ⁴.

Способность соотносительных элементов в разных языках одинаково сочетаться объясняется не только совпадением определенных языковых свойств, но и известной общностью внеязыкового порядка. Ср., например, ряд: рус. „вешать голову“ — болг. „кълмна глава“ — чеш. *svěsit hlavu* — англ. *hang (или hang down) one's head* — нем. *den Kopf hängen lassen* — швед. *hånga med huvudet* — фр. *baïsser la tête* — ит. *chinare il capo* — исп. *agachar la cabeza* — рум. *cu capul plecat (или lasat în jos)*. Здесь находят свое отражение как лингвистические универсалии (наличие в языках антитезы имени и глагола, способность глагола сочетаться с существительным), так и общечеловеческие (биологические, психофизиологические — наличие головы как части тела человека, специфическое движение головой, передающее определенное психическое состояние человека). В сущности вопрос о сочетаемости параллелизма в подобных случаях сливается с вопросом об этимолого-генетических корнях фразеологического параллелизма.

Характеристика соотносимых фразеологизмов как единиц языка наиболее полно раскрывается в речевом употреблении. Именно в реальной речи вскрываются связи и отношения, в которые вступают сопоставляемые ФЕ со словами. Эти связи и отношения не являются свободными. В качестве критериев определения сочетаемости фразеологизма в синтагматическом ряду признаются принадлежность ФЕ к определенному лексико-грамматическому разряду и значение самого фразеологизма. Если для выявления грамматической сочетаемости принадлежность ФЕ к данному лексико-грамматическому разряду дает

возможность, как правило, достаточно точно охарактеризовать фразеологизм в рассматриваемом отношении, то для определения лексико-фразеологической сочетаемости данная информация оказывается совершенно недостаточной. Что же касается роли значения ФЕ для определения ее сочетательных способностей, то и этот критерий оказывается чрезвычайно ограниченным. Некоторые общие закономерности семантической согласованности между ФЕ и словом не дают возможность в большинстве случаев точно прогнозировать круг валентных связей. Еще более сложными оказываются межъязыковые отношения сочетаемости, специфика которой обуславливает расхождения слов-сопроводителей некоторых звеньев фразеологических рядов. С различиями сочетательных свойств может быть связано отчасти и несовпадение границ (формы) ФП: то что для фразеологизма одного языка оказывается словом-сопроводителем (ограниченная или неограниченная сочетаемость ФЕ со словами), в ФЕ другого языка выступает на правах компонента. Это одна из распространенных разновидностей расхождений ФП. Ср., например: рус. „откуда ветер дует“ (пронюхивать, понимать, знать и мн. др.) — англ. *how (whence или where) the wind blows или lies*; тж. *which way the wind blows (know, find out, see и др.)* — нем. *wissen, woher der Wind weht* — фр. *observer (regarder или voir) de quel côté vient le vent (или le vent souffle)*; фр. *derniers honneurs (rendre и т. п.)* — нем. *j-m die letzte Ehre erweisen*

Диахронический анализ синтагматических связей вскрывает сложность и многообразие путей их формирования и развития. Из-за изменений сочетаемости ФЕ в процессе речевого употребления отношения интернациональности могут нарушаться, а отдельные интернациональные звенья и вовсе исчезать, что является одним из свидетельств отсутствия прямолинейности конвергентного развития фразеологии разных языков. Приведем пример. Во фразеологизмах современного русского языка „бросать (кидать, швырять или пускать) на ветер“ (слова, деньги), „говорить на ветер“ выделяется структурно-семантический стержень „на ветер“, который в настоящее время самостоятельной жизни не имеет. Между тем существование данного образования в качестве самостоятельной ФЕ (в значении — впустую, без пользы) с широкой сочетаемостью фиксируется в более ранние периоды „Словарем русского языка XI — XVII вв.“ Отмечается эта форма с разнообразными связями и в словаре В. Даля. В современном болгарском языке, согласно „Болгарско-русскому фразеологическому словарю“ (1974), используется ФЕ „на вятера“ с широким диапазоном сочетаемости в значении, совпадающим со значением вышедшего из употребления рассмотренного русского образования.

Связь между значением ФЕ и ее сочетательными свойствами является двусторонней. Значение ФЕ не только определяет в той или иной степени валентность, но и само зависит от сочетае-

мости, категории слов, вступающих в связь с ФЕ. Особенно это заметно в случаях с ИИ с частичными семантическими расхождениями и Форм. И. Так, следующие глагольные ФЕ, вступая в отношение управления с одушевленными и неодушевленными существительными, означают — быстро посмотреть на кого-л., что-л., не фиксируя взгляда: болг. „мятам поглед“ — чеш. *vrhnout pohled* — англ. *cast an eye (glance или look)* — нем. *einen Blick zuwerfen* — швед. *kasta blicken* — фр. *jeter un regard* — ит. *gettare uno sguardo* (или *un'occhiata*) — исп. *lanzar* (или *echar*) una ojeada — рум. а *arunca o privire* (или о *cautatura*). В этом же значении в сочетании с одушевленными и неодушевленными существительными используется русская ФЕ „бросать (или кидать) взгляд“. Однако, сочетаясь с некоторыми неодушевленными отвлеченными существительными (например, „воспоминание“, „прошлое“, „настоящее“), с которыми не вступают в связь приведенные ФП, она имеет также значение — кратко представлять, анализировать что-л. в своем воображении.

Часто особенности сочетаемости ФИ и связанные с этими особенностями частичные или полные семантические расхождения накладывают отпечаток на грамматическую структуру. Ср., например, семантическую предопределяемость внешними признаками — разнотипностью грамматической структуры: ит. *aver naso* — фр. *avoir bone nez* — перен. иметь хороший нюх; ит. *aver buon naso in* — знать толк, понимать, разбираться в чем-л.

Не только совпадения, о которых говорилось выше, но и многие расхождения в сочетаемости слов-компонентов ФЕ обуславливаются как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами, ибо в ФЕ закрепляется первоначально свободная лексическая валентность, которая „строго говоря не лингвистическая; она определяется объективной действительностью, условиями жизни общества и является поэтому очень изменчивой как территориально, так и во времени“⁵.

Специфика конкретного образа ФЕ чаще всего детерминруется лингвистически. Так, если „сочетаемостные свойства слова „зарождаются“ в акте номинации, отражая логико-предметные (или логико-понятийные) связи и отношения обозначаемых объектов“⁶, то широта сочетаемостного диапазона в конечном итоге объясняется внеязыковыми факторами, ведущими к возникновению вариантов, подобных вариантам следующих ФП: рус. „жить как король (царь и бог или барин)“ — англ. *live like a lord* (или *like a prince*) — ит. *stare come un papa* (*come un abate* или *come un re*) и т. д. Случаи несовпадения лексического варьирования ФП или установления отношения „вариантная — безвариантная ФЕ“, обусловленные указанными причинами, многочисленны. Наиболее экспликативными в этом плане являются частичные лексические расхождения ФП с семантически мотивированной сочетаемостью слов-компонентов, характеризующейся прозрачной экстралингвистической детерминированностью.

В работе выявлены лексические слои, наиболее обильные интернациональной фразеологией, в пределах которых существуют продуктивные в привлекаемых языках фразообразующие слова, часто оказывающиеся семантическими стержнями, на базе которых, как правило, группируются интернациональные фразеологические гнезда. Высоко продуктивной в рассматриваемом отношении является лексика, относящаяся к следующим темам.

Части тела человека: рус. „наострить (или насторожить) уши“ — болг. „наостря уши“ — серб.-хорв. „наћулити уши“ — чеш. *spicovat uši* — англ. *prick up one's ears* — нем. *die Ohren spitzen* — швед. *spetsa öronen* — фр. *pointer les oreilles* — ит. *tendere l'orecchio* — исп. *aguzar los oídos* — рум. *a ciuli urechile*.

Предметы обихода: рус. „носить воду решетом“ — болг. „нося вода с решето“ — серб.-хорв. „носити воду у решету“ — чеш. *nabírat vodu řesetem* — англ. *draw water in a sieve* — нем. *mit einem (или mit dem) Sieb Wasser schöpfen* — швед. *bära vatten i ett sall* — ит. *portar l'acqua nel paniere* — исп. *llevar (или coger) agua en una canasta (или cesta)* — рум. *a căra (или a duce) apa cu ciurul*.

Духовная культура (образование, наука, литература, искусство): рус. „дать урок“ — болг. „давам урок“ — фр. *donner une leçon* — и т. д.; рус. „играть роль“ — болг. „играя роля“ — нем. *eine Rolle spielen* — швед. *spela roll* и т. д.; рус. „знание — сила“ — англ. *knowledge is power* — нем. *Wissen ist Macht* и т. д.

Сверхъестественные явления (религиозные и суеверные представления, волшебство, магия и т. п.): рус. „ради бога“ — болг. „за бога“ — серб.-хорв. „забога“ — чеш. *pro boha* — англ. *for God's sake* — нем. *um Gottes willen* — швед. *för guds skull* — рум. *pentru dumnezeu* и т. д.; рус. „пошел (или убирайся) к черту!“ — болг. „върви (или иди) по дяволите!“ — серб.-хорв. „иди до ђавола (или врага)!“ — чеш. *jdí (или táhni) k čertu!* — англ. *go to the devil!* — нем. *scher dich (или geh) zum Teufel!* — швед. *dra åt fanders!* — ит. *va'al diavolo!* — исп. *vete al diablo!* — рум. *du-te la dracu!*

Психическое состояние, чувства, переживания, оценка, отношение к окружающей действительности: рус. „сгорать от нетерпения“ — болг. „горя от нетърпение“ — чеш. *hořet netrpelivosti* — англ. *burn with impatience* — нем. *vor Ungeduld brennen* — швед. *brinna av otalighet* — фр. *brûler d'impatience* — ит. *ardere d'impazienza* — рум. *a arde de nerabdatre*.

Государственное устройство, политика, право: рус. „верховная власть“ — болг. „върховна власт“ — серб.-хорв.

„врховна власт“ — чеш. nejvyšší moc — англ. supreme power — швед. högsta makten — ит. autorità suprema и т. д.; рус. „общественный строй“ — болг. „обществен строй“ — англ. social order; рус. „международное право“ — болг. „международно право“ — серб.-хорв. „међународно право“ — чеш. mezinárodní právo — англ. international law — нем. Völkerrecht — швед. mellanfolklig rätt — фр. droit international — ит. diritto internazionale — исп. derecho internacional — рум. drept international.

Военное дело: рус. „складывать оружие“ — болг. „слагам оръжие (или оръжието)“ — чеш. složit zbraně — англ. ground arms (тж. lay down arms) — нем. die Waffen strecken (или niederlegen) — швед. lägga ned vapnen — фр. mettre bas les armes — ит. abbassare le armi — исп. rendir las armas — рум. a depune armele.

Явления природы: рус. „говорить на ветер“ — болг. „говоря на вятъра“ — серб.-хорв. „говорити у ветар“ — чеш. mluvit do větru — англ. speak to the wind — нем. in den Wind reden — швед. prata i vädret — рум. a vorbi în vînt.

Вещества: рус. „пуд (куль или много) соли съест с кем-л.“ — серб.-хорв. „појести товар соли с неким“ — англ. eat a peck of salt with smb — ит. mangiare un moggio di sale insieme; рус. „слово — серебро, а молчание — золото“ — чеш. mluvití stříbro, mlčetí zlato — швед. tala är silver, tiga är guld — фр. la parole est d'argent et (или mais) le silence est d'or.

Цвет: рус. „черным по белому“ — болг. „черно по бяло“ — чеш. černé na bílém — англ. in black and white — нем. schwarz auf weiß — швед. svart på vitt — фр. noir sur blanc — рум. negru pe alb.

Животный мир: рус. „братъ быка за рога“ — болг. „хващам бика за рогата“ — нем. den Ochsen beim Horn fassen — швед. ta tjuren vid hornen — фр. attaquer (prendre или saisir) le taureau par les cornes — ит. prendere il toro per le corna — исп. coger al toro por los cuernos — рум. a lua taurul de coarne.

Растительный мир: рус. „за деревьями леса не видеть“ — болг. „от дърветата не вижда гората“ — чеш. pro stromy, nevidí les — англ. not to see the wood for the trees — нем. den Wald vor (lauter) Bäumen nicht sehen — швед. inte se skogen för bara träd — ит. non vedere il bosco per troppi alberi — исп. los árboles no dejan ver (tapar) el bosque — рум. a nu vedea pădurea din pricina copacilor.

Наряду с ФП, компоненты которых поддаются объединению по тем или иным доминантным признакам в определенные семантические и тематические группы, существует значительное число ФИ (прежде всего служебные ФЕ), слова-компоненты которых, описывая в свободном употреблении абстрактные понятия, отношения, например, временные и пространственные, покоя и движения, связи и раздельности и некоторые другие, имеют более отвлеченные значения, характеризуются меньшей

тематико-семантической определенностью и могут быть одновременно причислены к разным тематическим и семантическим группам или занимать промежуточное положение.

В пределах выделяемых лексических пластов на основе составляющих их отдельных слов или групп слов формируются разнообразные интернациональные гнезда. Тематико-семантическая направленность и образность входящих в них ФЕ в значительной степени определяются стержневыми словами. Вместе с тем рассмотрение соотношения возможных тематико-семантических разрядов ФИ и входящих в их состав продуктивных фразеобразующих слов (семантических стержней), организующих интернациональные фразеологические гнезда, показывает, что эти разряды часто не совпадают. ФИ и конституирующие их стержневые элементы по отдельности могут входить в различные семантические поля. Ср., например, в этом отношении следующие ФИ: рус.: „прыгать до потолка (от радости)“ — болг. „скачам до тавана“ — чеш. *skákat radostí do stropu* — нем. *vor Freude (bis) an die Decke springen* — швед. *hoppa högt i taket* — фр. *sauter au plafond*.

Изучение продуктивных структурных центров фразеологических гнезд, „тематико-семантических сфер“, „микросфер“, „мотивов“, „структурообразовательной типологии“⁷, фразеологических серий и синонимических рядов, формирующих разнообразные семантические микрополя⁸, раскрывает определенные (логико-психологические, лингвистические и др.) механизмы образования многих универсальных явлений во фразеологии.

Мнение о случайном и непредсказуемом характере возникновения большинства ФЕ может сложиться при изучении фразеологических материалов на базе одного языка⁹. Исследование процессов интернационализации фразеологии, и особенно по линии независимого развития параллелизма, позволяет говорить не только о „случайности“ возникновения ФЕ, которая, как правило, препятствует межъязыковому сближению, но и о закономерности, определенной предсказуемости их образования, особенно в лексико-тематическом и тематико-семантическом отношениях. Это в целом относится к разным разрядам ФП, выделяемым как с точки зрения степени семантической слитности, так и выполняемых ими функций (многие ФИ выполняют не только стилистическую, но и номинативную функцию).

Этимолого-генетические корни независимого развития межъязыкового фразеологического параллелизма

Подавляющее большинство ФП, формирующихся самостоятельно в разных языках, являются семантически мотивированными образованиями. Поэтому общая экстралингвистическая основа независимого возникновения большей части ФП поддается синхроническому раскрытию. Многие тождественные или близкие факты материальной и духовной жизни народов получают

в разных языках независимо друг от друга одинаковое переосмысление. Действием универсальных экстралингвистических стимулов в первую очередь обуславливается совпадение образности, сходство ее направленности. Фронтальный сопоставительный этимолого-генетический анализ показывает, что общая экстралингвистическая основа независимого развития фразеологического параллелизма складывается из факторов, охватывающих практически все области материальной и духовной жизни людей. Рассмотрим следующие основные случаи.

Образы большого числа ФП восходят к универсальным явлениям природы и строятся на переосмыслении, как правило, основных, наиболее общих признаков, черт, свойственных этим явлениям. Становление целого ряда ФП рассматриваемой группы стимулируется совокупным действием психологических универсалий, например, ассоциаций по сходству и контрасту одновременно: рус. „как день и ночь“ (разниться, отличаться и т. п.) — нем. wie Tag und Nacht verschieden sein — фр. c'est la jour et la nuit (peu ils ne se ressemblent pas plus que le jour et la nuit) — ит. ci corre quanto dal giorno alla notte и т. д.

Продуктивность исходных стимулов фразообразования неодинакова и во многом зависит от их объемности, многогранности. Иногда одни и те же явления внешнего мира служат стимулами развития нескольких логико-образных, логико-фразеологических идей. При этом ФЕ могут генетически восходить к тождественным или близким переменным словосочетаниям, исходное содержание которых получает каждый раз новое одинаковое переосмысление в разных языках. Так, с образами дня и ночи связывается, например, также представление о длительности, непрерывности какого-либо процесса: рус. „день и ночь“ — болг. „ден и нощ“ — серб.-хорв. „дан и ноћ“ — англ. day and night — нем. Tag und Nacht — швед. dag och natt — фр. jour et nuit — ит. giorno e notte.

Значительный удельный вес приходится на ФП, образность которых определяется свойствами веществ. Особенно многочисленными среди них оказываются компаративные параллели: рус. „таять как воск“ — англ. melt like wax — фр. fondre comme la cire au soleil — ит. struggersi come la cera и т. д.

Происхождение многих интернационализмов связано с особенностями поведенческих, поведения домашних и диких животных, птиц, насекомых, одинаково подмеченных разноязычными народами. Образы ФЕ этой группы, как правило, отражают яркий, характерный, легко переосмысливаемый признак, особенность поведения того или иного представителя животного мира. Нередко наблюдается соотносительность проявления психического состояния животного и человека, и перенос в содержание фразеологических образов признаков из животного мира делает средства выражения в этих случаях особенно экспрессивными. Факты из животного мира порождают одинаковые исходные

образные идеи и определяют близкие формы вербального выражения, например, в следующих случаях.

Наступление состояния страха, настороженности у некоторых животных, в частности у собак, волков, сопровождается поджатием хвоста (специфическая сигнализация данного состояния), что прозрачно отражается во фразеологических образах: рус. „поджимать (или прижимать) хвост“ — болг. „подвивам си (свивам, подгъвам си и т. д.) опашката“ — серб.-хорв. „подавити rep“ — чеш. *stáhnout ocas mezi nohy* — англ. *put one's tail between one's legs* — нем. *den Schwanz einziehen* (или *hängenlassen*) *zwischen die Beine nehmen* — швед. *sticka svansen mellan benen* — фр. *serrer la queue (entre les jambes)* — ит. *mettersi la coda tra le gambe* — исп. *meter el rabo entre las piernas* — рум. *cu coada între picioare*.

С особенностями страуса зарывать голову в песок при приближении опасности связывается возникновение параллельных и некоторых соотносительных лишь в содержательном отношении ФЕ, передающих стремление уйти от решений, спрятаться от жизни. В отдельных случаях наблюдаются как свернутые, так и развернутые формы фразеологического образа: рус. „страусовая политика“ — болг. „крия главата си като щраус“ — чеш. *pstrosí politika* — англ. *ostrich policy, bury one's head in the sand* — нем. *sich benehmen wie der Vogel Strauß* (тж. *den Kopf in den Sand stecken wie der Vogel Strauß*), *den Kopf in den Sand stecken* — швед. *struts politik* — фр. *politique d'autruche, faire l'autruche* и т. д.

Продуктивным в отношении фразообразования для многих языковых коллективов является признак агрессивности потревоженных в гнезде ос: рус. „осиное гнездо“ — болг. „осе гнездо“ — чеш. *vosí hnízdo, píchnout do vosího hnízda* — англ. *a wasps' nest* — нем. *Wespennest, in ein Wespennest greifen* (или *stecken*) — швед. *getingbo* — ит. *nido di vespe, sollevare* (или *stuzzicar*) *un vespaio*.

Многие ФП данной группы представлены устойчивыми сравнениями. Ср., например, олицетворение упрямства через образ осла: рус. „упрямый как осел“ — болг. „упорит като магаре“ — нем. *störrisch wie ein Esel* — швед. *envis som en åsna* — фр. *entêté* (или *têtu*) *comme un âne* — ит. *testardo come un'asino* и др.

Обширность этого интернационального фразеологического пласта, ассоциация многих имен животных с одинаковыми или близкими символами у разных языковых коллективов объясняется многовековым опытом общения людей с животными, той большой ролью, которую они играют в жизни человека.

Относительно немногочисленную группу составляют интернационализмы, основанные на переосмыслении признаков, свойств и т. п., характерных для тех или иных представителей растительного мира. Ср., например, ФП, происхождение которых определяется свойством твердости скорлупы ореха: рус. „твердый орешек“ — болг. „костелив орех“ — чеш. *tvrđy orísek* — англ.

a hard nut to crack — нем. etw. ist eine harte Nuß, eine harte Nuß knacken — швед. en hård nöt att knäcka — фр. noix dure à briser и т. д.

Исключительно обширным является пласт интернациональной фразеологии, базирующейся на общности свойств и функций органов, частей человеческого тела, названия которых выступают преимущественно как семантические стержни ФП¹⁰. Совпадение образной, тематико-семантической направленности ФП рассматриваемой группы определяется в основном общечеловеческим характером физиологических функций частей тела, ощущений, жестов, мимики, умственной деятельности, психических состояний и некоторыми другими факторами, но не исчерпывается ими. Например, в основе значений многих соматических ФП с компонентом „рука“ заключены детерминированные функциями обозначаемого органа понятия агентивности и посессивности, ассоциируемые с ним как символом трудовой деятельности: рус. „приложить руки“ — чеш. přiložit ruce — нем. Hand anlegen — швед. lägga hand — фр. mettre la main — ит. metter le mani — исп. meter las manos.

Соматизмам свойствен символический плюрализм. Одни и те же соматизмы часто характеризуются многообразием совпадающей в разных языках символики. Так, в частности, рука является символом не только трудовой деятельности, но и власти¹¹.

Большую группу интернационализмов составляют ФЕ (как с реальными, так и вымышленными образами), созданные на базе поверий, обычаев, традиций народов, различных форм эпоса, а также фразеологизмы, в основе которых лежат нереальные образы, связанные с религиозными и суеверными представлениями, предрассудками и т. п., многие черты которых в силу общечеловеческого характера культуры, универсальности определенных сторон и направлений ее развития, являются общими для целого ряда народов. Вот лишь несколько примеров.

С поверьем, будто бы у крокодила, перед тем как он съест свою жертву, текут слезы, связаны ФП: рус. „крокодиловы слезы“ — болг. „крокодилски сълзи“ — серб.-хорв. „крокодилске сузе“ — чеш. krokodýlí slzy — англ. crocodile tears — нем. Krokodilstränen — швед. krokodiltårar — фр. larmes de crocodile — ит. lacrime di coccodrillo — исп. lágrimas de cocodrilo — рум. lacrimi de crocodil.

К суеверному представлению о возможности отвести беду, дотронувшись до деревянного предмета, восходят ФП: англ. touch wood — фр. toucher du bois.

Ср. также следующие параллели:

рус. „волшебная палочка“ — болг. „магическа пръчка“ — серб.-хорв. „чаробни штапић“ — чеш. kouzelný proutek — швед. trollstav — фр. baguette magique (или de fée) — рум. bagheta magica;

рус. „бог знает“ — англ. God knows — швед. gud vet — фр. Dieu sait — ит. Dio la sa — исп. Dios lo sabe — рум. Dumnezeu stie и т. д.

Интересные материалы, показывающие обусловленность параллелизма ряда ФЕ русского, английского и французского языков общностью (международностью) поверий, предрассудков и т. п., восходящих к отдаленному прошлому, приводит Н. Т. Ходина¹². Однако данный автор в отдельных случаях затушевывает значимость заимствования в рассматриваемых процессах¹³. Роль общего материального субстрата, культурно-исторического наследия бесспорно огромна в развитии фразеологического параллелизма. Вместе с тем не следует умалять значение лингвомиграционных процессов в формировании межъязыковой фразеологической общности.

Велика доля ФЕ терминологического происхождения в интернациональном фразеологическом фонде языков. Многие интернациональные терминологические словосочетания, переходя пределы профессионального употребления, характеризуются развитием одинаковых переносных значений. ФП данной группы относятся к разным областям науки, техники, спорта, искусства и др. Приведем ряд примеров.

Переходом из специально-терминологического в общее употребление характеризуются ФП, связанные с военным делом. Многие ФП этой тематической группы, также как и других групп, приобретая образно-переносные значения, сохраняют номинативно-специальные. В пределах выстраиваемых рядов нередко встречаются терминологические ФП, не подвергшиеся семантическому преобразованию. Например: рус. „брать штурмом“ (терм., перен.) — болг. „превземам с шум“ (терм.) — серб.-хорв. „заузети на јуриш“ (терм., перен.) — чеш. brát útokem (терм.). — швед. ta med storm (терм., перен.) и др.

В редких случаях в одном и том же языке терминологическое и образно-переносное значения являются принадлежностью самостоятельных ФЕ, характеризующихся отдельными формальными расхождениями. Ср., например, грамматические расхождения в итальянском и лексические в шведском языках: ит. prendere la mira (терм.), prender di mira (перен.); швед. ta korn på (терм.), ta sikte på (перен.).

На базе математической терминологии сложился целый ряд ФИ, ставших достоянием литературной и разговорной речи. Хотя обычно наблюдается одинаковое переосмысление терминологических словосочетаний благодаря тождественности их понятийной основы, все же и здесь можно наблюдать семантические расхождения: рус. „приводить к общему (или к одному) знаменателю“ — англ. find (или reduce to) a common denominator — нем. auf einen gemeinsamen Nenner bringen — ит. ridurre allo stesso denominatore — уравнивать в определенном отношении; болгарская ФП „привеждам (или подвеждам) под (или към) общ

знаменател“ означает: 1) делать вывод, подводить итог; 2) уравнивать.

В качестве примера ФП морского происхождения приведем следующий ряд: рус. „братъ на буксир“ — болг. „взимам на буксир“ — чеш. *vzít do vleku* — швед. *ta i släptåg* — фр. *prendre à la remorque* — ит. *prendere a rimorchio* и т. д.

Осложненные семантические отношения (семантическое распределение, частичное и полное расхождение значений) находим у следующих ФП морского происхождения: англ. *slip one's cable* (сленг) — умирать; фр. *filer du (или le) câble* — 1) мор. отдавать концы; 2) разг. стараться выиграть время, *filer son câble* (арго) — умирать; ит. *tagliar la corda* — убежать. Ср. также соотносительную русскую ФЕ „отдавать концы“ — 1) мор. отвязывать концы канатов, когда судно отшвартовывается; 2) (прост.) умирать.

Многочисленными являются ФП, связанные со спортом, различными играми, например: рус. „второе дыхание“ — чеш. *druhy dech* — англ. *second breath*; рус. „быть в форме“ — болг. „сѣм във форма“ — серб.-хорв. „бити у форми“ — чеш. *být ve formě* — нем. *(gut) in Form sein* — швед. *vara i god form* — фр. *être en forme* — ит. *essere in forma* — исп. *estar en forma* — рум. *a fi în formă*; рус. „держатъ (или иметъ) все козыри в своих руках“ — болг. „държа всички козове в ръцете си“ — англ. *have all the trumps in one's hand* — нем. *die (или alle) Trümpfe in der Hand (или in den Händen) haben* — фр. *avoir (tous) les atouts dans son jeu* и др.

Определенная часть ФП восходит к разным областям искусства. Так, например, с музыкальным искусством связаны широко распространенные в литературной речи многих языков следующие ФП: рус. „играть первую скрипку“ — болг. „свиря (или играя) първа цигулка“ — чеш. *hrát prim (или první) housle* — нем. *die erste Geiße spielen* — швед. *spela första fiolen* — исп. *ser el primer violin* — рум. и *cînta la vioara întâi*.

В целом терминология является богатой питательной средой для активизации и расширения интернационального фразеологического фонда.

Происхождение значительной части ФП связано с историческими фактами.

Так, символом прямоты, честности стало открытое забрало. Забрало (часть шлема, опускаемая на лицо для защиты от ударов во время боя и поднимаемая по прошествии опасности) использовалось в старинном вооружении. Данный исторический факт получил одинаковое переосмысление в ряде языков: рус. „с открытым (или поднятым) забралом“ — нем. *mit offenen Visier kämpfen (или fechten)* — швед. *med öppet visir* — ит. *a visiera alzata (или aperto)* — исп. *con la visera levantada*.

От реалий эпохи феодализма ведут свое начало ФП: фр. *monter sur ses grand chevaux* (тж. [^]*être sur ses grands chevaux*) — англ. *be on* (тж. *get on, mount* или *ride*) *the high horse* — нем. *auf dem hohen Pferd sitzen* (тж. *sich aufs hohe Pferd setzen*) — швед. *sätta sig på sina höga hästar*. Происхождение данных ФП связано с презрительным отношением феодалов, сражавшихся верхом на лошадях, к пехоте, которая состояла из наемников и простолудинов.

Общие или близкие исторические реалии могут порождать разные по форме, но соотносительные в семантико-понятийном отношении образования¹⁴, составляя интернациональные этимолого-генетические группы, например: рус. солд. „пройтись по зеленой улице, сквозь строй“ (В. Даль) — быть наказанным ударами шпицрутен, „зеленая улица“ — наказание шпицрутенами солдат в дореволюционной России; нем. *Spießruten laufen* — 1) воен. ист. быть наказанным шпицрутенами; 2) проходить под устремленными на тебя со всех сторон любопытными (или враждебными) взглядами, (j-n) *Spießruten laufen lassen* — 1) воен. ист. наказывать шпицрутенами; 2) отстегать, выдрать кого-л.

Широта, высокая степень фразеологического параллелизма во многом обуславливаются общностью культурных ареалов, исторических судеб народов¹⁵. Для носителей отдельных языков выстраиваемых рядов исторические реалии, порождающие параллелизм, являются несвойственными. Ср., например, ФП, возникшие на основе обычая древних германцев поднимать на щит новоизбранного вождя, чтобы все его видели: рус. „поднимать на щит“ — чеш. *vynáset na štítě* — нем. *auf den Schild (er)heben* — швед. *höja på sköldarna* — фр. *élever* (или *mettre*) *sur le pavois* — ит. *portar sugli scudi* — исп. *levantar en el escudo* — рум. *a ridica pe scut*.

Ср. также в этом отношении получившие широкое распространение в общественно-политической литературе и дипломатическом языке следующие интернационализмы: рус. „встреча за круглым столом“ — болг. „среща на кръглата маса“ — чеш. *porada u kulatého stolu* — англ. *round table conference* — нем. *der runde Tisch, ein Gespräch am runden Tisch* — швед. *rundabordskonferens* — фр. *table ronde* — ит. *a tavola rotonda* — исп. *a la tabla* (или *mesa*) *retondo* — рум. *la tabla rotundă*. Их происхождение связывается с событиями, описываемыми в цикле романов рыцарской литературы раннего средневековья о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Последние, по замыслу волшебника Мерлина, должны были сидеть во время пиров за круглым столом, чтобы чувствовать себя равными.

Значения большинства ФП, восходящих к историческим фактам, событиям, являются немотивированными в синхронии благодаря наличию в них архаизмов, утраты породивших их экстралингвистических стимулов. Часто в этих случаях признак,

положенный в основу становления ФЕ, раскрывается лишь посредством этимологизирования.

Итак, прослеживается связь образов ФП с самыми разными сферами материально-культурной и общественно-экономической жизни народов, их историей, с проявлением психофизиологической деятельности человека, с явлениями природы, фактами животного, растительного мира и др., значительная общность которых составляет стимулирующую основу независимого развития фразеологического параллелизма.

Фразеологическая материализация логико-мыслительных построений

Между значительной общностью действительности, окружающей разноязычные народы, единством логико-мыслительных построений и их универсальным языковым (в данном случае фразеологическим) воплощением существует зависимость и подчиненность: универсальность языковых форм является производной и от во многом сходных материальных и социальных условий, в которых функционируют языки, и от психолого-мыслительных универсалий, обуславливающих тождественное или близкое предметно-логическое осмысление и являющихся в свою очередь производными от объективной реальности. Однако было бы неверно, ставя в зависимость структуру мысли и языка от структуры мира, утверждать, что между ними существует прямолинейная связь, как это делает Л. Витгенштейн в своем „Логико-философском трактате“¹⁶. Необходимо всегда учитывать опосредствованный характер отражения структуры материального мира в языке и в сознании через их деятельность, и прежде всего через деятельность мышления, осуществление которой становится возможным на базе отраженных в нем знаний об окружающем мире¹⁷ при взаимодействующей роли языка.

Значения подавляющего большинства ФП, возникших независимо друг от друга в разных языках, мотивируются внутренней формой, и поэтому их экстралингвистическая основа относительно легко раскрывается в синхронии. Изучение фразеологического параллелизма не может ограничиваться рассмотрением только сходных явлений, например, раскрытием универсальности соединения слов-компонентов ФП как отражения реальных связей и отношений действительности или как выражения общих логико-мыслительных построений носителей данных языков. Изучение фразеологического параллелизма требует также учета специфики материального субстрата, в котором функционируют языки, особенностей человеческого сознания и закономерностей его деятельности, направленной на познание объективной реальности, особенностей отражения или проявления логико-мыслительных и психологических универсалий в языковых структурах, а также специфики языковых систем. Это важно для выявления причин

частичных расхождений ФП, для рассмотрения симметрических — асимметрических отношений лингвистических и экстралингвистических факторов межъязыкового параллелизма.

* * *

Совокупность форм действительности в их взаимосвязи и взаимообусловленности составляет единый субстрат, в котором функционируют языки мира и на который направлена познавательная деятельность человека. Механизм деятельности мозга и органов чувств, характеризующийся общечеловеческим физиологическим единством, обуславливает в целом одинаковое отражение окружающего мира, создает общую логическую основу. Поэтому разнообразие языков, „поворачивающих человеку предметы с разных сторон“ и по-разному членящих картину мира, не мешает формированию одинакового логического мышления и его форм у всех людей земного шара.

В число основных форм познающего мышления включаются категории диалектики. Их понятийность, достигая максимального обобщения, отражает наиболее общие явления и свойства материального мира, общественной жизни и человеческого мышления. В диалектических категориях находит отражение развитие материального мира, происходящие в нем метаморфозы. Язык, являясь производным от материальной действительности, отражает как внешний мир, так и уровень развития мышления, а также его формы и содержание. Общеизвестна связь логических и лингвистических категорий: логическая структура мысли согласованно материализуется, воплощается в языковой структуре. Законы и категории диалектики как общечеловеческие формы мышления посредством общих законов организации речи могут облекаться в разных языках независимо друг от друга в одинаковые или близкие вербальные формы.

Проявление законов материалистической диалектики во фразеологии прослеживается на материале пословиц и поговорок (коммуникативных фразеологических единиц). Ясность их связи с логическими категориями объясняется прежде всего спецификой формы выражения. Предметно-логическая основа многих коммуникативных ФЕ отражается в семантической структуре как результат процесса познания. Исключительность положения данных ФЕ обуславливается открытостью зафиксированного в их семантике в специфической форме общего опыта, накопленного в процессе познания действительности многими поколениями разноязычных народов. Еще Гегель, раскрывая всеобщность проявления диалектики, и в частности ее присутствие в духовном мире, писал: „... согласно опыту всех людей, всякое состояние или действие, доведенное до крайности, переходит в свою противоположность; эта диалектика, заметим мимоходом, находит свое признание во многих пословицах ...“ (разрядка наша. — Э. С.). И далее: „Сознание

наличности диалектики в области нравственности, взятой в ее индивидуальной форме, мы находим во всех известных пословицах: гордыня предшествует падению, что слишком остро, то скоро притупляется и т. д.¹⁸ Изучение особенностей отражения диалектики в пословицах и поговорках является составной частью изучения широкой философской и социально-политической проблемы отражения мировоззрения и общественной психологии народов в его фольклоре. О пользе исследования фольклора в этом плане высказывался В. И. Ленин¹⁹. Проблема отражения главных черт стихийно-материалистического мировоззрения народных масс в фольклорных произведениях явилась предметом специальных философских работ²⁰.

В данном разделе мы рассматриваем преимущественно лингвистическую сторону проблемы соотношения языковых единиц с формами мышления: проявление в коммуникативных ФЕ законов диалектики как один из факторов, способствующих интернационализации фразеологии. В качестве анализируемых межъязыковых фразеологических соответствий выступают прямые и синонимические эквиваленты.

Вопрос о причинах возникновения в разных языках сходных пословиц и поговорок неоднократно ставился в паремиологической литературе. Ответ на него в основном сводится к следующим причинам²¹: 1) одинаковость или близость материальных и социальных условий существования языка, 2) языковое родство и конструктивная близость родственных языков, 3) заимствование как результат культурно-исторического взаимодействия и общности языкового ареала, 4) наличие черт сходства духовной жизни общества, инвариантность элементов соотносительных форм общественного сознания, 5) сходство исторического опыта народов.

Отчасти причины сходства, а еще больше различия рассматриваются в связи с изучением материалов определенных культурных ареалов в свете специфических теорий²². В большей степени эта проблема затрагивается при создании международных классификаций пословиц, при этом преимущественно со стороны разработки подхода, универсальных принципов, позволяющих осуществлять построения международных классификационных систем²³. Наиболее значительными в этом отношении являются работы Г. Л. Пермякова, который исходит из понимания не только и не столько языковой, сколько логико-семиотической структуры образований. Согласно данному автору, логическое содержание пословиц и поговорок определяется характером отношений между вещами реальной жизни, а сами пословицы и поговорки рассматриваются как знаки ситуаций или определенных отношений между вещами, соответственно как вариант и инвариант²⁴. Разноязычные образования, характеризующиеся одинаковыми логическими отношениями указанного порядка, определяются им как „высший логико-семиотический инвариант“²⁵.

Изученный материал показывает, что возникновение сходных образований в разных языках может обуславливаться одинаковостью осознания не только тождественных или близких по форме явлений действительности, но и специфичных, свойственных лишь для окружения данного народа. Происходит организация экстралингвистического опыта через призму логического, психологического и языкового аппаратов. Противоречия, возникающие между универсальностью, интернациональностью логики, психологии и языковой национальностью, разрешаются возникновением форм, содержание которых имеет общечеловеческий характер. При этом, конечно, аналогичные схемы лингвистических построений в разных языках далеко не всегда получают тождественное конкретно-образное наполнение. Такого рода межъязыковые фразеологические соответствия составляют, по нашему определению, тип потенциальных интернационализмов.

Универсализация содержания и схем (структур) таких языковых единиц, как пословицы и поговорки, строящихся на отражении неоднородного, пестрого многообразия внеязыковой действительности, особенно заметно происходит под упорядочивающим действием форм мышления, высшим проявлением которых являются законы диалектики. Однако данное упорядочение не следует понимать упрощенно как процесс механического сообщения языковому материалу логических форм (форм мышления), т. к. и развитие языка, имеющее определенную автономность, совершенствует мышление, которое, также как и язык, в конечном итоге является производным от объективной действительности, порождающей между ними сложный узел прямых и опосредствованных взаимодействий. Следует подчеркнуть, что т. к. законами диалектики не исчерпывается многообразие всех объективных законов (существуют частные и общие законы, которые не сводятся ко всеобщим законам диалектики, но в которых проявляются эти всеобщие законы), то диалектические законы являются лишь одним из факторов этого порядка, способствующих развитию языкового параллелизма. Само же отражение этих законов в ФЕ пословичного типа является специфичным, имеет относительный характер, выражающийся как в том, что данный закон может не полностью или чрезвычайно схематично проявляться в данной ФЕ, так и в том, что одна и та же ФЕ может соотноситься более чем с одним законом²⁶.

Приведение к общему логическому содержанию, значению и соотносительной форме известной части ФЕ диктуется не только отношением вещей окружающей действительности и лингвистическими универсалиями, но и в определенной степени действием субъективной диалектики. В целом развитие в духовной сфере человеческой деятельности подчиняется законам, действующим независимо от воли и знания о них человека и которые в этом смысле являются объективными²⁷. Основная мас-

са ФЕ рассматриваемого типа, стихийно складываясь, принимала одинаковое или близкое логическое содержание без сознательного учета законов диалектики человеком в процессе его познавательной деятельности²⁸.

Ниже приводим коммуникативные фразеологические единицы (КФЕ), в которых находят специфическое отражение определенные свойства, стороны законов и категорий диалектики.

1) КФЕ и закон единства и борьбы противоположностей

а) Взаимополагание противоположных сторон, свойств, тенденций целого: рус. „нет розы без шипов“ — чеш. *není ruže bez trní* — англ. (there is) no rose without a thorn — нем. *Keine Rose ohne Dornen* — швед. *ingen ros utan törnen* — фр. *il n'y a pas (или il n'est point) de roses sans épines* — ит. *ogni rosa ha la sue spine*, *non c'è rosa senza spine* — исп. *no hay rosa sin espinas* — рум. *nu e trandafir fără spină*.

б) Нарушение состояния равновесия: рус. „либо пан, либо пропал“ — англ. *make or break, neck or nothing, sink or swim, either win the saddle or lose the horse* — швед. *det må bara eller brista, vinna eller förlora allt* — ит. *o bere, o affogare; o la va o la spacca* — исп. *o César o nada, o chulo o marques*.

2) КФЕ и закон отрицания отрицания

а) Преемственность в процессе диалектического отрицания: рус. „яблоко от яблони не далеко падает“ — чеш. *jablko nepadá daleko od stromu* — нем. *der Apfel fällt nicht weit vom Stamm; wie der Baum, so die Frucht* — ит. *tal padre, tal figlio* (ср. рус. „каков батька, таковы и детки“) — исп. *de tal palo, tal astilla* — рум. *mărul nu cade departe de pom*.

3) КФЕ и закон перехода количественных изменений в качественные и обратно.

а) Количественное увеличение, ведущее к смене качества: рус. „с миру по нитке — голому рубашка“ — болг. „капка по капка вир става“ — англ. *grain by grain, and the hen fills her belly; many a little makes a mickle, a pin a day is a groat a year* — швед. *många bäckar små göra en stor å*.

б) Определение меры вещей органической связью количества и качества: рус. „от великого до смешного один шаг“ — англ. *one step above the sublime makes the ridiculous* — фр. *du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas*.

4) КФЕ, единичное и общее

а) От единичного к общему: рус. „паршивая овца все стадо портит“ — болг. „краставата коза цяло стадо окраставява“, „една крастава овца цялото стадо окраставява“ — серб.-хорв. „шугава овца цело стадо ошуга“ — чеш. *jedna prasná ovce celé stádo nakazí* — англ. *one scabbed sheep infects the whole flock, one black sheep will mar a whole flock* — нем. *ein räudiges Schaf steckt die ganze Herde an* — швед. *ett skorvlgt (или skabbigt) får smittar he-*

la hîjorden — фр. brebis galeuse gâte le troupeau — ит. una pecora marcia ne guasta un branco — исп. una oveja sarnosa (или mala) estropea todo el rebaño — рум. o oale rîloasă umple toată turma.

б) Проявление общего в сходстве отношения однородного класса явлений: рус. „ворон ворону глаз не выклюет“ — болг. „гарван гарвану око не вади“ — англ. crows do not pick crow's eyes, hawks will not pick hawks' eyes out, dog does not eat dog — нем. eine Krähe hackt der anderen kein Auge aus — швед. den ena korpen hackar inte ut ögonen på den andra — фр. corbeau contre corbeau ne se crèvent jamais les yeux — ит. corvi con corvi non si cavan gli occhi — исп. un lobo no muerde a otro lobo — рум. corb la corb nu scoate ochii.

в) Проявление общего в единстве условий, единообразии правил существования данного множества: рус. „с волками жить, по-волчьи выть“ — чеш. kdo chce s vlky žít, musí s nimi být — англ. who keeps company with the wolves, will learn to howl, when you go through the country of the one-eyed be one-eyed, with foxes we must play the fox, he that lives with cripples learns to limp — нем. mit den Wölfen muß man heulen — швед. man måste tjuta med vargarna — фр. il faut hurler avec les loups — ит. chi vive tra lupi impara a urlare — исп. quien con lobos anda a aullar aprende — рум. între lupi cu lupii să urlî.

5) КФЕ, причина и следствие

а) Необходимый характер причинно-следственной связи: рус. „нет дыма без огня“ — болг. „няма огън без дима“ — серб.-хорв. „нема дима без ватре“ — англ. (there is) no smoke without fire — нем. keine Rache ohne Feuer — швед. ingen rök utan eld — фр. il n'y a pas de fumée sans feu — ит. non c'è fumo senza fuoco — исп. por el humo se sabe donde está el fuego — рум. pîna nu faci foc nu lese fum.

б) Наличие определенных условий причинно-следственных взаимодействий для наступления данного явления: рус. „куй железо, пока горячо“ — болг. „желязото се кове (или кови желязото), докато е горещо“ — серб.-хорв. „гвожђе се кује док је вруће“ — чеш. kuť železo, dokud je žhavé — англ. strike the iron while it is hot, make hay while the sun shines — нем. das Eisen schmieden, solange es heiß ist — швед. man måste smida medan järnet är varmt — фр. il faut battre le fer pendant qu'il est chaud — ит. batti il ferro, fin che è caldo — рум. bate fierul cît (или pîna) e cald.

6) КФЕ, необходимость и случайность

а) Выделение необходимого: рус. „двум смертям не бывать, а одной не миновать“ — болг. „две смърти няма, без една не може“ — англ. a man can die but once — нем. einen Tod kann der Mensch nur sterben — швед. man dör bara en gång — фр. on ne

meurt qu'une fois — ит. la morte viene una volta sola — исп. sólo una vez muere el hombre.

7) КФЕ, возможность и действительность

а) Возможность как потенциальная действительность, основанная на предпосылках старого: рус. „где тонко, там и рвется“ — болг. „гдето е тънко, там се къса“ — серб.-хорв. „где је танко тамо се и кида“ — чеш. *provázek se trhá tam, kde je nejtenčí* — нем. *wo der Taden dünn ist, da reißt er* — фр. *on tombe toujours du côté ou l'on penche* — ит. *il filo si rompe nel punto più debole* — исп. *siempre (se) rompe la cuerda por lo más delgado* — рум. *unde e ata mai subțire, acolo se rupe*; рус. „как аукнется, так и откликнется“ — болг. „каквото се провикнало, такова се откликнало“ — чеш. *jak se do lesa volá, tak se z lesa ozývá* — англ. *as the call, so the echo* — нем. *wie man in den Wald hineinruft, so schallt es (wieder) heraus* — швед. *som man ropar i skogen, får man svar* — фр. *telle voix, tel écho; à bon salut bon accueil* — ит. *tal sonata, tal ballata; qual proposta, tal risposta* — исп. *según es la voz es el eco* — рум. *dupa fapta și rasplata*.

б) Ведущая роль действительности: рус. „лучше синица в руках, чем журавль в небе“ — серб.-хорв. „боље врабац у руци, него голуб на крову“ — англ. *a bird in the hand is worth two in the bush, a sparrow in hand is worth a pheasant that flies by* — нем. *besser ein Sperling in der Hand als eine Taube auf dem Dach* — швед. *en fågel i handen är bättre än tio i skogen* — фр. *(le) moineau à la main vaut mieux que (la) grue qui vole* — ит. *meglio fringuello in tasca che tordo in frasca, meglio un uovo oggi che una gallina domani* — исп. *más vale un pájaro en mano que buitres volando*.

в) Осуществление не любой возможности: рус. „цыплят по осени считают“ — болг. „пилетата (или пилците) наесен се броят“ — серб.-хорв. „пилићи се у јесен броје“ — англ. *don't count your chickens before they are hatched*.

8) КФЕ, содержание и форма

а) Соответствие между формой и содержанием: рус. „новая метла чисто метет“ — болг. „новата метла чисто мете“ — чеш. *nové kostě dobře mete* — англ. *a new broom sweeps clean* — нем. *neue Besen kehren gut* — швед. *nya kvastar sopar bäst* — ит. *granata nuova scopa bene* — исп. *la escuela nueva barre bien* — рум. *sita noua cerne bine*; рус. „большому кораблю — большое плавание“ — англ. *a great ship asks great waters* — нем. *große Schiffe machen große Fahrt* — швед. *stort fartyg behöver rymligt farvatten* — фр. *tel navire, telle eau* — ит. *grande nave — corso lungo* — исп. *gran buque, gran altura; a gran río, gran puente* — рум. *corabia mare și valuri mari o bat*.

9) КФЕ, сущность и явление

а) Неразрывность взаимосвязи сущности и явления: рус. „шила в мешке не утаишь“ — болг. „шило в торба (или чувал) не

стои (или не седи)“ — серб.-хорв. „копље у врећи нећеш сакрити“ — чеш. *šidlo v pytli neutajís* — англ. *murder will out* — нем. *die Wahrheit kommt (doch) an den Tag* — швед. *sanningen kryper nog fram, det som göms i snö kommer upp i tå* — фр. *la vérité finit toujours par percer au dehors* — ит. *la verità vien sempre a galla*.

б) Возможность маскировки сущности в явлении: рус. „не все то золото, что блестит“ — болг. „не всичко, що блести, е злато“ — серб.-хорв. „није злато све што сија“ — чеш. *není všechno zlato, co se třpytí* — англ. *all is not gold that glitters* — нем. *es' ist nicht alles Gold, was glänzt* — швед. *det är icke guld allt som glimmar* — фр. *tout ce qui brille (или reluit) n'est pas or* — ит. *non è tutt' oro quello che riluce* — исп. *no es oro todo lo que reluce*.

ГЛАВА IV

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ И ЛЕКСИЧЕСКАЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПО ЛИНИИ ЗАИМСТВОВАНИЯ

Наряду с независимым развитием фразеологического параллелизма, основным путем формирования интернационального фразеологического фонда является заимствование.

Интернационализацию фразеологического фонда языков как результат фразеологической миграции следует изучать с учетом особенностей механизмов фразеологического заимствования, отличающихся от механизмов заимствования в области лексики как одного из действенных путей интернационализации лексического состава языков.

Подобно заимствованным словам, не все фразеологические заимствования становятся интернациональными. Это объясняется различными изменениями, которым они подвергаются на новой языковой почве.

Рассмотрение механизмов лингвистической миграции — одного из путей интернационализации фразеологии и лексики требует четкого различения типов заимствования, выявления как общего, так и особенного, свойственного каждому типу в отдельности¹. Здесь мы выделяем термин „заимствование“ вообще, подразумевая под ним межъязыковое перемещение элементов различных уровней структуры языка. При этом, с одной

стороны, кратко рассматриваются механизмы: 1) семантического калькирования, 2) материального лексического заимствования, 3) словообразовательного калькирования. А с другой — механизмы следующих типов фразеологической миграции: 1) образование ФЕ по иноязычной модели из средств собственного строительного материала (фразеологические кальки); 2) передача максимального объема иноязычных характеристик: а) значений, б) материальной формы, в) грамматических связей (ФЕ, заимствованные без перевода); 3) образование ФЕ из искомого материала на основе образов, сказаний, реалий, ситуаций и т. п. как достояний иноязычных народов (по нашему определению, „семантические фразеологические заимствования“).

Основные способы интернационализации лексики по линии заимствования (механизмы и особенности процессов)

Семантическое калькирование и интернационализация

Необходимость назвать предметы, явления, процессы действительности или их особенности, установленные и обозначенные иным языковым коллективом, создает предпосылки для различных типов заимствования. При этом совершенно не обязательно участие прямого лексического заимствования на том основании, что главное назначение слова — называть предметы, явления, определять их. Так, в XVIII столетии усвоение многих западноевропейских понятий русским языком происходило путем калькирования семантики французских прототипов, что вело к изменению семантической структуры русских слов².

По-видимому, кратчайшим путем интернационализации некоторой части языка является семантическое заимствование (семантическое калькирование)³. Рассмотрим его механизм. Изучение семантического заимствования как самостоятельного явления возможно при условии, если речь идет о приобретении нового значения, образованного по иноязычному образцу, представленному отдельным словом. Семантическое заимствование происходит при совпадении прямых, номинативных значений своих и иноязычных слов⁴. Семантическое заимствование, предполагающее связь нового значения, продиктованного иноязычным прототипом, с данной материальной оболочкой заимствующего слова, приводит к изменению его смысловой структуры. Происходит приспособление нового значения к „старой“ матери: рус. „крыло“ — болг. „крило“ — англ. wing — нем. Flügel (фланг войска) с латинского ala (крыло — фланг). Здесь порядок новообразования идет от семантики к имеющейся в наличии материальной основе. В данном случае мы имеем дело, с одной стороны, со звуковой оболочкой слова заимствующего языка,

а с другой — со значением, новое использование которого подсказано оригиналом. При этом звуковая оболочка присутствует не отдельно от значения, а в единстве с ним (первоначальная семантическая структура заимствующего слова), а механизм заимствования часто представляется как переосмысление прямого значения слова. Для усвоения нового понятия, его выражения и семантического приспособления существуют готовые языковые средства. Членение семантического заимствования может оказаться существенным для изучения дальнейшей истории жизни слова, изменений его семантической структуры, для сравнения его с прототипом.

Семантическое заимствование — активный и эффективный способ интернационализации. Особенности механизма семантического заимствования способствуют относительно „безболезненному“ приспособлению инновации, становлению интернационального. „Безболезненность“ данного процесса объясняется отсутствием необходимости материальной ассимиляции: звуковая оболочка готова. Легкость интернационализации коренится также в совпадении номинативных значений слов передающего и принимающего языков, в существовании с самого начала интернационального понятийного компонента. Однако между относительной простотой приспособления инновации, частично объясняемой отсутствием необходимости материального усвоения, и стремлением интернационального к сходству „внешней“ и „внутренней“ сторон существует противоречие.

Материальное лексическое заимствование и интернационализация

От семантического заимствования отличают материальное заимствование слов и морфем. Материальное заимствование характеризуется переходом в иноязычную систему как материального экспонента, так и значения слов и морфем: болг. „интелигенция“ — англ. *intelligentsia* — швед. *intelligentia* с русского „интеллигенция“; англ. *steppe* — нем. *Steppe* — швед. *stäpp* — фр. *steppe* — ит. *steppa* с русского „степь“.

Заимствование — активный процесс, проявляющийся не только в воздействии передающего языка, но и в ассимиляции в иноязычной системе. Данный тип заимствования является наиболее распространенным и обеспечивает высокую степень интернациональности принимаемых языковых единиц, т. к. предполагает усвоение не только иноязычного значения, но и формы.

Обычно заимствование связано с необходимостью передачи нового понятия, обозначения неизвестного прежде предмета. Возникновение полных семантических совпадений, связанных с заимствованием, возможно на некоторых этапах развития языка, когда наблюдается большой приток иноязычных элементов. Это ведет к избыточной интернационализации. Но о полном

совпадении употребления заимствованного и исконного слов правомерно говорить только как о временном явлении, т. к. на определенном этапе происходит либо потеря одного из двух слов, либо распределение сфер их употребления⁵. В последнем случае мы сталкиваемся со сложным многоступенчатым процессом формирования дополнительных сторон у имеющегося понятия, что, в свою очередь, может явиться причиной расщепления этого понятия на два новых.

Разница между результатами заимствования, возникающего из внутренних потребностей общества дать наименования неизвестным ранее понятиям, и результатами процесса, ведущего к семантическим совпадениям, проявляется прежде всего в неодинаковом количественном соотношении укореняющихся и исчезающих слов. При переходе слов вместе с новыми понятиями обеспечивается их большая сохраняемость по сравнению со словами, которые выступают в качестве второго наименования. Так, насущная потребность Российского общества в петровскую эпоху приблизиться к уровню западно-европейских народов обусловила огромный приток иностранных слов в русский язык, несущих новые понятия. Большая часть этих заимствований укоренилась в русском языке. Предпосылкой прочного укоренения заимствованных слов является широкое распространение и популяризация обозначаемых ими явлений, реалий, понятий. Языковой интернационализации может предшествовать интернационализация внеязыковая.

Словообразовательное калькирование (морфологическое заимствование) и интернационализация

Морфологическое заимствование, как известно, представляет собой поморфемный перевод морфологического состава иностранных слов. Путь новообразования идет от формирования понятия к поиску собственных средств для его выражения по образцу, навязанному оригиналом. Качество интернационального проявляется в совпадении значений и морфологического строения слов: рус. „небоскре́б“ — болг. „небостърча́к“ — серб.-хорв. „небодер“ — нем. Wolkenkratzer — швед. skyskrapa — фр. gratte-ciel — ит. grattacielo — рум. zgîrie-nori (с англ. skyscraper).

Степень сходства и возможность синхронного отождествления бывают большими в случае полукалек. Степень интернационального оказывается еще выше, если словообразовательные кальки включают в свой состав идентичные международные компоненты.

Нередко структура слова может копироваться неполностью в силу значительных расхождений в типологии словообразования, особенно у неродственных языков, что значительно затрудняет установление интернационального.

Основные способы интернационализации фразеологии по линии заимствования (механизмы и особенности процессов)

Истоки и источники фразеологических интернационализмов-заимствований

Сопоставительное историко-этимологическое изучение ФИ (заимствований по происхождению) требует установления их истоков и источников. Понятие истока представляется нами шире понятия источника. Под первым понимаются проводники межъязыковых воздействий, исторических, общественных влияний. Главным проводником указанных воздействий, ведущих к формированию интернационального фразеологического фонда, является литература народов-носителей тех или иных языков, оказывающихся ведущими на определенных этапах исторического развития. Античная история, литература, мифология, представленные двумя ветвями—греческой и римской, а также Библия явились важнейшими литературными истоками интернациональной фразеологии: рус. „муки Тантала (или Танталовы муки)“—болг. „танталови мъки“—серб.-хорв. „Танталове муке“—чеш. Tantalova muka—англ. the torments of Tantalus—нем. Tantalusqualen—швед. tantalusqual—фр. le supplice de Tantale—ит. supplizi di Tantalò—исп. el suplicio de Tántalo—рум. supliciul lui Tantal (Гомер, Одиссея, XI, 582—592); рус. „блудный сын“—болг. „блудният син“—серб.-хорв. „блудни син“—чеш. marnotratný syn—англ. the prodigal son—нем. der verlorene Sohn—швед. förlorade sonen—фр. l'Enfant prodigue—ит. figlio prodigo—исп. hijo pródigo—рум. fiu risipitor (Лука, XV, 11—32) и мн. др.

Новые исследования в области языковых контактов свидетельствуют об усиленном взаимовлиянии в сфере фразеологии отдельных языков европейско-американского ареала, особенно важная роль среди которых отводится на современном этапе русскому и английскому языкам⁶. Так, многочисленными оказываются кальки русских выражений, обозначающие реалии, общественно-политические события, передовые идеи советской действительности, стран социалистического лагеря. Например: болг. „социалистическо съревнование“—англ. socialist emulation—ит. emulazione socialista и т. д.; серб.-хорв. „сицијалистичко својина“—нем. sozialistisches Eigentum—исп. propiedad socialista и т. д.; чеш. demokratický centralismus—швед. demokratisk centralism—рум. centralism democratic и т. д.; болг. „дворец на културата“—нем. Kulturpalast—ит. palazzo (или casa) di cultura и т. д. Ср. также интернациональные кальки с английской ФЕ brain trust: рус. „мозговой трест“—нем. der Gehirustrust—ит. trust del cervello—исп. trust cerebral и мн. др.

В ходе историко-этимологического и этимолого-генетического рассмотрения интернациональной фразеологии нами обнаружены пропуски указаний в лексикографических источниках на иноязычность происхождения многих ФЕ, часто даже при ее открытости, легко подтверждаемой как языковыми, так и неязыковыми данными⁷. См., например, отсутствие указания во „Французско-русском фразеологическом словаре“ под ред. Я. И. Рецкера (М., 1963) о латинском происхождении французской ФЕ *serpent caché sous des fleurs* при наличии соответствующих сведений об английской ФП в „Англо-русском фразеологическом словаре“ А. В. Кунина (М., 1967): *a snake in the grass* с лат. *latet anguis in herba* (Вергилий, „Третья эклога“). См. подтверждение об авторстве латинской формы в „Латинско-русском словаре“ И. Х. Дворецкого (М., 1976).

Не отмечается происхождение многих ФЕ в словарях и в случае установления их источников в специальных исследованиях. См., например, этимологический пробел немецкой ФЕ *rund um die Uhr* в „Немецко-русском фразеологическом словаре“ Л. Э. Биновича и Н. Н. Гришина. Данный фразеологизм является калькой с английского выражения *round the clock*⁸.

В целом под источником ФИ понимается его прототип, или исходный материал. Характер источников интернационализмов определяется их происхождением.

Источниками ФИ по линии калькирования являются иноязычные фразеологизмы, а точнее их лексико-грамматическая и семантическая структура, за исключением тех случаев, когда калькирование сложных слов приводит к образованию ФЕ.

Источниками интернационализмов как результата заимствования ФЕ без перевода являются готовые образования как единство иноязычной формы и содержания. Учитывая факт возможного прохождения первичной фразеологизации кальками и ФЕ в оригинале при внедрении в иноязычные системы, их источниками теоретически можно считать исходные словосочетания.

Среди ФИ, восходящих к библии и античной мифологии, по характеру их источников выделяются две основные группы⁹. Первую группу составляют образования, первоначальные формы которых устанавливаются в текстах. Их источниками оказываются соответствующие прототипы (метафорические или не метафорические словосочетания): рус. „хлеб насущный“—болг. „насыщен хляб“—серб.-хорв. „насушни хлеб“—англ. *daily bread*—фр. *pain quotidien*—ит. *pane quotidiano* и т. д. (Матф., VI, II); рус. „сардонический смех“—англ. *Sardonic laugh*—ит. *riso sardonico*—рум. *ris sardonici* и т. д. (Гомер, Одиссея, XX, 302; Илиада, XV, 101).

От прототипов, стабилизировавшихся в ФЕ, следует отличать близкие им формы, возникающие в результате последующего развития этих ФЕ. Нередко данные преобразования характеризуются межъязыковым параллелизмом, что способствует

расширению исходного интернационального фонда. Ср., например, полные и редуцированные формы следующих библеизмов (Бытие., II, 17): рус. „древо познания добра и зла“—„древо познания“; англ. the tree of the knowledge of good and evil—the tree of knowledge; фр. arbre de la science du bien et du mal—l'arbre de la Science и т. д.

Во вторую группу входят ФЕ, образующиеся на основе содержания данного текста, но не имеющие в нем прямых соответствий (прототипов). Источниками этой группы ФЕ нами признаются участки текста, содержащие мотивировку образа данных параллелей: рус. „Иудино лобзание (тж. поцелуй Иуды)“—болг. „целувката на Юда“—англ. a Judas kiss—фр. baiser de Judas—ит. il bacio di Giuda и т. д. (см.: Матф., XXVI, 47—49; Марк, XIV, 43—45; Лука, XXII, 47—48; Иоанн, XVIII, 3—5); рус. „работа Пенелопы“—англ. Penelope's web—фр. ouvrage (или toile) de Pénélope и т. д. (Гомер, Одиссея, II, 96—110); рус. „троянский конь“—болг. „троянски кон“—чеш. trojský kůň—нем. das trojanische Pferd—фр. cheval de Troie—исп. caballo de Troya и т. д. (Гомер, Одиссея, VIII, 492—495). Между двумя выделяемыми группами существуют промежуточные типы.

Взаимодействие культур европейских народов, впитавших в себя элементы античности и христианства, творческое переосмысление ценностей античного мира, особенно в периоды культурных волн эпохи Возрождения и Классицизма, создало множественность и неоднородность культурно-исторических, в первую очередь литературных, истоков ФИ рассматриваемого разряда, с чем связана, по нашему мнению, неопределенность происхождения многих из них. В условиях существования множественности и неоднородности литературных истоков как порождения особенностей переложения классических мифологических сюжетов развитие параллелизма особенно ярко свидетельствует об общности ассоциативно-образного мышления разноязычных народов, позволившей достигнуть одинаковых логико-образных и логико-фразеологических идей.

Источниками ФИ, образованных на основе реалий иноязычных народов и не связанных ни с конкретной стабильной материальной формой, ни с отправным текстом, следует считать исходные словосочетания, совпадение которых в разных языках обуславливается универсальным взаимодействием языковых и экстралингвистических факторов. Например; рус. „спартанское воспитание“—чеш. spartánská výchova—англ. Spartan upbringing—фр. éducation à la spartiate—ит. educazione spartana—рум. educație spartana и т. д. (факт суровой системы воспитания детей в Спарте).

Фразеологическое калькирование и интернационализация

По нашему определению, фразеологические кальки (ФК)— это фразеологические единицы, возникающие в результате точной или измененной передачи лексического состава, грамматической структуры и значений иноязычных прототипов (как правило, фразеологизмов) средствами заимствующего языка.

Общим для механизма фразеологического и словообразовательного калькирования является первоначальное восприятие содержания иностранных прототипов в виде понятий, которые обычно не сразу получают качество языковой структуры по диктуемым схемам.

Изучение процесса фразеологического калькирования и его результатов показывает, что данный способ заимствования, как правило, не связан с восполнением пробелов в понятийной картине мира и ведет к семантическому обновлению под действием факторов иного порядка¹⁰.

Внеязыковой основой интернационализации посредством фразеологического калькирования оказывается общность понятийного компонента.

Многие ФК обладают целостным немотивированным значением. Их организация часто несет на себе отпечаток систем заимствованных языков. Важным лингвистическим доказательством происхождения ФК является признак инородности грамматической структуры и сочетаемости слов-компонентов. Ср. следующие ФК и их прототипы: англ. *abound in one's own sense* с фр. *abonder dans son sens* (с лат. *abundare in suo sensu*); англ. *pay (или pay down) on the nail* с фр. *payer rubis sur l'ongle*; рус. „млечный путь“—болг. „млечен път“—чеш. *Mléčna dráha*—англ. *the Milky Way*—фр. *Vole lactée*—ит. *Via Lattea*—исп. *Via Lactea*—рум. *Calea lăptelui* с лат. *via lactea*.

При установлении языка-источника существенными могут оказаться экстралингвистические, главным образом, исторические данные. Например: рус. „пятая колонна“—болг. „пета колона“—чеш. *pátá kolona*—швед. *femte kolonnen*—фр. *cinquième colonne* и т. д. с исп. *quinta columna* (ФЕ возникла в период гражданской войны в Испании (1936 г.) после выступления генерала Мола, заявившего, что, помимо имеющихся в его распоряжении четырех колонн, он располагает еще пятой колонной, которая проводила в Мадриде подрывную работу).

Непосредственный язык-источник ФК устанавливается с учетом ее степени сходства с предполагаемыми прототипами (историческим и этимологическим). Так, например, на этом основании историческим прототипом русской „буря в стакане воды“, болгарской „буря в чаша вода“, немецкой *ein Sturm im Wasserglas* (или *im Glase Wasser*) и шведской *en storm i ett vattenglas* ФП следует признать французскую ФЕ *une tempête*

dans un verre d'eau, а этимологическим источником—латинскую ФЕ *excitare fluctus in simpulo*—поднимать бурю в разливательной ложке для жертвенных возлияний вина (Цицерон).

Разграничение исторических и этимологических источников затрунено в случаях полного совпадения форм и значений. Например, отсутствуют показатели непосредственного происхождения английской *the end crowns the work* и шведской *ändan köner verket* параллелей при их одинаковом совпадении с вероятными прототипами французского *la fin couronne l'oeuvre* и латинского *finis coronat opus* языков.

Особенности развития интернациональных ФК в первую очередь связаны с переоформлением калькируемых оборотов по нормам заимствующих языков¹¹. Наши материалы свидетельствуют, что основными причинами расхождений лексического наполнения между параллельными ФК, а также между ФК и их прототипами оказываются: семантические особенности опорных лексем, неодинаковая продуктивность лексем в образовании ФЕ, различия в синонимических потенциалах, особенности лексической валентности, изменения сочетаемости.

Исторический подход к изучению ФК показывает, что тенденция их к автономному развитию может вызывать значительные формальные и семантические перестройки. В частности, изменение диапазона сочетаемости ФК в процессе ее ассимиляции и укоренения на почве заимствующего языка иногда оказывается настолько существенным, что перестраивается ее семантика и преобразуется форма, т. е. в действительности происходит становление новой ФЕ, утрачивающей в значительной степени качество интернациональности по отношению к прототипу. Примером может служить развитие русской ФК „до корней волос“ с французского оборота *Jusqu'à la racine des cheveux*. Первоначально форма „до корней волос“ использовалась в значении—сильно, целиком, полностью, а ее сочетательные способности были широкими и не ограничивались глаголом „краснеть“¹². Позже ограничение диапазона сочетаемости кальки „до корней волос“ глаголами „покраснеть“, „вспыхнуть“ фактически зафиксировало данные глаголы в качестве компонентов ФЕ „покраснеть (или вспыхнуть) до корней волос“, кстати, неправоммерно, на наш взгляд, рассматриваемые „Фразеологическим словарем русского языка“ под ред. А. И. Молоткова (1967) лишь как слова-сопроводители, находящиеся в тесной связи с формой „до корней волос“, но не входящие в ее состав. Фактом современного русского языка следует признавать устоявшуюся форму „краснеть (покраснеть или вспыхнуть) до корней волос“ в значении—испытывать, чувствовать стыд.

В ряде случаев наблюдается параллелизм в развитии сочетательных способностей ФК, способствующий расширению интернационального фонда. Ср., например, существование параллельных глагольных ФЕ наряду с калькированными форма-

ми с латинской *ad calendes graecas*: рус. „откладывать до греческих календ“ (от „до греческих календ“) — англ. *put off to the Greek Kalends* (от *at* или *on the Greek Kalends*) — фр. *ajourner* (*remettre* или *renvoyer*) *au calendes gresques* (от *au calendes gresques*) — ит. *rimandare* (или *mandare*) *alle calende greche* (от *alle calende greche*) — исп. *dejar* (или *apartar*) *para las calendas giegas* (от *para las calendas giegas*) — рум. *a amîna la calendele grecești* (от *la calendele grecești*). В определенной степени аналогичные

преобразования параллельных ФК могут объясняться действием этимологических реминисценций, как это имеет место в данном случае. Ср. отрывок („Жизнеописание двенадцати Цезарей“, Октавиан Август, 87), в котором римский историк Гай Светоний Транквилл приписывает выражение *ad calendes graecas* императору Августу, который употреблял его по отношению к должникам¹³:

лат. *Quotidiano sermone quaedam frequentius et notabiliter usurpasse eum, litterae ipsius autographae ostentant. In quibus identidem quum aliquos nunquam soluturos significare vult, „Ad Kalendas Graecas“ soluturos ait (Vita XII Caesarum, Octavius Augustus, 87).*

Иногда семантические изменения ведут к значительным формальным перестройкам. Приведем пример воздействия семантических преобразований ФК на ее сочетаемость и связанного с этим формирования самостоятельной ФЕ. Развитие обширной полисемии у английской кальки *bull's eye* (тж. *bull's-eye*) с французской ФЕ *oell de boeuf*, в том числе значения — яблоко мишени, которое отсутствует у французского прототипа, обусловило сочетаемость данной кальки с глаголами *hit*, *make*, *score*, приведшую к образованию самостоятельного фразеологизма *hit (make или score) the bull's eye* со значением — попадать в цель, попадать в яблоко мишени; иметь успех, добиться поставленной цели. Итальянская *oschio di bue* и испанская *ojo de buey* параллели не проявили себя в подобном качестве.

Образование и ассимиляция ФК в языке-заимствователе сопровождается двумя противоположными тенденциями: 1) стремлением ФК приспособиться к строю заимствующего языка, 2) тяготением ФК остаться в грамматическом, лексическом и семантическом отношениях тождественными их прототипам. Тенденция к сохранению элементов традиционно необычных или чуждых для принимающего языка свидетельствует о стремлении данных образований к интернационализации.

Как показывает материал, наибольшее сопротивление к межъязыковому сближению при калькировании проявляется в области грамматики с ее консерватизмом и системностью, жестко диктующими нормы принимающего языка, а также в области лексики с ее отягощенностью экстралингвистическими

связями. В значительно меньшей степени изменяется семантика. В случаях параллельного калькирования индивидуальным семантическим преобразованиям обычно подвергаются лишь отдельные кальки. Ср., например, семантическое расхождение между немецкой ФК и ее английским прототипом: нем. *der Letzte der Mohikaner*—разг. шутол. последнее (последняя бутылка вина; последняя монета; последний кусок хлеба и т. п.) с англ. *the last of the Mohicans*—книжн. последний представитель какого-л. отмирающего социального явления (по названию романа Д. Ф. Купера). Следующие ФП используются в значении прототипа: рус. „последний из Могижан“—болг. „последният Мохикан“—чеш. *poslední mohykan*—швед. *den siste mohikanen*—исп. *el último mohicano*.

С этой точки зрения сохранение лексико-грамматического совпадения между ФК и их прототипами признается нами ярким проявлением стремления калек к межъязыковому сближению. Наиболее интенсивное и относительно легкое укоренение ФК наблюдается при билингвизме¹⁴.

В области близкородственных языков в силу их возможной структурной близости точное калькирование, не сопровождаемое значительными нарушениями норм заимствующих языков (что исключает последующие преобразования калек), может быть преобладающим, о чем, в частности, свидетельствуют результаты изучения процессов и явлений фразеологического калькирования чешским языком с русского в период после второй мировой войны¹⁵.

Наличие универсальных структурно-грамматических моделей или общих черт лексико-семантической системы в значительной степени снимает противоречия взаимодействующих языков, облегчает процесс интернационализации. Таковым, например, является случай калькирования структур с совпадающей позицией определения в романских языках. Ср. структурно-грамматическое совпадение калек с их прототипами: фр. *sang bleu*—ит. *sangue azzurre* (или *blu*) с исп. *sangre azul*.

В славянских и германских языках параллельное калькирование сопровождается перестановкой позиций определений: рус. „голубая кровь“—болг. „синя кръв“—чеш. *modrá krev*—англ. *blue blood*—нем. *blaues Blut*—швед. *blätt blod*. Ср. также закономерные структурно-грамматические совпадения и расхождения между ФК и их прототипами в следующих случаях: рус. „холодная война“—болг. „студена война“—серб.-хорв. „хладан рат“—чеш. *studená válka*—нем. *der kalte Krieg*—швед. *det kalla kriget*—фр. *guerre froide*—ит. *guerra fredda*—исп. *guerra fría*—рум. *razboi rece* с англ. *the cold war*; рус. „желтая пресса“—болг. „жълта преса“—чеш. *žlutý tisk*—нем. *gelbe Presse*—швед. *gula pressen*—фр. *presse jaune*—ит. *stampa gialla*—исп. *prensa amarilla* с англ. *the yellow press*.

Установление интернационального затруднено при наличии полных структурных расхождений, возникающих в редких случаях образования ФК от иноязычных сложных слов или сложных слов-калек от иноязычных фразеологизмов. Относительно высокой отождествляемостью отличаются фразеологические полукальки, характеризующиеся той или иной степенью материального сходства.

В целом фразеологическое калькирование¹ — основной, наиболее продуктивный способ интернационализации фразеологии по линии заимствования.

Семантическое фразеологическое заимствование и интернационализация

Другим активным и эффективным способом интернационализации фразеологии по рассматриваемой линии является выделяемое нами «семантическое фразеологическое заимствование». Его сущность и особенность состоят в том, что оно ведет к становлению интернационального на основе исконного материала под действием мотивировок-стимулов действительности (образов, реалий, ситуаций, событий и т. п.) как достояний иноязычных народов, но без опоры на какую-либо сложившуюся иностранную языковую форму, модель как таковую. Связь с иноязычностью осуществляется лишь через мотивировки-стимулы, т. е. экстралингвистически, например: рус. «идти в Каносу» — англ. go to Canossa — нем. nach Canossa gehen — фр. aller à Canossa и т. д. — выразить покорность, поступившись своими принципами и унизившись перед противником (ФЕ возникли в связи с тем, что в Каноссе, замке в Северной Италии, в январе 1077 года отлученный от церкви и низложенный император так называемой «Священной Римской империи» Генрих VI униженно вымаливал прощение у своего противника — папы Григория VII); англ. drop (или throw) the handkerchief — фр. jeter le mouchoir — остановить свой выбор на ком-л (ФЕ восходят к обычаю турецких султанов бросать платок той из своих жен, с которой они хотели провести ночь).

Иногда подобного рода новообразования становятся источником ФК: фр. enterrer la hache de guerre с англ. bury the hatchet (у североамериканских индейцев существовал обычай при заключении мира зарывать боевой топор, а перед началом войны выкапывать его).

В основе механизма интернационализации посредством данного способа заимствования заключено действие как мыслительных, психологических универсалий (способность человека создавать одинаковую образную идею под влиянием внешних стимулов), так и потенциальных языковых (существование, по нашему убеждению, потенциальных языковых моделей переменных словосочетаний, возникающих под действием компонентов языковых и экстралингвистических прообразов, взаимодействие которых диктует одинаковые схемы вербального выражения в разных языках).

В данном случае отождествление ФИ осуществляется на основе лексико-семантического и структурно-грамматического совпадения, часто при участии международного информационного компонента, который обозначает, получившие широкую известность, явления, реалии, события и т. п. Например: рус. «драконовские (или драконовы) законы» — болг. «драконовски закони» — серб.-хорв. «драконски закони» — англ. *Drakonian laws* — нем. *drakonische Gesetze* — швед. *drakoniska lagar* — фр. *lois draconiennes* — ит. *leggi draconiane* — исп. *leyes draconianas* — рум. *legi draconic* — суровые законы (так были названы по имени Афинского законодателя Дракона в VII в. до н. э. законы, отличавшиеся непомерной суровостью).

Таким образом, специфический культурный субстрат может стать питательной средой для развития фразеологического параллелизма.

Фразеологическое заимствование без перевода и интернационализация

Определенная часть интернационального фразеологического фонда языков пополняется фразеологическими единицами, входящими в языки без перевода в оригинальной форме. Они облечены в иноязычные звуковые и графические оболочки, подчинены иноязычной грамматической связи. Это образования типа лат. *habeas corpus*, *sanctum sanctorum*, *consensus omnium*¹⁶.

ФИ данной разновидности характеризуются высокой степенью устойчивости формы и значения. И хотя рассматриваемые ФИ могут с течением времени менять форму, калькироваться, преобразовываться семантически и стилистически, в целом тенденция к сохранению тождества форм и значений преобладает над стремлением ассимилироваться по законам принимающих языковых систем. ФИ этого типа отличаются самой высокой отождествляемостью среди всех типов интернациональной фразеологии.

Об общем в интернационализации фразеологии и лексики по линии заимствования

Языковая миграция — один из основных путей интернационализации как лексики, так и фразеологии.

С позиции синхронии заимствованное осознается как таковое лишь при условии сохранения признаков иноязычности. Возможность потери указанных признаков придает статусу заимствования относительный характер. Изменение облика новообразований как следствие ассимиляции снижает качество интернационального, сообщает ему также относительный характер. Отсутствие конгруэнтности форм и значений интернационализмов наблюдается при всех способах заимствования.

Заимствование как возможный проводник достояний, первоначально принадлежащих другому народу, суть один из путей опосредствованного познания действительности. Заимствование обо-

гащает значимую сторону заимствующего языка и расширяет интернациональную понятийную картину мира.

Характеристики интернационального и заимствованного нередко перекрещиваются, а иногда и накладываются, что также подчеркивает относительный характер данных явлений. Часто их разграничение возможно лишь диахронически.

Исторически факт заимствования предшествует факту интернационального. Вообще заимствование тяготеет к речи, особенно на первых этапах его функционирования и ассимиляции в иноязычной системе, а интернационализм — к языку.

В основе отношений между источником заимствования и заимствованием лежит причинная связь. А отношения между интернационализмами определяются функционально. Языковая миграция происходит во времени, что дает возможность устанавливать причины межъязыковых передвижений. Функционально существенные результаты миграции закрепляются в качестве интернационального.

В основе интернационализма как результата заимствования часто заключается национальное, первоначально присущее иной языковой системе. Нередко национальный компонент полностью не растворяется при интернационализации, существует совместно с интернациональным (возможны различные комбинации признаков национального и интернационального).

Интенсивный процесс заимствования ведет к возникновению многочисленных интернационализмов (обширных рядов параллелей). Многочисленные интернационализмы создают межъязыковую зависимость и пребывают в состоянии относительной стабильности, что способствует сохранению их сходства.

Некоторые особенности фразеологического заимствования и интернационализации фразеологии

Первоначально при всех способах фразеологического заимствования иноязычных моделей, а также при образовании семантических фразеологических заимствований под действием мотивировок-стимулов значения иностранных ФЕ и содержание воспринимаемых стимулов предстают в нашем сознании в виде понятий¹⁷. Заимствовав или на первой стадии скорее осознав содержание иностранного оборота или мотивировки-стимула, оно (содержание) остается невыраженным понятием, так сказать «вещью в себе», до тех пор, пока не будут созданы средства для его выражения. Время приобщения понятия к структуре конкретного языка, очевидно, зависит от пути образования необходимой материи, точнее, от способа фразеологического заимствования¹⁸. Здесь речь идет о начальном, если можно так сказать, «пробном» функционировании новообразованной фразеологической единицы, не получившей еще настоящего гражданства в языке, т. е. действительно национальным новообразованный языковой факт (в данном случае ФЕ) становится значительно позже, когда ФЕ как результат творческого акта ее создателя

и существующая на первом этапе только для него превращается в достояние целого языкового коллектива.

Время, необходимое для окончательного укоренения инновации в языке, принципиально не зависит от того, как она образуется: как единство формы и содержания или же поэтапно в случае калькирования и семантического фразеологического заимствования. Каждый отдельный случай может иметь свои особенности, меняющиеся в зависимости от исторических условий заимствования, потребностей общества в данного рода инновациях, конкретных взаимодействующих языков, характера их взаимодействий и др. В высшей степени существенными для возможности межъязыковых передвижений являются связанные с ними системно-структурные отношения, их перестройки, «характер структурных реакций внутри системы»¹⁹. Данные вопросы требуют специального исследования и выходят за рамки нашей проблематики.

Как известно, сущность одного и того же явления, понятия может выражаться в разных языках различными признаками. Особенно это касается фразеологии. Для большинства понятий, передаваемых фразеологизмами одного языка, можно найти ФЕ в другом языке, выражающие соотносительные понятия. Понятия, передаваемые фразеологизмами разных языков, чаще всего оказываются универсальными по своей сущности, ибо «собственно фразеологические единицы лишь в незначительной степени могут служить обозначением новых явлений экономической, политической жизни общества»²⁰.

Фактический материал показывает, что фразеологическое заимствование, как правило, не связано с необходимостью передать новые понятия. Общеизвестные понятия являются обобщением представлений, возникающих на основе тех специфических отношений действительности, которые по своему первоначальному содержанию представляются уникальными для иноязычного общества, но которые затем, получив обобщение, распределяются по понятийным сферам, общим для многих языковых коллективов.

Заимствование фразеологизма всегда связано с осмыслением внутренней формы, с попытками выяснить и осознать первоначальное конкретное содержание, передаваемое данной семантической структурой. Познание этой конкретности нередко есть познание фактов действительности, принадлежащих первоначально другому народу. Конечно, не все образования построены на отражении специфики разного рода реалий, деталей быта и т. д., окружающих носителей данного языка. Далек не всегда в одинаковой степени возможно выявить указанные особенности, т. к. часто имеют место случаи совпадения объектов восприятия, послуживших возникновению близких ФЕ в разных языках. Тем не менее, характер обобщения явлений действительности, свойственных всем или, по крайней мере, многим народам, отличается национальным своеобразием, особенностями выражения, необычностью ассоциативных связей. То, что остается неотраженным данным языковым коллективом, подмечается им после заимствования и позволяет глубже проникнуть в

существо воспринимаемого явления, полнее раскрыть его другие стороны. Таким образом, в случае восприятия тождественного понятия, передаваемого иноязычной моделью или иностранным стимулом, оно (понятие) обновляется, окрашивается своеобразием национального выражения заимствованного языка и, войдя в систему заимствующего языка, образует новое семантическое целое.

Как явствует из изложенного выше, под заимствованием значения понимается не только появление такого значения, в основе которого было бы заключено неизвестное до сих пор понятие. Здесь имеется также в виду укоренение значений, новизна которых обусловлена уникальностью национального выражения (спецификой образа, символа, реалии и пр.). Многие фразеологические заимствования характеризуются указанными особенностями.

Итак, в отличие от интернационализации лексики в результате словообразовательного калькирования и материального лексического заимствования, чаще всего связанных с передачей новых понятий, в основе интернационализации фразеологии, осуществляемой по линии заимствования, обычно лежит вербальное выражение общего понятийного фонда.

Обозначение фразеологическими заимствованиями понятий, известных принимающему языку, способствует интернационализации не только значимой, но и формальной стороны взаимодействующих языков в сфере фразеологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование дает основание подвести следующий итог. Установление ФИ осуществляется на основе факта межъязыковой соотносительности ФЕ, которая проявляется как по линии их содержания, так и формы. Принадлежность межъязыковых фразеологических соответствий к тому или иному типу ФИ находится в прямой зависимости от количества, качества и соотношения признаков их сходства и различия. Нами выделяются 5 основных типов ФИ: 1) интернационализмы с полным фонографическим (звуковым и графическим) сходством, 2) интернационализмы с частичным фонографическим (звуковым и/или графическим) сходством, 3) изоморфические интернационализмы, 4) формальные интернационализмы, 5) потенциальные интернационализмы. Выделенные типы ФИ являются собой формы межъязыковой фразеологической общности, складывающейся под действием лингвистических и экстралингвистических универсалий, как результат генетического языкового единства, языковых, культурно-исторических контактов, особенностей языкового развития.

Изучение места (значимости) каждого типа ФИ в интернациональном фразеологическом корпусе языков славянской, германской и романской групп показывает, что центральное положение занимают изоморфические интернационализмы. Изоморфические интер-

национализмы, характеризуясь высокой продуктивностью, составляют самую многочисленную группу ФИ. Кроме того, им присуща наибольшая функциональная активность. Данные свойства этих интернационализмов в значительной мере связаны с высокой степенью национальности их материальной формы. Вообще та или иная степень интернациональности, определяемая с учетом сходств и различий формальных и семантических показателей сопоставляемых ФЕ, не обязательно сопровождается соответствующей степенью их продуктивности и функциональной активности. Так, в целом ФИ, характеризующиеся максимальной однородностью внешней формы и полным семантическим совпадением, восходящие к общим, часто классическим источникам, являются менее продуктивными образованиями, составляют более инертный пласт интернационального фразеологического фонда по сравнению с ФИ других групп, за исключением тех случаев, когда материальное тождество есть результат генетического родства языков. Не в малой степени это обуславливается тем обстоятельством, что межъязыковая материальная однородность проявляется как внутриязыковая неоднородность, особенно в языках с разной графической и звуковой системой. Иноязычность внешней формы, малая доля в ней признаков национального и тем более их практическое отсутствие обеспечивает легкость идентификации таких ФИ и вместе с тем сообщает им заметную внутриязыковую инертность, сдерживает развитие их функциональной активности.

Однако, с другой стороны, отмеченная неоднородность, нередко подвергаясь преобразованиям в своем стремлении к сглаживанию, ведет к приобретению исходным семантическим целым дополнительных (параллельных) форм существования, т. е. оказывается одной из движущих сил расширения и активизации интернационального фразеологического фонда.

Вместе с тем высокая функциональная активность и продуктивность не всегда сопровождаются исключительностью национальной формы, высшим проявлением которой в межъязыковом плане оказывается параллелизм в противоположность материальному тождеству. Так, высокой отождествляемостью и функциональной активностью характеризуются многочисленные интернационализмы с информационным обязательным частичным материальным тождеством (национальность которого имеет достаточно ярко выраженный относительный характер), а также многие образования, занимающие промежуточное положение между ними и ФИ с полным фонографическим сходством.

Между установленными типами ФИ, а также между самим национальным и интернациональным в области фразеологии не существует непроходимых границ. Границы эти постепенны, а промежуточные типы, характеризующиеся соответственно определенными семантическими и формальными показателями переходной неоднородности, многочисленны.

Категория интернационального — категория множественного. Единичных интернационализмов не существует. Если категория ин-

тернационального определяется с межъязыковых позиций, то и границы национального уточняются при межъязыковом рассмотрении.

Диалектическое единство противоположных категорий национального и интернационального в сфере фразеологии определяет их относительность, проявляющуюся в способности взаимопроникать, переходить друг в друга, в отсутствии существования этих категорий в «чистом» виде.

В целом в своей тенденции к межъязыковому сближению фразеология избегает формальной и содержательной конгруэнтности, абсолютной гомогенности. Убедительным примером тому служат материально (фонографически) и семантически идентифицируемые ФИ, тождество которых имеет относительный характер, проявляющийся в устанавливаемых расхождениях (преобразованиях) этих интернационализмов.

Результаты глубинного анализа фразеологической интернационализации свидетельствуют об отсутствии прямолинейности конвергентного развития фразеологии привлекаемых языков. В работе в пределах каждого типа ФИ установлены и систематизированы основные факторы, препятствующие формированию межъязыковой фразеологической общности, изучена причинная обусловленность целого ряда явлений дивергентного характера. Особенно детально подверглись рассмотрению в этом плане изоморфические интернационализмы. Отсутствие прямолинейности конвергентного развития фразеологии не исключает возможность прогнозирования процессов фразеологического сближения. Выявление закономерностей действия факторов, тормозящих конвергенцию, делает реальным предсказуемость «неожиданных поворотов» интернационализации фразеологии.

Формирование интернационального фразеологического фонда языков происходит двумя основными путями, хотя и не сводится только к ним: по линии независимого возникновения сходных фразеологических образований под действием различного рода лингвистических и экстралингвистических универсалий и по лингвомиграционной линии. Изучение путей фразеологической интернационализации раскрывает многообразие и переплетение процессов независимого становления одинаковых или близких в структурно-типологическом отношении ФЕ в совокупности с различными формами фразеологической миграции и показывает в целом сложность конвергентного развития фразеологии.

Исследование универсальных явлений во фразеологии существенно для изучения перспектив фразеологической интернационализации и возможностей регулирования рассматриваемых процессов. Наибольшие возможности предсказуемости развития фразеологического параллелизма открываются в областях лексико-тематического и тематико-семантического конструирования.

Изучение этимолого-генетических корней независимого развития межъязыкового фразеологического параллелизма позволило проследить связь образов фразеологических параллелей с самыми разными сферами материально-культурной и общественно-экономической жизни народов, их историей, с проявлением психофизиологи-

ческой деятельности человека, с явлениями живой и неживой природы и др. Значительная общность этих сфер составляет стимулирующую основу интернационализации фразеологии по рассматриваемой линии, помогает разноязычным народам достигнуть одинаковых или близких логико-образных и логико-фразеологических идей.

Приведение к общему логическому содержанию, значению, а также к соотносительной форме ФЕ диктуется не только отношением вещей окружающей действительности и лингвистическими универсалиями, но и в определенной степени действием субъективной диалектики. Универсализация содержания и схем (структур) таких языковых единиц, как пословицы и поговорки, строящихся на отражении неоднородного, пестрого многообразия внеязыковой действительности, особенно заметно происходит под упорядочивающим действием форм мышления, высшим проявлением которых являются законы диалектики. В первую очередь это относится к возникновению выделяемых в работе потенциальных интернационализмов.

Рассмотрение соотношения значимости основных способов фразеологического заимствования (калькирование, заимствование без перевода в иноязычной материальной форме, семантическое фразеологическое заимствование) в интернационализации фразеологии показало, что на современном этапе наиболее продуктивным из них является калькирование.

Главным проводником межъязыковых воздействий, исторических, общественных влияний, ведущих к формированию интернационального фразеологического фонда, является литература народов-носителей тех или иных языков, оказывающихся ведущими на определенных этапах исторического развития. Дальнейшее закрепление, эволюция и популяризация в духовной жизни разноязычных коллективов культурно-исторических ценностей, созданных на предшествующих этапах общественного развития одними народами, может иметь место позже через литературу других народов, не являющихся фактически творцами этих ценностей. Так, происхождение многочисленных ФИ связано с существованием общего культурно-исторического наследия европейских народов, значительная роль в формировании которого, как известно, принадлежит античной истории, литературе, мифологии, представленным двумя ветвями — греческой и римской. В периоды культурных волн эпохи Возрождения и Классицизма происходило творческое переосмысление ценностей античного мира, и взаимодействие культур европейских народов, впитавших в себя элементы античности, вело к обогащению их языков фразеологизмами мифологического происхождения.

Новейшие исследования в области языковых контактов свидетельствуют об усиленном взаимовлиянии в сфере фразеологии отдельных языков европейско-американского ареала, особенно важная роль среди которых в настоящее время отводится русскому и английскому языкам.

Интернационализацию фразеологических фондов языков как результат фразеологической миграции следует изучать с учетом особенностей механизмов фразеологического заимствования, отличающихся от механизмов заимствования в области лексики как одного

из действенных путей интернационализации лексических составов языков.

Дальнейшее исследование процессов и явлений фразеологической интернационализации, в частности изучение промежуточных типов ФИ и переходной связи между ними, систематизация признаков их идентификации, поднятая на достаточно высокий и вместе с тем не нарушающий специфику объекта исследования уровень формализации, определение иерархии отдельного и совокупного действия универсалий, стимулирующих развитие фразеологического параллелизма, а также их детерминированности, изучение становления межъязыковой фразеологической общности по синхронным срезам (то, что предлагаем называть областью исторической интернационализации), специальная разработка социальных аспектов данных процессов и мн. др. поможет решить целый ряд актуальных теоретических и практических проблем современного языкознания и прежде всего проблемы общеязыковой типологии (например, раскрытие соотносительности закономерностей формирования и функционирования фразеологизмов языков мира).

Обширность пласта интернациональной фразеологии, являющейся по охвату языков неограниченной универсалией, многочисленность и неоднородность типов ФИ, специфика и сложность процессов интернационализации в сфере фразеологии определяют необходимость использования целого комплекса методов для ее изучения. Все это, а также многочисленность и важность задач (в первую очередь связанных с изучением общих и частных закономерностей конвергентного развития фразеологии), стоящих перед исследователями в данной области, большие перспективы, открывающиеся в связи с решением этих задач (например, создание вероятностных и статистических моделей конвергентных и дивергентных процессов и явлений, экстраполяция и прогнозирование результатов межъязыковых фразеологических взаимодействий, регулирование этих процессов и мн. др.) и, кроме того, положение фразеологии как самостоятельной дисциплины позволяет утверждать необходимость придания системе изучения проблем фразеологической интернационализации статуса самостоятельного лингвистического направления.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. ФЕ—фразеологическая единица.
2. ФИ—фразеологический интернационализм.
3. ФП—фразеологическая параллель.
4. ИИ—изоморфический интернационализм.
5. Форм. И—формальный интернационализм.
6. ОЧМТ—обязательное частичное материальное тождество.
7. ФК—фразеологическая калка.
8. КФЕ—коммуникативная фразеологическая единица.

Глава I. Изучение фразеологической интернационализации как самостоятельное лингвистическое направление

¹ См., например, библиографию по вопросам интернационализации в работе: Акуленко В. В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков, 1972, с. 202—212.

² Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев, 1974, с. 3.
³ В. В. Акуленко отмечает, что факторы, препятствующие выделению области изучения межязыковых отношений, приобретению ею статуса самостоятельности, коренятся в прошлом развитии языкознания. Изолированность рассмотрения языков, их идеализация как объекта исследования, свойственные последовательно натурализму, младограмматизму, структурной и генеративной лингвистике, исключало учет всей совокупности экстралингвистических факторов речевой коммуникации, а также моментов, определяющих языковое взаимодействие. Акуленко В. В. Лексические интернационализмы и методы их изучения. — «Вопросы языкознания», 1976, № 6, с. 50.

⁴ Обзор определенных понятия «интернациональная лексика», выводимых на основе количественных и качественных показателей в отечественной и зарубежной литературе, см.: Хайруллин М. Б. Интернациональная терминология в татарском языке. АКД, Казань, 1975, с. 9—11.

⁵ Акуленко В. В. Лексические интернационализмы и методы их изучения. — «Вопросы языкознания», 1976, № 6, с. 51.

⁶ «Различие между «интернационализмами» и заимствованиями заключается лишь в способе их рассмотрения... при анализе «по вертикали», мы имеем дело с собственно заимствованиями в данном языке... если анализ ведется в «горизонтальном» плане, то перед нами так называемые «интернациональные слова». Мажовский М. М. К проблеме так называемой «интернациональной лексики». — «Вопросы языкознания», 1960, № 1, с. 45.

⁷ Ср. категорическое высказывание по этому поводу Ю. А. Бельчикова: «Обычно интернационализмы рассматриваются в связи с проблемой иноязычного заимствования; до последнего времени их включали в состав заимствованной лексики. Действительно, интернациональная терминология ближе всего примыкает к заимствованной лексике и имеет некоторые общие черты. Однако названные лексические группы отождествлять нельзя». Интернациональная терминология в русском языке. М., 1959, с. 7—8.

Еще с большей настоятельностью и определенностью пишет об этом В. В. Акуленко, относя интернациональные слова к лексической категории синхронии. Об интернациональных словах в современном русском языке. — «Уч. зап. Харьковского ун-та», 99. Труды филол. ф-та, 6, 1958, с. 94.

⁸ Промежуточные позиции представлены, например, работами: Jespersen O. Papers in International Language. London, 1921; Fogarasi M. Beiträge zur Geschichte der internationalen Bildungssuffixe des Russischen. Budapest, 1965; Wüster E. Internationale Sprachnormung in der Technik besonders in der Elektrotechnik. Bonn, 1966.

⁹ Акуленко В. В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков, 1972.

¹⁰ Акуленко В. В. Указ. соч., с. 55.

¹¹ Акуленко В. В. Указ. соч., с. 48.

¹² Причины возникновения интернациональных слов в суммированном виде приводятся в одной из более ранних работ В. В. Акуленко: «интернациональные слова могут появляться в результате заимствования слов из других языков, заимствования слов данного языка другими языками, параллельного с другими языками словообразования целиком или частично на базе общего интернационального материала, словообразовательного и семантического калькирования при условии хотя бы частичной интернациональности материала, подключения слов данного языка к процессам интернационализации этимологически близких и синхронически сходных слов родственного языка, параллелизма в фонетической мотивировке звукоподражательных и детских слов.

Вопросы изучения лексических интернационализмов и процессов их образования.—Сб.: Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969, с. 84. Детально см.: Акуленко В. В. Вопросы интернационализации..., с. 162—164.

¹³ Тимошенко Е. И. Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок. Киев, 1897, с. 1.

¹⁴ Тимошенко Е. И. Указ. соч., с. 2.

¹⁵ Займовский С. Г. Крылатое слово. М., 1930 (введ.).

¹⁶ См., например:

Vakk F. Das Entleihen der Phraseologismen im Estnischen (auf Grund der Belege der somatischen Phraseologie). Congressus tertius internationalis fenno-ugristarum. P. I, Acta Linguistica. Tallinn, 1970, с. 398—400;

Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970, с. 216—252; Пономаренко Л. А. Использование калькированных устойчивых сочетаний для выявления отличительных характеристик структуры взаимодействующих языков.—Сб.: «Методы билингвистических исследований. М., 1976, с. 106—109. Солодухо Э. М. Вопросы сопоставительного изучения заимствованной фразеологии. Казань, 1977, с. 37—42.

Бабкин А. М., Шендеров В. В. Словарь иноязычных выражений и слов. М.—Л., 1966; Овруцкий Н. О. Крылатые латинские выражения в литературе. М., 1969; Bliss A. J. A Dictionary of Foreign Words and Phrases in Current English. London, 1977.

¹⁷ См., например: Странд-Юхансен Е. Русско-норвежские языковые контакты и некоторые проблемы современной русско-норвежской учебной лексикографии.—Сб.: Проблемы учебной лексикографии. М., 1977, с. 129—130. Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980, с. 43; «Русско-болгарский фразеологический словарь» под ред. С. Влахова (введение). Москва—София, 1980, с. 16.

¹⁸ Таким образом оказывается, например, утверждение, что «так называемые интернациональные фразеологизмы в составе русского языка занимают незначительное место». Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Л., 1977, с. 219.

¹⁹ См., например: Вурм А. Ф. Сходства и различия русской и чешской фразеологии.—«Русская речь», 1976, № 4, с. 114. Высказывания о причастности к интернациональной фразеологии параллелей, возникших в разных языках независимо друг от друга, единичны. См., например: Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980, с. 189.

²⁰ Здесь отметим лишь ученых, специально занимающихся данными образованиями: Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие, источники и лексикографическая разработка. АДД. Л., 1968, с. 23; Князева Л. Э. О функциях нетранслитерированных выражений в публицистике В. И. Ленина.—«Уч. зап.», т. 92.—Сб. материалов совместной научной сессии Рязанского гос. пед. ин-та (РСФСР) и пед. ин-та Эрфурт-Мюльхаузен (ГДР). Рязань, 1971, с. 189; Пономаренко Л. А. Устойчивые лексемосцепления контактирующих языков. АДД. Тбилиси, 1978, с. 46 и др.

²¹ Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1975, с. 263—264.

²² См., например: Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка. М., 1976, с. 299.

²³ См. библиографические выпуски: Ройзензон Л. И., Бушуй А. М. Материалы к общей библиографии по вопросам фразеологии, вып. 2. Самарканд, 1970, с. 131; Бушуй А. М. Библиографический указатель литературы по вопросам фразеологии, вып. 4. Самарканд, 1976, с. 85; Бушуй А. М. Библиографический указатель литературы по вопросам фразеологии, вып. 5. Самарканд, 1979, с. 76.

²⁴ См., например: Берлизон С. Б. Международные устойчивые обороты.—«Труды Самаркандского гос. ун-та», новая серия, вып. 222. Вопросы фразеологии, стилистики и грамматического строя романо-германских языков. Самарканд, 1972; Гаврин С. Г., Крючкова Л. А. Интернациональная фразеология и ее роль в обогащении фразеологического фонда русского языка.—«Уч. зап. Пермского гос. пед. ин-та», т. 135. Пермь, 1974.

²⁵ См., например, попытки изучать параллелизм некоторых типов ФИ по образцу особенностей параллелизма определенных типов интернациональных

слов: Акуленко В. В. Интернациональность фразеологизма и интернациональность слова.— «Труды Самаркандского гос. ун-та», новая серия, 219. Вопросы фразеологии, ч. 1. Самарканд, 1972, с. 139—143.

²⁶ Наряду с вышеуказанной работой данного автора, см. ее же: Устойчивые интернациональные обороты и их использование В. И. Лениным.— «Уч. зап», т. 92. Сб. материалов совместной научной сессии Рязанского гос. пед. ин-та (РСФСР) и пед. ин-та Эрфурт-Мюльхаузен (ГДР). Рязань, 1971, с. 191—196.

²⁷ Берлизон С. Б. Международные устойчивые обороты..., с. 13.

²⁸ Ройзензон Л. И., Авалиани Ю. Ю. Современные аспекты изучения фразеологии.— Сб.: Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1967, с. 72—79.

Ю. Ю. Авалиани в другой статье (Понятие структурообразовательной типологии фразеологических единиц.— Сб.: Актуальные вопросы фразеологии. Самарканд, 1968) развивает основы структурно-типологического метода. Здесь, в частности, утверждается подчиненность структурной организации ФЕ закономерностям, которые определяются особенностями грамматического строя, спецификой дистрибуции и валентности слов разных языков (указ. соч., с. 1, 2), наличие типологических аналогий образной структуры, «воспроизводимой и повторяющейся в других фразеологических единицах одного круга» (там же, с. 2), существование стержневых слов в однотипных рядах ФЕ, которые испытывают изменения (прежде всего их десемантизация и связанные с ней явления), «свойственные вообще структурообразованию фразеологических единиц большинства языков» (там же, с. 2, 3), способность соотносительных стержневых слов определять в структурных рядах многих языков ту или иную тему (там же, с. 3, 4) и др.

Плодотворными для развития структурно-типологического метода являются исследования, в которых раскрывается закономерность соотношения определенной грамматической структуры и ее лексической наполняемости. В этом русле находится, например, работа А. М. Эмировой по изучению «групповой устойчивости» некоторых предложно-именных сочетаний русского языка. К вопросу о структурной типологии устойчивых предложно-именных сочетаний в современном русском языке.— Сб.: Вопросы фразеологии и грамматического строя языков. Ташкент, 1967. Представляется полезным рассмотрение закономерностей подобного рода явлений в межъязыковом плане для изучения становления определенных фразеологических универсалий. См. также ссылки на некоторые другие работы двух последних авторов, играющие существенную роль в развитии структурно-типологического метода (с. 163).

См. также глубокие новаторские исследования М. М. Копыленко и З. Д. Поповой, в которых данные авторы на основе разработанного ими семантического языка, «пригодного для описания сочетаний лексем любого языка», проводят, поднятый на достаточно высокий и вместе с тем не нарушающий специфики объекта исследования уровень формализации, анализ сочетаний лексем, изучают разные типы фразеосочетаний: Очерки по общей фразеологии. Изд-во Воронежского ун-та. Воронеж, 1972; их же. Очерки по общей фразеологии. Проблемы, методы, опыты. Изд-во Воронежского ун-та. Воронеж, 1978.

О важности обнаружения «широких типологических параллелей, выходящих за пределы генетической языковой общности», для восстановления праславянской фразеологии пишет И. Толстой. См.: О реконструкции праславянской фразеологии. Славянское языкознание, VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973, М., 1973, с. 285.

Возможность независимого возникновения сходных или близких ФЕ в разных языках и роль экстралингвистических универсалий в развитии фразеологического параллелизма неоднократно отмечались в более ранних трудах многих лингвистов. См., например, об этом: Куни А. В. Некоторые замечания о фразеологических заимствованиях в современном английском языке.— «Уч. зап. МГПИИ», т. 80. Вопросы английского языкознания, вып. 3, М., 1958, с. 150. Более подробно у него же: «Иностранные языки в школе», 1953, № 3; Скупка Ст. Фразеологические идиоматизмы в польском языке и их происхождение.— Сб.: Славянская филология, вып. 3, М., 1958, с. 125, 154.

²⁹ Попов Р. Н. Методы исследования фразеологического состава языка. Курск, 1976, с. 56, 59.

³⁰ Ройзензон Л. И. Чешско-русская (сибирская) фразеологическая параллель. Известия Сибирского отделения АН СССР, серия общественных наук, 1, вып. 1, 1974, с. 121.

³¹ Л. И. Ройзензон подчеркивает, что вопросы, связанные с раскрытием процессов образования близких в структурно-типологическом отношении ФЕ разных языков мира, „могут разрабатываться лишь при наличии достаточного репрезентативного фактического материала. Вот почему накопление такого материала — пишет ученый — следует рассматривать как одну из важных задач исследователей фразеологии“. Указ. соч., с. 121.

³² Примерами подобных работ могут служить: А в а л и а н и Ю. Ю. Славяно-германо-иранские параллели (на материале формул повседневного речевого обмена). — „Труды Самаркандского гос. ун-та“, новая серия, вып. 288. Вопросы фразеологии, IX, 1975, с. 84—98; Х о д и н а Н. Т. Отражение поверий, предрассудков, обычаев во фразеологии (на материале русского, английского и французского языков). — Сб.: Вопросы структуры и семантики германских и романских языков. Воронеж, 1975, с. 103—108.

³³ См., например: В а й н т р а у б Р. М. Опыт сопоставления соматической фразеологии в славянских языках (к вопросу о сравнительном изучении славянской фразеологии). — „Труды Самаркандского гос. ун-та“, новая серия, вып. 288. Вопросы фразеологии, IX. Самарканд, 1975, с. 157—162; М о к и е н к о В. М. Славянская фразеология. М., 1980, с. 44—62; Г а в р и л ь е в Н. Н. К проблеме языковых универсалий (опыт сопоставительного анализа фразеологических единиц во французском и якутском языках). — Сб.: Вопросы романо-германской фразеологии. Якутск, 1975, с. 20—28; Траутманн Фридер. Сравнимое и несравнимое в немецко-русских фразеологизмах. — „Русский язык в национальной школе“, 1977, № 1, с. 75; G r a u r A. I. Alte etimologii românești. București, 1975, p. 15—16; R i z e s c u I. Contributii la studiul calcului lingvistic. București, 1958, p. 23.

³⁴ Гаврин С. Г., Крючкова Л. А. Интернациональная фразеология и ее роль в обогащении фразеологического фонда русского языка. — Уч. зап. Пермского гос. пед. ин-та, т. 135. Пермь, 1974.

³⁵ Указ. соч., с. 35.

³⁶ Указ. соч., с. 44.

³⁷ См. приложение, помещенное в конце анализируемой статьи (с. 46).

³⁸ Указ. соч., с. 36.

³⁹ Показательным в этом отношении является определение А. М. Бабкина интернационализмов, в том числе фразеологических, в котором последние отождествляются с ФЕ, входящими в языки без перевода: „Интернационализмы — это межъязыковой словесно-фразеологический фонд, освоение которого отличается известными особенностями. Слова и выражения международного лексико-фразеологического запаса хотя и ассимилируются заимствующими языками, но сам процесс ассимиляции протекает не так свободно, как при заимствовании иноязычного слова или выражения“. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970, с. 226.

⁴⁰ Генетико-ассоциативное определение интернациональной фразеологии — это определение, осуществляемое в синхронии на основе историко-этимологических реминисценций.

⁴¹ В. В. Акуленко, исходя главным образом из особенностей интернациональной лексики, признает возможность исключительно синхронического установления не только лексических, но и фразеологических интернационализмов. См.: Лексические интернационализмы и методы их изучения. — „Вопросы языкознания“, 1976, № 6, с. 61.

⁴² Интересно в этом отношении социологические свидетельства, которые приводит И. С. Кон: „Современная молодежь знает о физическом строении мира неизмеримо больше, нежели выпускники старой „классической“ гимназии, но она не знает древних языков, многие библейские и мифологические ассоциации и образы остаются для нее мертвыми, непонятными“. Социология личности. М., 1967, с. 355. Поэтому положение о том, что синхрония имеет исторический генезис в подобных случаях, лишней раз подтверждает необходимость обращения к истории (здесь к этимологии) для оценки фактов (отождествления ФЕ известных групп), принадлежащих сфере современного

языкового функционирования, однако, утрачивающих или утративших свое содержание для определенной части носителей языка. Отрицание этого (см. Акуленко В. В. Указ, соч., с. 61) представляется неправомерным.

⁴³ В последние годы на кафедрах иностранных языков заметно активизировалось изучение вопросов о приобщении студентов к самостоятельной работе как существенного момента процесса обучения иностранным языкам. Перед преподавателями возникли задачи разработки эффективных методических процедур, лабораторных заданий, систем упражнений и т. п., стимулирующих данный вид деятельности студентов. См., например: Тезисы докладов III научной конференции кафедр иностранных языков вузов Казани. Казань, 1974; Основные направления разработки методов и форм активного обучения студентов иностранным языкам в вузах РСФСР. Казань, 1980.

⁴⁴ Исследователи языков разных групп свидетельствуют о неординарной роли основных факторов и путей (генетическое родство, независимое развитие межъязыкового фразеологического параллелизма в результате одинакового осмысления фактов окружающей действительности, языковые, культурно-исторические контакты) их фразеологического сближения. См., например, данные, полученные в работах: Попович Р. И. Соотношение фразеологии французского, молдавского и русского языков. АКД, Л., 1967, с. 15; Зиньков А. Д. Сравнительный анализ адвербиальных фразеологических единиц со структурой словосочетания в современных германских языках (на материале английского, нидерландского, африканс, фризского, немецкого, шведского, датского, норвежского, исландского и фарерского языков). — Сб.: Исследования лексической сочетаемости и фразеологии. М., 1975, с. 216—217.

⁴⁵ См., например: Meillet A. Les interférences entre vocabulaires (1925). — "Linguistique historique et linguistique générale", t. II, P., 1938, p. 43; Вюстер Е. Международная стандартизация языка в технике (Сокр. пер. с нем.). Л. — М., 1935, с. 83; Derooy L. L'emprunt linguistique. P., 1956, p. 335; Pagliaro A., Belardi W. Linee di storia linguistica dell'Europa. Roma, 1963, p. 124; Вине Жан-Поль, Дарбельне Жан. Технические способы перевода. (Сноска дается по кн.: Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978, с. 160).

⁴⁶ Bally Ch. Le langage et la vie, 2 éd. Zürich, 1935, p. 198.

Глава II. Типы фразеологических интернационализмов

¹ Следует, однако, отметить, что в последние годы все более заметным становится направление изучения переводческих проблем с общелингвистических позиций. Так, например, Л. И. Швыдская рассматривает эквивалентность, исходя из знаковой природы языка. Сопоставительный анализ английских и русских пословиц. — Сб.: Фразеологическая система языка. Челябинск, 1976, с. 165—170; И. А. Краснянская подходит к изучению проблемы фразеологической эквивалентности в плане лакуарности. Сопоставительный анализ фразеологических единиц современного английского и русского языков и проблема лакуарности. — Сб.: Английская филология, вып. 214. Кривной, 1976, с. 33—39.

Подробно об этом направлении см. во вступительной статье В. Н. Комиссарова "Перевод как объект лингвистического исследования" в сб.: Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. В лингвистическом плане В. Н. Комиссаров определяет перевод "...как особый вид соотношенности функционирования языков". Там же, с. 6. См. также: Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М., 1980.

² Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М., 1968, с. 151. См. подробный анализ отношений переводческой эквивалентности на основе созданной В. Н. Комиссаровым теории уровней эквивалентности плана содержания. Слово о переводе. М., 1973, с. 75—157. Я. И. Рецкер убедительно доказывает возможность установления адекватных соответствий между экспрессивными словами или словосочетаниями и теми переводимыми ФЕ, образность которых не воспринимается. Теория перевода и переводческая практика. М., 1974, с. 164. Показательны в этом отношении также выводы Р. Якобсона о частом отсутствии полной эквивалентности между единицами кода при межъязыковом переводе из-за различий, например, в объеме их

семантики, что может обуславливать не замену одних кодовых единиц другими, а замену одного сообщения другим сообщением. О лингвистических аспектах перевода (сноска дается по кн.: Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978, с. 18).

Эффективной представляется классификация переводческой эквивалентности, разработанная В. С. Виноградовым, в которой учитывается широкий набор возможных характеристик (совокупность свойств и качеств), присущих межъязыковым лексическим соответствиям (форма и характер функционирования соответствий, объем передаваемой знаменательной информации, способ (прием) перевода). Лексические вопросы перевода художественной прозы. М., 1978, с. 65—84. Из работ последних лет по переводческой эквивалентности отметим также: Грдли ч ка М. Лингвострановедение и эквивалентность устойчивых словосочетаний.—Сб.: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1979, с. 148—152; Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980. См. в данной книге раздел, посвященный переводу ФЕ (с. 181—188).

³ См., например, следующие работы, в которых рассматриваются вопросы эквивалентности с позиции разных лингвистических дисциплин: Jakobson R. A la recherche de l'essence du langage.— "Diogenes", 51, 1965; Lyons John. Introduction to Theoretical Linguistics. Cambridge, 1969; Арнольд И. В. Тематические слова художественного текста.— "Иностранные языки в школе", 1971, № 2; Бережан С. Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц. Кишинев, 1973; Сильницкий Г. Г. Семантические и валентностные классы английских каузативных глаголов. АДД. Л., 1974; Попович А. Проблемы художественного перевода. М., 1980.

⁴ Показательным в этом отношении является разнообразие подходов к проблеме эквивалентности, неодинаковость определения данного понятия в работах зарубежных авторов — представителей трансляционной лингвистики (М. А. К. Хэллдея, Дж. Кэтфорда, Ю. Найды, Г. Егера). См. сб.: Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978.

⁵ Арнольд И. В. Эквивалентность как лингвистическое понятие.— "Иностранные языки в школе", 1976, № 1.

⁶ Арнольд И. В. Указ. соч., с. 11.

⁷ Там же, с.: 12, 13, 16.

⁸ Так, например, Р. А. Будагов, разграничивая понятия тождества и соответствия в сопоставительном синтаксисе, подчеркивает, что действительно тождественные синтаксические соответствия редкое явление. Соответствие и тождество в сопоставительном синтаксисе. В кн.: Язык, история и современность. М., 1971, с. 230.

⁹ Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976, с. 533. Ср. общенаучное значение термина "эквивалент": "Эквивалент [лат. *aequivalens* (*aequivalentis*)] — 1) равноценное, равнозначное, равносильное..." Словарь иностранных слов. М., 1964.

¹⁰ В некоторых более ранних определениях эквивалента, в том числе фразеологического эквивалента, лингвисты придавали равное значение совпадению всех сторон сопоставляемых единиц: "Эквивалент — это слово или выражение, целиком и полностью совпадающее со словом или выражением оригинала". Толстой С. С. Основы перевода с английского языка на русский. М. 1957, с. 13. Совпадения подобного рода относительно редки, и поэтому за пределами такого понятия эквивалента остается подавляющее большинство фразеологических соответствий, характеризующихся отдельными расхождениями в грамматической структуре, образе и др. Правда, выделялись еще и аналоги, которые все же не покрывали всех возможных вариантов внутриуровневых соответствий: "При переводе образных выражений аналогами передается внутренний смысл, значение образного выражения, но сам образ занимает другим. Этим образные аналоги отличаются от эквивалентов, совпадающих и по форме и по содержанию". Рецкер Я. И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык.—Сб.: Теория и методика учебного перевода. М., 1950, с. 163.

¹¹ Кунин А. В. "Предисловие к англо-русскому фразеологическому словарю" в кн.: Англо-русский фразеологический словарь. М., 1967, с. 8—10.

См. также другие работы данного автора: Перевод устойчивых образных словосочетаний и пословиц с русского языка на английский. — Иностранные языки в школе", 1960, № 5; О переводе английских фразеологизмов в англо-русском фразеологическом словаре. „Тетради переводчика“. М., 1964, с. 4—5; Письменный перевод с русского языка на английский. М., 1964, с. 96—97.

¹² Как В., Рецкер Я. О французской фразеологии и французско-русском фразеологическом словаре (вступительная статья к „Французско-русскому фразеологическому словарю“ под ред. Я. И. Рецкера. М., 1963, с. 12).

¹³ Ср., например, следующие определения: „Эквивалентность (полное соответствие) фразеологизмов в сопоставляемых языках...“, Попович Р. И. Соотношение фразеологии французского, молдавского и русского языков. АКД, Л., 1967, с. 8; „Эквивалентами мы называем ФЕ, совпадающие по значению, лексическому составу (либо полно, либо частично) и выполняющие одинаковую стилистическую функцию“. Нарзикулов А. Французская фразеология и вопросы французско-узбекского художественного перевода. АКД, Л., 1969, с. 7; Ю. П. Гольцекер фразеологическими эквивалентами называет разноязычные ФЕ, характеризующиеся идентичностью семантики, синтаксической структуры и образности. А „...смысловое совпадение целого при образном и семантическом несоответствии лексических компонентов фразеологических оборотов в двух языках называется фразеологическим аналогом“. К вопросу о методах передачи идиоматических выражений в переводах с близкородственных языков (на материале переводов художественной прозы с польского языка на русский и с русского на польский). — „Труды Самаркандского гос. ун-та“, новая серия, вып. 179. Самарканд, 1971, с. 71—72. Попутно отметим, что и относительно понятия аналога также не существует единого мнения (этот термин все реже встречается в современной лингвистической литературе). Так, В. В. Акуленко в отличие от определения вышеприведенного автора аналогами называет ФЕ типа рус. „золотой телец“ — англ. the golden calf — нем. goldenes Kalb и т. д., т. е. образования, характеризующиеся максимальным совпадением как раз лексического состава и образности. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков, 1972, с. 53.

¹⁴ Интернационализмы данной группы отдельно в работе не изучаются, а рассматриваются лишь в связи с вопросом о границах интернационального и национального в сфере фразеологии, проблемой соотношения определенных коммуникативных ФЕ с формами мышления и некоторыми другими частными и общими вопросами фразеологической интернационализации.

¹⁵ В. В. Акуленко отмечает существование интернационализмов данного типа за пределами европейских языков. Интернациональность фразеологизма. и интернациональность слова. — „Труды Самаркандского гос. ун-та“, новая серия, 219. Вопросы фразеологии, ч. 1. Самарканд, 1972, с. 141.

До сих пор далеко не все лингвисты считают возможным признать ФЕ данного типа законным достоянием заимствующих языков. См., например: Попов Р. Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. М., 1976, с. 25; Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980, с. 24. Однако, как убедительно показывают исследования А. М. Бабкина (1965, 1966, 1970) и некоторых других специалистов, непризнание принадлежности многих ФЕ рассматриваемого типа к фразеологическому фонду заимствующих языков, отношение к ним как к посторонним элементам неправомерно.

¹⁶ При изучении ФИ с полным фонографическим сходством использовались произведения художественной и публицистической литературы, а также данные следующих источников: Бабкин А. М., Шендеров В. В. Словарь иноязычных выражений и слов (кн. 1—2). М. — Л., 1966; Овруцкий Н. О. Крылатые латинские выражения в литературе. М., 1969; Bliss A. J. A. Dictionary of Foreign Words and Phrases in Current English. London, 1967; Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1967; Larousse Dictionnaire complet illustré. Paris, 1962 (Dictionnaire des locutions Latine et étrangères).

ФЕ, заимствованные в их оригинальной форме английским языком, подверглись специальному многоаспектному исследованию Л. А. Пономаренко:

Устойчивые лексемосцепления контактирующих языков. АДЛ. Тбилиси, 1978. с. 38—53.

¹⁷ Целый ряд примеров неуместной транслитерации приводит А. М. Бабкин в своей работе „Русская фразеология, ее развитие и источники“. Л., 1970, с. 238—240.

¹⁸ Słownik wyrazów obcych. Warszawa, 1958.

¹⁹ „Болгарско-русский фразеологический словарь“, составленный Кошелевым А. К. и Леонидовой М. А. (София—Москва, 1974).

²⁰ Под источником заимствования нами понимается исходный материал (прототип), существующий как в форме сложившейся ФЕ, так и в форме свободного словосочетания, содержащего отправной образ, представление, идею, мотивирующие будущую ФЕ. Подробно о разновидностях источников, а также о понятии истока фразеологических интернационализмов-заимствований см. с. 133—135 данной работы.

²¹ В качестве примеров приводятся латинские обороты, ставшие принадлежностью русского, английского и французского языков, а также — французские, употребляющиеся в русском и английском языках.

²² См., например, подобные взгляды в работе: Кондойди Н. В. Составление устойчивых словосочетаний французского, русского, английского и немецкого языков. — Сб.: Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1967, с. 182, 188.

Интересные материалы, показывающие семантические, грамматические и некоторые другие расхождения „крылатых выражений“ в русском и польском языках представлены в статье: Риш О. М., Гольцекер Ю. П. Некоторые наблюдения над „крылатыми выражениями“ в русском и польском языках. — Труды Самаркандского гос. ун-та, новая серия, 288. Вопросы фразеологии. Самарканд, 1975, с. 320—324.

²³ См., например, заключение С. В. Александровой, что причиной большего сходства „фигуральных выражений“ английского и немецкого языков по сравнению с таковыми английского (немецкого) и русского языков является соответственно большее воздействие античной литературы на страны Западной Европы. К вопросу о межъязыковой идиоматичности (на материале английского, русского и немецкого языков). — Сб.: Иностранная филология. вып. 8. Алма-Ата, 1976, с. 79.

²⁴ Подробно об этом см. с. 53—56.

²⁵ Вурм А. Ф. Сходства и различия русской и чешской фразеологии. — „Русская речь“, 1976, № 4, с. 114.

²⁶ О. Б. Сабирова, анализируя по произведениям Л. Фейхтвангера ФЕ немецкого языка, содержащие иноязычные элементы, отмечает возможность включения иноязычных слов в состав ФЕ не только посредством калькирования, но и на основе моделирования ФЕ по готовым образцам, путем синонимической замены исконных слов заимствованными. К структурно-семантической характеристике фразеологических единиц немецкого языка с лексемами иностранного происхождения. Актуальные вопросы фразеологии, вып. 2. Самарканд, 1971, с. 77—79. К. Г. М. Готлиб констатирует продуктивность лексических единиц, заимствованных из французского, в образовании фразеологизмов немецкого языка. Структурно-семантические особенности фразеологических единиц с заимствованным компонентом. — Сб.: Словообразование и фразеобразование. М., 1979, с. 137. В отдельных случаях происхождение подобного рода образований дается в словарях. Например, в словаре Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Hamburg, 1963, s. 128 указывается на образование нем. *fifty-fifty machen* в результате замены немецкой части *halbe halbe* английской *fifty-fifty* в ФЕ *halbe halbe machen*, которая широко использовалась в Германии, начиная с 20 столетия.

²⁷ Некоторые особенности функционирования и преобразования иноязычных слов, использующихся в качестве компонентов ФЕ немецкого и французского языков, выявляются соответственно в работах: Сабирова О. Б. Заимствованное слово как самостоятельная лексема и заимствованное слово в составе фразеологического комплекса. — Труды Самаркандского гос. ун-та, новая серия, вып. 219. Вопросы фразеологии, ч. 2. Самарканд, 1972, с. 81—86; Гутман Е. А., Лейчик В. М. Использование иноязычных элементов в

словосочетаниях современного французского языка. — Сб.: Вопросы языка и литературы, вып. 2, ч. 1. Новосибирск, 1968, с. 248—250.

²⁸ Философский словарь. М., 1972.

²⁹ Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977, с. 39.

³⁰ В ряде случаев в связи с выявлением причин частичных расхождений в образности в данном разделе привлекаются промежуточные типы интернационализмов.

³¹ См., например, об этом в отношении французского и русского языков в работе: Гак В., Рецкер Я. О французской фразеологии и французо-русском фразеологическом словаре (вступительная статья во "Французо-русском фразеологическом словаре" под ред. Я. И. Рецкера. М., 1962, с. 9).

³² Данные фразеологизмы, равнозначные между собой, оказываются омонимичными по отношению к нижеприведенным ФЕ.

³³ См. раскрытие символики цвета многих французских ФЕ данного типа в работе: Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977, с. 192—201.

³⁴ Возможность калькирования в отдельных случаях не исключается. Ср., например, французскую кальку *les diables bleus* с англ. *the blue devils*.

³⁵ На тенденцию лексики французского языка к отвлеченности указывают многие исследователи: Brøndal V. *Le français, langue abstraite*. Copenhague, 1936; Dauzat A. *Le génie de la langue française*. P., 1952, p. 350; Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, с. 378. Pollak W. *Die deutsche Sprache im Spiegel der Französischen*. Wien, 1955, S. 8; Galichet G. *Physiologie de la langue française*. P., 1958, p. 177; Tesnière L. *Éléments de syntaxe structurale*. P., 1959, p. 177; Смит Логан П. Фразеология английского языка. М., 1959, с. 153. Guiraud P. *Les locutions françaises*. P. 1967; Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1977, с. 265 и след. Данная особенность французских слов ярко проступает при сопоставлении их с лексикой языков других групп. На конкретность английских, немецких и русских слов по сравнению с французской лексикой указывают соответственно: Vinay J.—P., Darbelnet J. *Stylistique comparée du français et de l'anglais*. P., 1958, p. 59, 64; Ullmann S. *Semantic Universals*. *Universals of Language*. Ed. by J. H. Greenberg. 2nd ed. Cambridge (Mass.). L. 1966, p. 227—228; Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977, с. 77—87.

³⁶ См. об этом во вступительной статье: „О болгарско-русском фразеологическом словаре“ в кн.: Болгарско-русский фразеологический словарь. София—Москва, 1974, с. 25.

³⁷ Sauvageot A. *Portrait du vocabulaire français*. P., 1964, p. 209.

³⁸ Dubois J. *Les notions d'unité sémantique complexe et de neutralisation dans le lexique*. „Cahiers de lexicologie“. P., 1962.

³⁹ Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1977, с. 260.

⁴⁰ См., например: Гандельсон А. Английская синонимия. М., 1963.

⁴¹ См., например: Webster's New World Thesaurus. New York, 1975; The New American Roget's College Thesaurus in Dictionary Form. New York, New American Library, 1978.

⁴² Будагов Р. А. Человек и его язык. М., Изд-во МГУ, 1977, с. 165.

⁴³ На основании анализа большого фактического материала и широкого критического рассмотрения различных подходов к проблеме языковой экономии в мировой лингвистике Р. А. Будагов заключает: „...понятие экономии языка и понятие прогресса языка — это совершенно различные понятия. Прогресс языка в конечном счете определяется непрерывно растущими возможностями человеческого мышления, „экономика“ же языка — той или иной коммуникативной ситуацией, удобной в одних случаях и неудобной в других“ Указ. соч., с. 171—172.

⁴⁴ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 132—133.

⁴⁵ Обширные материалы по сопоставлению управления глаголов (эквивалентных глагольно-именных сочетаний) в русском и французском языках содержатся в работе: Демидова А. К., Назарян А. Г. Управление гла-

голов в русском и французском языках. М., 1977. См. также в этой связи: Горелик Ц. Т. Адъективные словосочетания в современном английском языке. М., 1967; Гинзбург Р., Хидекель С., Медникова Э., Санкин А. Глагольные словосочетания в современном английском языке. М., 1975.

⁴⁶ Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. Л., 1979, с. 149. См. в данной работе всестороннее рассмотрение типологии словосочетаний в английском и русском языках в сопоставительном плане (с. 147—183).

⁴⁷ Модель именных ФЕ с постпозитивным предложным определением, выраженным существительным, распространена в романских языках. Структура рассматриваемых ФЕ является прямым отражением соответствующей распространенной синтаксической модели свободных словосочетаний. См., например, анализ итальянских ФЕ данной модели в работе: Черданцева Т. З. Язык и его образы. М., 1977, с. 98—102.

⁴⁸ Об отсутствии, например, в румынском языке целого ряда продуктивных синтаксических моделей сложных словосочетаний, состоящих более чем из двух тесно связанных между собой членов, существующих во французском языке и являющихся характерными для романских языков вообще, пишет Л. И. Лухт в кн.: Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Румынский язык. М., 1970, с. 177—178.

⁴⁹ Тер-Авакян Г. А. Предлоги французского языка. М., 1977, с. 211.

⁵⁰ Менчер Э. М., Гутман Е. А. Некоторые аспекты сопоставления самостоятельного причастного оборота в английском и французском языках. — Сб.: Вопросы языка и литературы, вып. 2, ч. I. Новосибирск, 1968, с. 238.

⁵¹ Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., Изд-во МГУ, 1971, с. 240.

⁵² Алисова Т. Б. Указ. соч., с. 246.

⁵³ Болгарская „ни риба—ни рако“, чешская *ani ryba ani rak* и шведская *varken fagel eller fisk* параллели, частично отличаясь от приведенных ФЕ в образе, приближаются к разряду потенциальных интернационализмов. Болгарская и чешская ФЕ изоморфичны.

⁵⁴ О некоторых грамматических особенностях обобщения значения русских коммуникативных ФЕ, например, посредством определенных форм времени и лица см. в работах: Виноградов В. В. Русский язык. М.—Л., 1947, с. 461, 544—545 и др.; Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 1964, с. 164—165.

⁵⁵ Так, например, С. Н. Киселева отмечает значительно большую распространенность обобщенно-личных конструкций по сравнению с безличными в русском языке и противоположную картину в испанском языке. — Сб.: Актуальные вопросы русской фразеологии. М., 1975, с. 56.

⁵⁶ Черданцева Т. З. Язык и его образы. М., 1977, с. 147.

⁵⁷ В основном отрицание полисемии в области фразеологии, так же как и в области лексики, следует рассматривать как пройденный этап. Многозначность в сфере фразеологии вызвала возражения преимущественно в пятидесятых и в первой половине шестидесятых годов. Отрицание фразеологической полисемии находим, например, в работах: Ефимов А. И. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. М., 1953, с. 231; Гепнер Ю. Р. Фразеология в системе русского литературного языка. — „Науч. зап. Харьковского гос. пед. ин-та“. Лингвистическая серия, т. 20, 1957, с. 46; Рудов В. Ф. К вопросу о сущности фразеологических выражений. — „Уч. зап. Таганрогского гос. пед. ин-та“, вып. 5, 1958, с. 103. Критику позиций ученых, отрицающих полисемию ФЕ см., например, в работе: Ройзензон С. И. Полисемия глагольных компаративных фразеологических единиц. — „Труды Самаркандского гос. ун-та“, новая серия, вып. 277. Вопросы фразеологии, VII. Самарканд, 1976, с. 151—152.

⁵⁸ В определенной степени рассматриваемое положение вещей усугублялось отходом от традиционного направления в изучении полисемии, попытками в этот период истолковывать данное явление как несогласующееся с понятием „идеального языка“, представлениями о необходимости соответствия каждому слову лишь одного значения, о которых пишет и которые подвергает спра-

ведливой критике Р. А. Будагов в работе: Человек и его язык. М., Изд-во МГУ, 1976, с. 237—239.

⁵⁹ Отрицание многозначности ФЕ в 70-х годах находим, например, в работе: Долгополов Ю. А. Сопоставительный анализ соматической фразеологии (на материале русского, английского и немецкого языков), АКД, Казань, 1973, с. 115.

⁶⁰ Будагов Р. А. Указ. соч., с. 244.

⁶¹ Полисемия не характерна, например, для компаративных предикативных ФЕ немецкого языка (Чернышева И. И., 1964, 1970), парных ФЕ немецкого языка (Ольшанский И. Г., 1965), польских устойчивых сравнений (Гюлумянц К. М., 1967), английских глагольных компаративных ФЕ (Ройзензон С. И., 1976). Относительную семантическую активность в рассматриваемом отношении проявляют определенные семантические и лексико-грамматические разряды ФЕ: фразеологические единства немецкого языка (Ездиев Х. Х., 1969), фразеологические единства английского языка (Апресян Ю. Д., 1956), глагольные словосочетания французского языка (Степанова М. М., 1974), наречные, глагольные и именные ФЕ (перечисленные в порядке степени активности проявления многозначности) русского языка (Жуков В. П., 1978). Учитывая данные В. П. Жукова, представляется неправомерным суждение А. И. Молоткова о том, что: „Многозначность не является специфической особенностью какого-либо лексико-грамматического, тематического и т. д. разряда фразеологизмов“. Основы фразеологии русского языка. Л., 1977, с. 117. В. П. Шубина отмечает многозначность как одну из характерных особенностей жестово-мимических ФЕ немецкого языка, объясняя это многозначностью жестов. О жестово-мимических фразеологизмах немецкого языка. — Сб.: Фразеологическая система языка. Челябинск, вып. IV, 1978, с. 105.

⁶² Так, И. И. Чернышева разграничивает вторичный и параллельный метафорический сдвиги, учитывая характеристики конкретности — абстрактности значений полисемантических ФЕ. См.: Некоторые семантические категории фразеологии в сопоставлении с категориями лексики (на материале немецкого языка). — „Труды Самаркандского гос. ун-та“, новая серия, вып. 178. Вопросы фразеологии, III. Самарканд, 1970, с. 235—237. См. ее же: Фразеология немецкого языка. М., 1970, с. 99—112. В. П. Жуков признает возможность лишь параллельной метафоризации в развитии фразеологической многозначности. См.: О сопоставлении многозначности фразеологической единицы с многозначностью слова. — Сб.: Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Тула, 1968, с. 198. См. его же: Семантика фразеологических оборотов. М., 1978, с. 124—134. В. Т. Бондаренко описывает влияние синтаксического фактора на образование фразеологической многозначности. См.: О влиянии синтаксического фактора на развитие фразеологической полисемии в современном русском языке (на материале предикативных фразеологических единиц). — Сб.: Проблемы русской фразеологии. Тула, 1975, с. 96—101. В. М. Глухов раскрывает процесс образования полисемии глагольных ФЕ по аналогии. См.: Образование многозначных глагольных фразем путем аналогии. — Сб.: Проблемы образования фразеологических единиц. Тула, 1976, с. 115—128.

⁶³ Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Л., 1977, с. 119.

⁶⁴ Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. М., 1978, с. 124, 129—131.

⁶⁵ По вопросам о путях образования омонимов и сущности омонимии также существуют различные точки зрения. Так, например, М. И. Сидоренко ограничивает пути образования фразеологических омонимов процессами фразеологизации одного и того же переменного словосочетания и распадом полисемии. О фразеологических омонимах. — Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, т. 160, вып. 2. М., 1966, с. 255. В. В. Истомина (Пути образования различных типов фразеологической омонимии. — Сб.: Проблемы русского фразеологического образования. Тула, 1973, с. 127—128). В. М. Глухов (О внутрифразеологической омонимии. — „Русский язык в школе“. М., 1975, № 3, с. 70) и некоторые другие специалисты наряду с традиционно описываемыми процессами выделяют своеобразное заимствование литературным языком профессионализ-

мов, диалектных ФЕ, составных терминов. Г. Л. Пермяков исходит из знаковой природы омонимии, основу которой, по его мнению, составляет отсутствие неразрывной связи между означающим и означаемым". О явлениях паремиологической омонимии и синонимии. Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам I (5). Тарту, 1974, с. 228. По убеждению данного автора, разграничение между полисемией и омонимией существует только в диахронии, т. к. при синхроническом обозрении данные явления „практически не различаются". Указ. соч., с. 231.

Попутно отметим, что плодотворные исследования советских лингвистов, и в частности проф. О. С. Ахмановой в области лексической омонимии, разграничения омонимии и полисемии вылились в создание первого „Словаря омонимов русского языка" (1976), способствующего успешному решению проблем не только лексикографического описания данной категории слов, но и семантического анализа слова, определения его границ.

⁶⁶ На необходимость учитывать как содержание, так и форму ФЕ при отграничении полисемии от омонимии указывает Г. И. Краморенко. См.: К вопросу об изменчивости семантики фразеологических единиц. — „Уч. зап. Смоленского гос. пед. ин-та", вып. 10. Научные работы каф. немецкого языка. Смоленск, 1962, с. 35.

⁶⁷ Ройзензон Л. И., Эмирова А. М. Фразеологическая и лексическая омонимия. — „Труды Самаркандского гос. ун-та", новая серия, вып. № 178. Вопросы фразеологии III. Самарканд, 1970, с. 286—292.

⁶⁸ Эмирова А. М. Некоторые актуальные вопросы современной русской фразеологии. Самарканд, 1972, с. 84.

⁶⁹ Отметим, что А. И. Молотков не считает ФЕ, обладающие нетождественными формами употребления, фразеологическими омонимами, а допускает возможность говорить о существовании лишь „омонимических форм употребления" у данных ФЕ. См. указ. соч., с. 157.

⁷⁰ Молотков А. И. Указ. соч., с. 125.

⁷¹ Сидоренко М. И. О смысловой структуре фразеологизмов. — Сб.: Очерки по русскому языку и истории его развития. Л., 1969, с. 12.

⁷² Число полисемантических фразеологизмов русского языка составляет 17% от общего числа фразеологизмов, зарегистрированных во „Фразеологическом словаре русского языка" (1967). См. об этом в работе: Глухов В. М. Вопросы многозначности фразеологических единиц и их решение в „Фразеологическом словаре русского языка" под ред. А. И. Молоткова. — Сб.: Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Тула, 1968, с. 322.

Полисемантические ФИ рассматриваемых нами языков составляют от 5% до 15% от общего числа изоморфических интернационализмов.

⁷³ О связи многозначности ФЕ с многозначностью слова-компонента см., например, в работе: Черданцева Т. З. Язык и его образы. М., 1977, с. 115. На обоснованность констатации связи между полисемией английских ФЕ и их слов-компонентов указывает С. И. Ройзензон. Однако, исходя из большой вероятности наличия однозначных ФЕ с многозначными словами-компонентами (предположение, основанное на существовании в английском языке большого числа многозначных слов), а также „растворимости" значений слов-компонентов в ФЕ и невыводимости фразеологического значения из значений его компонентов, С. И. Ройзензон подвергает сомнению возможность считать многозначность слов-компонентов причиной полисемии ФЕ. См.: Полисемия глагольных компаративных фразеологических единиц. — „Труды Самаркандского гос. ун-та", новая серия, вып. 277. Вопросы фразеологии VII. Самарканд, 1976, с. 158.

Рассмотрение данного вопроса в сопоставительном плане показывает, что указанная связь может объяснять семантические расхождения.

⁷⁴ „Англо-русский фразеологический словарь", созданный А. В. Куниним (М., 1967 — третье издание); „Французско-русский фразеологический словарь" под ред. Я. И. Рещкера (М., 1963); „Немецко-русский фразеологический словарь, составленный Л. Э. Биновичем и Н. Н. Гришиным (М., 1975 — второе издание); „Болгарско-русский фразеологический словарь", составленный А. К. Кошелевым и М. А. Леонидовой (София—Москва, 1974).

⁷⁵ Возможность влияния отдельных компонентов на стилистический статус ФЕ неоднократно отмечалась лингвистами. В частности, Р. Н. Попов на основе глубокого всестороннего изучения ФЕ современного русского языка с лексическими, фонетическими и грамматическими архаизмами в своем компонентном составе заключает: „Большинство же фразеологизмов с архаичными элементами, которые придают им особую выразительность, не являются нейтральными в стилистическом отношении. Они имеют определенную стилистическую закрепленность“. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов“. М., 1976, с. 183. См. также: К и р с а н о в а Н. А. О некоторых семантических признаках фразеологических единиц. — Сб.: Проблемы фразеологии. М.—Л., 1964, с. 98.

⁷⁶ В. П. Жуков утверждает, что чаще всего компоненты не влияют на стилистическую окраску ФЕ. Стилистическая тональность складывается „обычно в результате метафорического переосмысления свободных словосочетаний такого же лексического наполнения...“ Семантика фразеологических оборотов. М., 1978, с. 82.

⁷⁷ Лежащий в основе формальной межъязыковой фразеологической общности тип неэквивалентных межъязыковых фразеологических отношений (существование разноязычных ФЕ, характеризующихся параллелизмом плана выражения при полном расхождении плана содержания) вскользь неоднократно рассматривался исследователями на материале разных языков. См., например: К у н и н А. В. Перевод устойчивых образных словосочетаний и пословиц с русского языка на английский. — „Иностранные языки в школе“, 1960, № 5, с. 97 (термин — „ложные эквиваленты“); Р а г и м о в А. С. Сравнительно-сопоставительный анализ английских и азербайджанских номинативных глагольных фразеологических единиц и способы перевода английских фразеологических единиц на азербайджанский язык. АКД, М., 1968, с. 225; О р л о в с к а я Л. Я. Сопоставительный анализ фразеологических единиц английского и латышского языков и некоторые принципы составления латышско-английского фразеологического словаря. АКД, М., 1969, с. 19; Д о л г о п о л о в Ю. А. Сопоставительный анализ соматической фразеологии (на материале русского, английского и немецкого языков). АКД, Казань, 1973, с. 15 (термин — „межъязыковые фразеологические омонимы“); А к у л е н к о В. В. Лексические интернационализмы и методы их изучения. — „Вопросы языкознания“, 1976, № 6, с. 56 (термин — „псевдоинтернационализмы“ — „омонимичные полифраземы“); К и т к а у с к е н е Л.-А. П. Структура, семантика и стилистика литовских фразеологизмов (сопоставительно с английскими). АКД. Вильнюс, 1979, с. 10 (термин — „ложный параллелизм“).

Мы полагаем, что рассматриваемый тип межъязыковых фразеологических отношений носит характер межъязыковой фразеологической универсалии.

В методических целях (для исключения своеобразной интерференции, сбоя с фразеологического уровня и отождествления нефразеологических фактов) отмечается необходимость учитывать и противоположное явление, т. е. совпадение плана содержания ФЕ при расхождении их плана выражения: Прохоров В. Д. Об ошибках, типичных для болгарских студентов, изучающих русскую фразеологию. — Сб.: Вопросы методики преподавания русского языка иностранцам, вып. 2. Л., 1979, с. 100—103.

⁷⁸ Ю. П. Гольцекер, например, широко определяя фразеологические омонимы, причисляет к ним не только образования, характеризующиеся полным расхождением плана содержания при наличии сходства формы, но и полисемантические ФЕ с одним тождественным значением, ФЕ, совпадающие по значению, но различающиеся по стилистической окраске, а также фразеологизмы, отличающиеся сочетаемостью или смысловыми оттенками и обладающие формальным сходством. Фразеологическая омонимия в близкородственных языках (переводческий аспект проблемы). — Уч. зап. Самаркандского гос. ун-та, вып. XIV. Вопросы фразеологии, 1979, с. 96—101.

⁷⁹ См. разделы данной работы, посвященные частичным лексическим и грамматическим расхождениям изоморфическим интернационализмам.

⁸⁰ к межъязыковым паронимам следует отнести слова сопоставляемых языков, не вполне сходные по форме, но могущие вызвать у большего или меньшего числа лиц ложные ассоциации и отождествляться друг с другом,

несмотря на фактическое расхождение их значений". Акуленко В. В. О „ложных друзьях переводчика“. В кн.: Англо-русский и русско-английский словарь „ложных друзей переводчика“. М., 1969, с. 372.

⁸¹ Изоморфические интернационализмы с частичными семантическими расхождениями, а также ФЕ, занимающие промежуточное положение между изоморфическими и формальными интернационализмами, должны стать объектом специального изучения в плане выявления складывающихся между ними отношений подобно тому, как специально исследуются аналогичные отношения в области лексики. См., например: Будагов Р. А. Ложные друзья переводчика. — В кн.: Человек и его язык. М., Изд-во МГУ, 1976, с. 267—274, а также Англо-русский и русско-английский словарь „ложных друзей переводчика“ (сост.: Акуленко В. В., Комиссарчик С. Ю., Погорелова Р. В., Юхт. В. Л., под общим руководством Акуленко В. В. М., 1969) — истинный друг переводчика, значение которого трудно переоценить как для теории, так и для практики перевода. См. также: Немецко-русский и русско-немецкий словарь „ложных друзей переводчика“ (сост. К. Г. М. Готлиб. М., 1972).

Составление словарей „ложных друзей переводчика“ в области лексики имеет давнюю историю. См., например, список подобных словарей, приводимый в работе: Готлиб К. М. К вопросу о так называемых междудязычных омонимах. — Сб.: Германские языки. Новосибирск, 1967, с. 251.

Настало время создания и словаря „ложных друзей переводчика“ в области фразеологии.

⁸² Впервые „фразеологические совмещения“ исследовались в работе: Абрамец И. В. Семантические основы некоторых приемов преобразования фразеологических единиц (на материале русских сатирических журналов 80-х годов XIX века). АКД. Самарканд, 1969, с. 20—25. См. также описание ФЕ данного типа в работе: Ройзензон Л. И., Абрамец И. В. Совмещенная омонимия в сфере фразеологии. — „Вопросы языкознания“, 1969, № 2, с. 54—63.

Параллелизм и специфика фразеологических совмещений, исходные словосочетания которых называют жесты, на материале русского, английского и немецкого языков рассматривались соответственно в работах: Андриянов В. В. Сравнительная характеристика жестов русских и французов. В кн.: Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977, с. 260—268; Долгополов Ю. А. Указ. соч., с. 19.

⁸³ Здесь не затрагиваются расхождения, связанные с особенностями национальных форм исполнения действий человеком. Интересные материалы о специфике речевого поведения носителей языков разных культурных ареалов представлены в коллективной монографии: Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977. Важность учета подобных явлений для методической стороны дела (необходимость изучения невербальных языков при овладении иностранным языком) убедительно доказывается в книге: Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М., 1976, с. 145—161.

Глава III. Независимое развитие межъязыкового фразеологического параллелизма

¹ Гипотетическое высказывание о возможном существовании семантических универсалий, действии семантических процессов, общих для разных в генетическом и типологическом отношении языков, порождающих идиоматичность, находим в работе: Эмирова А. М. Некоторые актуальные вопросы русской фразеологии. Самарканд, 1972, с. 51—55.

² Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка. М., 1976, с. 54.

³ Во „Французско-русском фразеологическом словаре“ под ред. Я. И. Рецкера (1963) и „Англо-русском фразеологическом словаре“ А. В. Кунина (1967) зафиксировано несколько десятков ФП указанного типа.

⁴ См. рассмотрение указанных синтагматических отношений соответственно в двух взаимосвязанных аспектах („внешние“ и „внутренние“ синтагматические отношения) в работе: Эмирова А. М. Указ. соч., с. 86—91.

⁵ Зиндер Л. Р. О лингвистической вероятности. — „Вопросы языкознания“, 1958, № 2, с. 123.

⁶ Телия В. Н. Семантический аспект сочетаемости слов и фразеологическая сочетаемость. — В кн.: Принципы и методы семантических исследований, М., 1976, с. 245.

⁷ Авалиани Ю. Ю. Понятие структурообразовательной типологии фразеологических единиц. — Сб.: Актуальные вопросы фразеологии. Самарканд, 1968; Авалиани Ю. Ю. К теории семантического поля во фразеологии (тематико-семантические группы фразеологических единиц). — Сб.: Вопросы фразеологии, вып. 14. Самарканд, 1979.

⁸ Эмирова А. М. Некоторые актуальные вопросы современной русской фразеологии. Самарканд, 1972, с. 38—49, 69—70. См. также некоторые другие работы данного автора, весьма полезные для разработки проблем структурной и семантической типологии ФЕ, изучения фразеологических полей: Эмирова А. М. О тематически стержневых словах в составе некоторых фразеологических единиц современного русского языка. — Сб.: Актуальные вопросы фразеологии. Самарканд, 1968; она же. Структурные и семантические характеристики одного фразеологического поля. — Сб.: Вопросы фразеологии, вып. XI. Самарканд, 1977; она же. Структура и семантика фразеологического поля эмоций. — Сб.: „Вопросы общего языкознания и структурно-типологического исследования языков. Самарканд, 1978; она же. Фразеология сферы интеллектуальной деятельности. — Сб.: Вопросы фразеологии, вып. XIII. Самарканд, 1978.

Перспективными в рассматриваемом плане являются также следующие новые исследования по фразообразовательному моделированию: Мокиенко В. М. Структурно-семантическое моделирование и сопоставительный анализ русской и чешской фразеологии. — В сб.: Konfrontacni studium ruske a ceske gramatiky a slovní zásoby. Praha, 1974; Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М., 1980, с. 40—75; Куркова Л. С. Структурно-семантические модели фразеологизмов семантического поля „мышление“ в немецком и русском языках. М., 1979. (Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР). Библиографический указатель. „Языкознание“, 1979, № 6; Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980, с. 57—86.

⁹ Назарян А. Г. Указ. соч., с. 54.

¹⁰ Вообще соматическая фразеология занимает значительное место в общем фразеологическом корпусе языков. Так, Р. М. Вайнтрауб отмечает, что соматическая фразеология составляет около 30% фразеологического фонда любого языка. См.: Опыт сопоставления соматической фразеологии в славянских языках. — „Труды Самаркандского гос. ун-та“, новая серия, вып. 288. Вопросы фразеологии, IX. Самарканд, 1975, с. 159.

¹¹ Ходина Н. Т. „Рука“ как символ власти в русских, английских и французских фразеосочетаниях. — Сб.: Вопросы фразеологии, вып. IX. Самарканд, 1977, с. 56—60.

¹² Ходина Н. Т. Отражение поверий, предрассудков, обычаев во фразеологии (на материале русского, английского и французского языков). — Сб.: Вопросы структуры и семантики германских и романских языков. Воронеж, 1975, с. 103—108.

¹³ Так, наряду с учетом равных возможностей обоих факторов и их взаимодействия (см.: Ходина Н. Т. Кто первый отогрел змею на груди? — Сб.: Вопросы филологии и методики преподавания германских и романских языков. Воронеж, 1974, с. 48—53) находим и одностороннее утверждение: „Нам кажется, что существование однотипного фразеосочетания во многих языках, принадлежащих к различным семьям, объясняется, прежде всего, существованием тех обычаев, которые явились основой для его создания“ (еже: „Поросенок или кот? См. указ. сб., с. 57).

¹⁴ Подобные или принимающие несколько иные формы (например, с точки зрения уровневой принадлежности) явления наблюдаются также в условиях актуальных, реализуемых в наше время ситуаций. Ср., например, фразеологическую реальность в английском и потенциальность в русском языках в следующем случае: англ. smoking-room talk — мужской разговор; ср. ситуацию, когда носители русского языка, курящие мужчины, говорят: „Пойдем(те)

покурим", — подразумевая при этом предстоящую беседу. Ср. также фразеологическое воплощение в английском и французском языках при отсутствии подобной фразеологической материализации в русском, общих для носителей этих языков поверий: англ.: cast (lay, put или throw) salt on smb's tail (или on the tail of smb) — насыпать соли на хвост; поймать, изловить; фр. croire que les enfants naissent dans les choux — быть наивным; думать, что детей находят в капусте.

¹⁵ Так, например, Ц. Вранска отмечает большее сходство пословиц болгар с пословицами сербов, чем с таковыми других славянских народов, объясняя это „общностью исторических судеб сербов и болгар“. Болгарские народные пословицы с исторической тематикой в сравнении с пословицами других славянских народов. — Сб.: Славянская филология, вып. 3, М., 1958, с. 355, 357.

¹⁶ Критику этих взглядов см., например, в работах: Козлова М. С. Философия и язык. М., 1972; Альбрехт Э. Критика современной лингвистической философии. М., 1977.

¹⁷ В. М. Солнцев, исходя из ленинской теории отражения, подчеркивает: „Именно на основе знаний о внешнем мире, отраженных в мышлении, возможна творческая деятельность мышления, конструирование идеальных предметов, „умственных вещей“, порождение фантастических образов и представлений, в которых косвенно и опосредованно, а иногда искаженно и ложно отражается мир“. Язык как системно-структурное образование., М., 1977, с. 128.

¹⁸ Гегель. Сочинения. Т. I. М. — Л., 1929. (Цитируется по кн.: Антология мировой философии. В четырех томах. Т. III, М., 1971, с. 294—295).

¹⁹ Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. М., 1965, с. 389, 391.

²⁰ Наиболее крупной в этой области представляется работа: Петрухин А. И. Мировоззрение и фольклор. Чебоксары, 1971. Более узкое, категориальное рассмотрение стихийного материализма народных масс осуществляется В. И. Черновым: Философия и фольклор. Саратов, 1964. Специальной работой, посвященной рассмотрению отражения основных законов и парных категорий диалектики в коммуникативных ФЕ, выполненной преимущественно в методическом русле, является: Солодухо Н. М., Солодухо Э. М. Об одном способе обучения английским коммуникативным фразеологическим единицам в группе студентов историко-филологического факультета (с использованием законов диалектики). — В кн.: Вопросы методики и психологии преподавания иностранного языка в системе университетского образования. Казань, 1980.

²¹ См.; например: Перетц В. Н. Из истории пословицы с приложением польских пословиц. СПб., 1898, с. 12; Шахнович М. Краткая история собирания и изучения пословиц и поговорок. — „Советский фольклор“, 1936, № 4, 5, с. 315, 326, 343; Соколов Ю. М. Пословицы и загадки. — В кн.: Русский фольклор. М., 1941, с. 201—202; Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957, с. 35—37; Аникин В. П. Мудрость народов Востока. — Сб.: Пословицы и поговорки народов Востока. М., 1961, с. 11—12, 18; Будаев И. Б. Адекватные пословицы и поговорки разных народов. Улан-Уде, 1962, с. 8; Жигулев А. М. Из истории изучения и собирания пословиц и поговорок. — Сб.: Русские народные пословицы и поговорки. М., 1965, с. 327—328.

²² См., например, соответствующие работы по теории „речевой этнографии“ и „этнических жанров“: Arewa Ojo E., Dundes Alan. Proverbs and the Ethnography of Speaking Folklore. — „American Anthropologist“, 66 (6), pt 2, 1964, p. 70—85; Ben-Amos Dan Analytical Categories and Ethnic Genres. — „Genre“, 2, 1969, p. 275—301.

²³ См. обзорные статьи, посвященные проблеме классификации пословиц: Кууси М. К вопросу о международной системе пословичных типов. Паремнологический сборник. М., 1978, с. 53—81; Фойт В. Разработка общей теории пословиц. Указ. сб., с. 230—237.

²⁴ Пермьяков Г. Л. Избранные пословицы и поговорки народов Востока. М., 1968, с. 26—27. См. его же: Пословицы и поговорки народов Востока. М., 1979, с. 18.

²⁵ Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки. М., 1970, с. 141. Л. И. Ройзензон говорит о данных образованиях в связи с выделяемым им логико-синтаксическим типом фразеологизации как о лингвистически реализованных в разных языках одинаковых логико-семиотических фигурах. Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд, 1971, с. 92—93.

²⁶ Солодухо Н. М., Солодухо Э. М. Законы диалектики в пословицах и поговорках. ИНИОН АН СССР (№ 1016, М., 1976, с. 4).

²⁷ Шептулин А. П. Объективная и субъективная диалектика. — В кн.: Очерки по диалектическому материализму. М., 1977, с. 96.

²⁸ Известно, что значительная часть пословиц и поговорок, бытующих в наше время — достояние предшествующих поколений. Например, по данным М. А. Рыбниковой, около 40% собранных ею пословиц, имеющих хождение в 30-х годах нашего века, в значительной степени сохранили содержание и облик, в которых они предстают в изданных П. Симони сборниках пословиц конца XVII—XVIII веков. Введение к сборнику „Русские пословицы и поговорки“. М., 1961, с. 25.

Глава IV. Фразеологическая и лексическая интернационализация по линии заимствования

¹ Краткое освещение данный вопрос получил в статье: Солодухо Э. М. Некоторые особенности фразеологического заимствования. Сборник аспирантских работ (языкознание). Изд-во КГУ. Казань, 1972.

² Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка 17—18 вв. М., 1934, с. 132.

³ Мы согласны с Е. Н. Гибало, что термин „семантическое калькирование“ наиболее точно передает характерный и основной признак рассматриваемого процесса — копирование семантической структуры. К обоснованию термина „семантическое калькирование“. — Сб.: Иностранная филология, вып. 8. Алма-Ата, 1976, с. 82, 90. Однако при сравнительном рассмотрении типов заимствования не считаем необходимым исключать термин „семантическое заимствование“, формально согласующийся с устанавливаемыми точками соприкосновения разных миграционных процессов.

⁴ Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М. Современный русский язык. М., 1958, с. 54.

⁵ Множество подобных примеров приводится в работах: Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968; Василевская И. А. Лексические новшества в русской литературной речи XVIII в. (иноязычно-русские однословы). — В кн.: Русская литературная речь в XVIII веке. М., 1968, с. 197; Брагина А. А. Неологизмы в русском языке. М., 1973.

⁶ См., например, об этом: Некрот А. Д. Неологизмы русского происхождения в лексике чешского литературного языка (1917—1962). АКД, Киев, 1965; Розен Е. В. Новое в лексике немецкого языка. М., 1976, с. 60. Логинова З. С. Фразеологические кальки по английской модели в русской спортивной терминологии. — „Русский язык в школе“, 1976, № 2, с. 84—86; Кузина А. А. Калькированные устойчивые сочетания русского происхождения в немецком языке (на материале прессы ГДР). — Сб.: Функциональный синтаксис немецкого языка. Челябинск, 1977, с. 73; Лилич Г. А. Взаимодействие русского и чешского языков в эпоху социализма — Вестник ЛГУ, 1977, вып. 4, с. 108; Horálek K. Nová přístupy k jazykové konfrontaci — „Slovo a slovesnost“, 38, Praha, 1977, № 1, str. 9—13.

⁷ В ходе работы не только уточнены противоречивые данные о происхождении многих интернационализмов, но и устранен целый ряд пробелов в их этимологии.

⁸ „Rund um die Uhr“ — Sprachpflege. Leipzig., 1971, N 8, S. 171.

⁹ Подробно о классификации источников ФЕ библейского и мифологического происхождения см. в кн.: Солодухо Э. М. Вопросы сопоставительного изучения заимствованной фразеологии. Казань, 1977, с. 80—100.

¹⁰ См. об этом с. 142—144 данной работы.

¹¹ В специальных исследованиях раскрываются определенные закономерности преобразования фразеологических калек в отдельных языках. См., например: Пономаренко Л. А. Об ассимиляции английских фразеологических калек с французского языка. Вопросы описания лексико-семантической системы языка. Тезисы докладов. Ч. II. М., 1971, с. 80—84; Логинава З. С. Указ. соч., с. 85—86; Кузина А. А. Указ. соч., с. 72; Солodухo Э. М. Указ. соч., с. 47—76; Гюльмагомедов А. Г. Основы фразеологии лезгинского языка. Махачкала, 1978, с. 121—127.

Л. Н. Семенова, не рассматривая вопросы автономного развития калек на почве заимствующих языков, представляет фразеологическую конвергенцию по линии калькирования как механический, прямолинейный процесс. К вопросу о контактной фразеологии (фразеологическое калькирование). — Сб.: Проблемы русской фразеологии. Тула, 1975, с. 114—116.

¹² Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970, с. 21.

¹³ Цитируется по кн.: Овруцкий Н. О. Крылатые латинские выражения в литературе. М., 1969, с. 16.

¹⁴ См., например: Реферовская Е. А. Французский язык в Канаде. Л., 1972, с. 201—204; Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев, 1974, с. 146—152.

¹⁵ Некрот А. Д. Фразеологические кальки русского происхождения в чешском литературном языке. — Сб.: Вопросы семантики фразеологических единиц славянских, германских и романских языков, ч. 2. Новгород, 1972, с. 111.

¹⁶ Специально эта группа ФИ рассматривается на с. 25—35 данной работы.

¹⁷ А. И. Федоров отмечает возможность закрепления содержательных знаков, в том числе и ФЕ, не только за понятиями, но и представлениями, особенно тех фразеологизмов, «этимологический элемент содержания которых (образное представление, мотивирующее содержание фразеологизма) не отражает реальных фактов, явлений...» Выражение понятий и представлений в языке и речи. — Сб.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования, вып. 3. Новосибирск, 1974, с. 10.

¹⁸ В этом отношении процесс фразеологического калькирования сближается с морфологическим калькированием, а заимствование ФЕ в их иноязычной форме — с материальным заимствованием иноязычной лексики. Учитывая возможность развития новых значений при калькировании, а также при переходе в другие языки ФЕ в их иноязычной форме, можно рассматривать данные семантические процессы этих типов фразеологического заимствования как последовательную (межъязыковую) метафоризацию ФЕ. Напротив, одинаковое переосмысление аналогичных исходных словосочетаний независимо друг от друга в разных языках представляется как параллельная (межъязыковая) метафоризация. Данные межъязыковые семантические процессы оказываются в известном смысле аналогичными соответствующим внутриязыковым.

¹⁹ Маковский М. М. Языковой механизм лексико-семантического заимствования. — «Иностранные языки в школе», 1970, № 3, с. 16.

²⁰ Чернышева И. И. Некоторые закономерности развития фразеологической системы. — Сб.: Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1967, с. 46.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Глава I. ИЗУЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ	3
Состояние разработанности проблем фразеологической интернационализации	3
Устаковление интернациональной фразеологии и задачи исследования фразеологической интернационализации	10
ГЛАВА II. ТИПЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОВ	18
Понятие фразеологической эквивалентности и классификация фразеологических интернационализмов	18
Интернационализмы с полным фонографическим (звуковым и графическим) сходством	25
Интернационализмы с частичным фонографическим (звуковым и/или графическим) сходством	35
Промежуточные типы интернационализмов	43
Изоморфические интернационализмы	46
Лексические расхождения	46
Грамматические расхождения	63
Семантические расхождения	72
Стилистические расхождения	92
Формальные интернационализмы	93
О границах и соотношении категорий интернационального и национального в сфере фразеологии	102
Глава III. НЕЗАВИСИМОЕ РАЗВИТИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА	105
Некоторые универсальные явления во фразеологии и возникновение межъязыкового фразеологического параллелизма	105
Лексические слои, богатые интернациональной фразеологией	113
Этимолого-генетические корни независимого развития межъязыкового фразеологического параллелизма	115
Фразеологическая материализация логико-мыслительных построений	122
Глава IV ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ И ЛЕКСИЧЕСКАЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПО ЛИНИИ ЗАИМСТВОВАНИЯ	129
Основные способы интернационализации лексики по линии заимствования (механизмы и особенности процессов)	130
Семантическое калькирование и интернационализация	130
Материальное лексическое заимствование и интернационализация	131
Словообразовательное калькирование (морфологическое заимствование) и интернационализация	132

Основные способы интернационализации фразеологии по линии заимствования (механизмы и особенности процессов)	133
Истоки и источники фразеологических интернационализмов-заимствований	133
Фразеологическое калькирование и интернационализация	136
Семантическое фразеологическое заимствование и интернационализация	140
Фразеологическое заимствование без перевода и интернационализация	141
Об общем в интернационализации фразеологии и лексики по линии заимствования	141
Некоторые особенности фразеологического заимствования и интернационализации фразеологии	142
Заключение	144
Условные сокращения	148
Примечания	149

Эдуард Моисеевич Солодухо

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИИ

Редактор Ю. И. Соловьев
 Тех. редактор Р. У. Камал
 Художник. Г. И. Куленева
 Корректоры Л. М. Самуйлина, Л. С. Губанова

ИБ № 558

Сдано в набор 27/VIII-1981 г.
 Подписано к печати 23/XI-1982 г.
 ПФ 10368
 Формат бумаги 60×90 1/16
 Печ. л. 10,5
 Уч.-изд. л. 12,96
 Заказ Н-685
 Тираж 1875 экз.
 Цена 1 р. 80 к.

Издательство Казанского университета, г. Казань, ул. Ленина, д. 2

Полиграфический комбинат им. Камиля Якуба
 государственного комитета ТАССР по делам издательств,
 полиграфии и книжной торговли
 г. Казань, ул. Баумана, д. 19